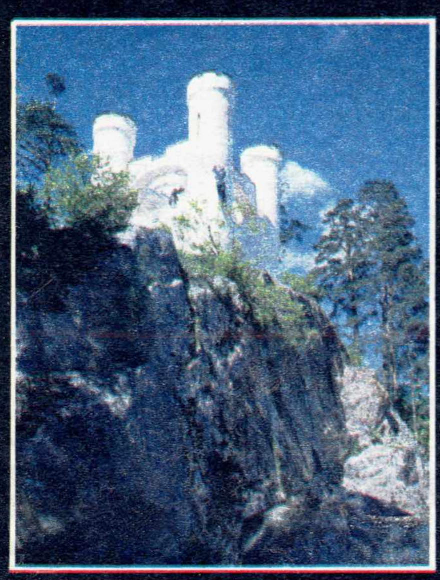
ISSN 0131-0097

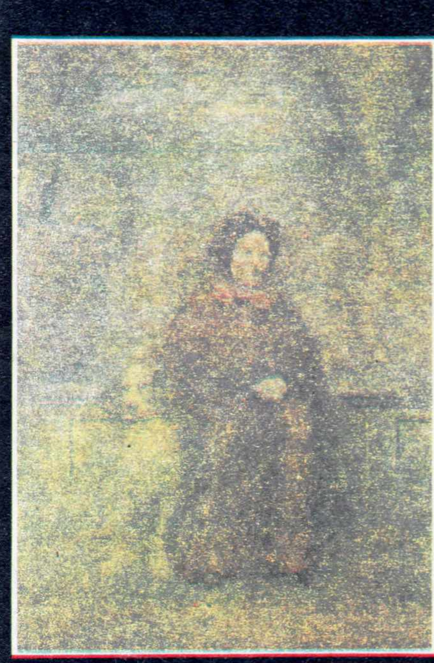
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1989

ВЫБОРГ: ПАРАДОКСЫ БЫТА

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ

РУССКИЙ ЖИВОПИСЕЦ ИЗ ПАРИЖА

СИМВОЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 38 (3243)

16 — 23 СЕНТЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фонтан «Дружба народов» на ВДНХ СССР.
Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 28.08.89. Подписано к печати 12.09.89. А 08915. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 1147. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Анатолий ГОЛОВКОВ, обозреватель журнала «Огонек»
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

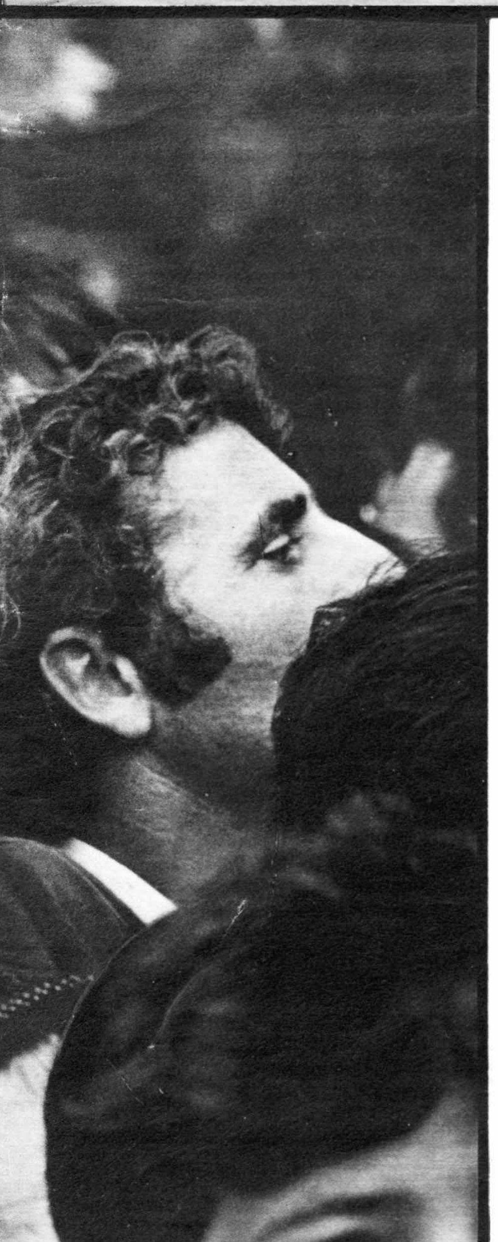
Дебаты по поводу законопроектов о языке финишировали на сессии Верховного Совета Молдавии. Законы приняты. А страсти все не утихают, республика наэлектризована.

Воздержимся от ярлыков, столь полюбившихся некоторым печатным изданиям для обозначения явлений последнего времени, которые не укладываются в догматические каноны. Вдумаемся в суть происходящего: ведь у всякого противостояния есть причины.

И молдаване, и те, кто говорит в республике на русском языке, требуют к себе уважения. Но, по-моему, вновь задаваться вопросом, имеют ли право молдаване предпочесть кириллице латинское написание слов, а молдавский язык — преобладающим для общения на своей родине — значит поставить под сомнение их гражданские права. Молдаване выстрадали эти права, как и другие большие и малые народы Союза ССР, в десятилетиях ожиданий, которые не оставляли места даже проблескам надежд. Даже малейшему шансу быть услышанными не то что центром — традиционными его наместниками, среди которых был и Л. И. Брежнев.

«Вначале было Слово...». Слово, сказанное на родном языке, и не только выбитое на могильном лабрадоре, дает могучую энергию возрождения нации, ее Духу, ее Будущему. Не вижу ничего порочного в том, что молдаване, оставляя право русским общаться по-русски, гагаузам — по-гагаузски, евреям — по-еврейски, украинцам — по-украински, считают, что гражданин республики обязан знать молдавский хотя бы в пре-

МОЛДАВИЯ: БРЕМЯ ВЫБОРА

делах бытовой необходимости. Хоть казните — ничего дурного, предосудительного не нахожу в этом! А фронт «Единство», объединяющий русскоязычное население, настроен иначе. «Обидно и больно, что в столь острой ситуации,— говорилось на 60-тысячном митинге в Тирасполе 28 августа,— ЦК Компартии Молдавии, Президиум Верховного Совета Молдавской ССР своими действиями по сути поддерживают тех, кто вбивает страшный клин между народами республики».

«Территория и язык,— говорил через два дня на сессии Председатель Президиума Верховного Совета Молдавии М. И. Снегур,— два основных признака нации. Поэтому стремление народа сохранить и развивать свой язык не только законно, но оно составляет саму сущность народа, ибо он живет, пока живет его язык».

«Единство» требовало и требует двух государственных языков — русского и молдавского... Мировой опыт знает прецеденты двуязычия, все так. Но разве, допустим, в Канаде говорящие по-французски подвергались когда-нибудь такому тотальному унижению и бесправию перед англоязычным населением, как молдаване: сначала перед царским самодержавием, а затем сталинской империей? Разве трудно в связи с этим понять братский народ, который поверил, что перестройка дает ему шанс на возрождение? Вроде бы все ясно, и вопросы звучат риторически. Но отчего же тогда бурлят молдавские города? Отчего бастуют тысячи людей? Отчего крики «Жос!» («Долой!») толкают распаленную толпу на штурмы?

Противостояние ожесточило людей. Рассорило целые семьи, родственников, бывших друзей... Если темпераментным молдаванам надо бы запастись сдержанностью, то говорящим по-русски — терпимостью и отказаться от привычки к имперским замашкам. Вот где начинаются крайности среди населения, мало подготовленного к демократии: одни серьезно считают, что могут диктовать условия лишь по причине «мирового величия» и многомиллионной численности, не желая даже спокойно выслушать коренной народ, другие, похоже, кроме своей республики, своего трехцветного флага, кажется, и не видят ничего больше — ни других республик, ни флагов, ни проблем.

Феномен узконационального эгоизма, помнится, поразил меня еще в Риге, когда только обсуждалась программа будущего Народного фронта. В то время иные неформалы рассуждали так, словно бы, кроме латвийских болевых точек, ничего не существует. Словно бы не в Москве родилась идея перестройки. И в Грузии это бросалось в глаза, и в Армении... Всем своим видом, рассуждениями иные лидеры как бы желали дать понять: у нас свои дела!.. Еще тогда наметилась тревожная тенденция к национальному изоляционизму, к нежеланию понимать, что события в республиках Союза — суть отражение общесоюзного политического и экономического кризиса. А местные проблемы, дескать, можно решить по-своему, «по-домашнему». И вот время доказывает: невозможно так, не получается. Стоит ли бастовать против законопроектов о языке, устраивая стачки людей одной национальности против другой? Если так и дальше добавлять к политическим издержкам, недоразумениям, по капле, по ложечке экономические потери, мы долго из кризиса не выкарабкаемся. У нас и без этого дыр латать не перелатать! Мы уже сидим без мыла и сахара, а не ровен час — окажемся без соли и спичек...

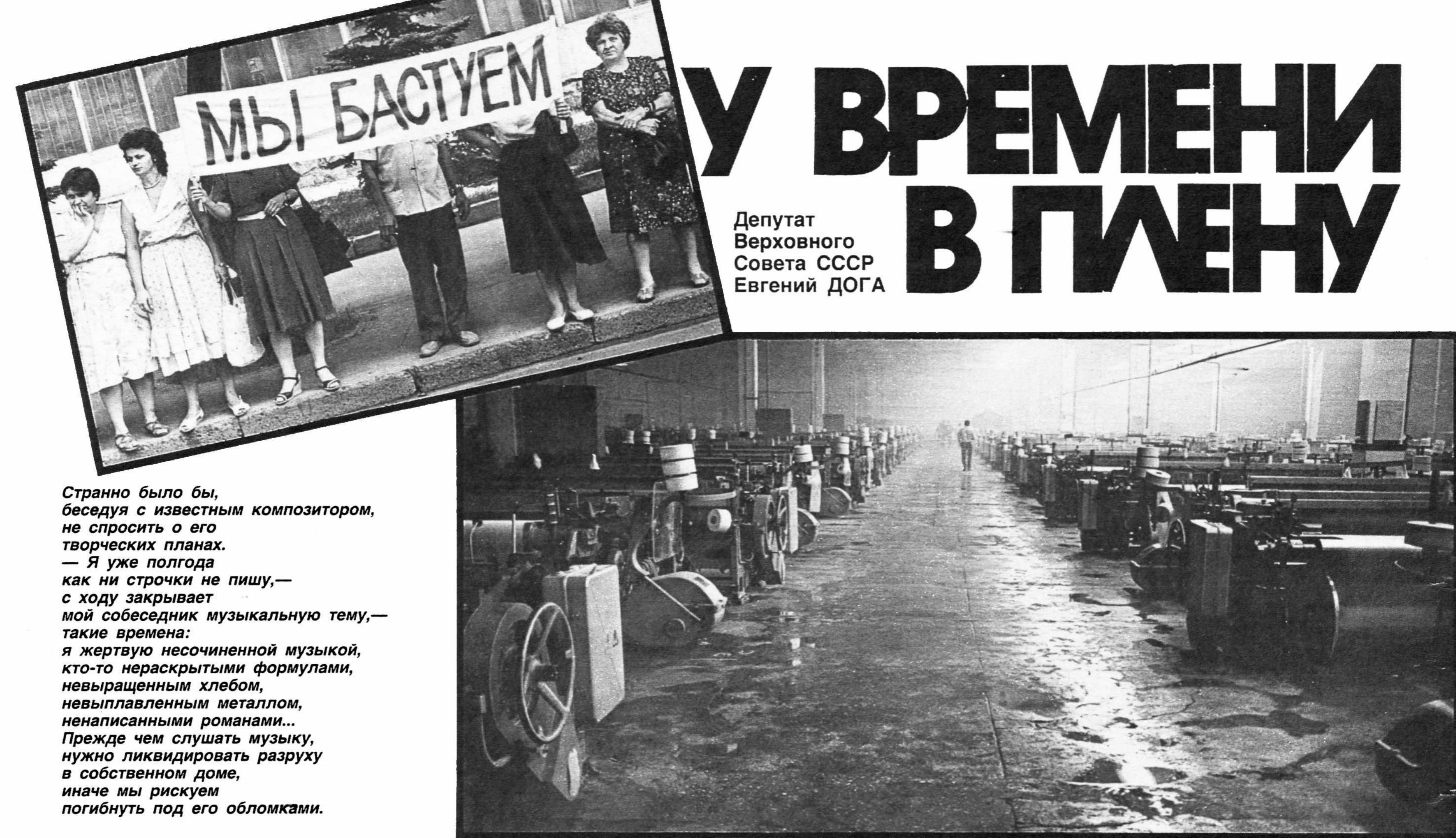
К национальному эгоизму и великодержавным амбициям примешивается труднообъяснимая медлительность центра. Очевидно, на ближайшей сессии Верховного Совета СССР неизбежно возникнут вопросы политической реформы, бесспорно, интересен и важен будет Пленум ЦК по национальным проблемам. Апрель в Тбилиси показал, что силой уже не получается, да и не позволят больше повторения силовых решений ни общественность, ни Верховный Совет СССР. С другой стороны, похоже, что официальный пакет предложений замыкается на декларациях опубликованной недавно Платформы КПСС, а «варианты со стороны» отпугивают, да и не очень они известны.

Сессия Верховного Совета Молдавии явилась моментом кульминационным в многомесячной ожесточенной политической борьбе. В борьбе, думаю, не только за то, на каком языке говорить и писать, но также и борьбе за власть. Митинги, собрания выдвинули лидеров, готовых вступить уже в иную, предвыборную борьбу, когда начнется выдвижение кандидатов в народные депутаты местных Советов. Лидеры и с той, и с другой стороны слушать друг друга как бы разучились. Попытки переговоров пока ни к чему не привели. И, кажется, не логика действует — выкрики, лозунги. Не разумные доводы — многотысячный ор.

Страсти были накалены до предела, когда Молдавия, которая могла заполнить площади, заполнила их, а которая не имела возможности — прильнула к телевизорам, радиоприемникам. Нашего фотокорреспондента, который запечатлевал на пленке исторический момент, хватали за руки, не давая снимать, то представители Народного фронта, то их политические противники из «Единства», подозревая в провокации. Газета забастовочного комитета «Бастующий Тирасполь» напечатала частушку: «Против национализма (?) забастовка началась. В безусловную поддержку вся Молдова поднялась».

Устали все. Отчаялись найти общий язык — не молдавский или русский — язык взаимопонимания! Всех захватило нынче ожидание какого-нибудь высокого московского визитера: приедет и «всех нас рассудит». Приехать-то, наверное, приедет, да рассудит ли?

Парламентарии Верховного Совета Молдавии сделали нелегкий выбор. Законы о языке отразятся на судьбах тысяч людей. Хватит ли населению республики в эти непростые дни мужественной ответственности за будущее? Достанет ли нам, живущим далеко от этой кипящей земли, терпимости и доброты?

У времени в плену

Депутат
Верховного
Совета СССР
Евгений ДОГА

Странно было бы, беседуя с известным композитором, не спросить о его творческих планах. — Я уже полгода как ни строчки не пишу,— с ходу закрывает мой собеседник музыкальную тему,— такие времена: я жертвую несочиненной музыкой, кто-то нераскрытыми формулами, невыращенным хлебом, невыплавленным металлом, ненаписанными романами... Прежде чем слушать музыку, нужно ликвидировать разруху в собственном доме, иначе мы рискуем погибнуть под его обломками.

— Вам не кажется, что, еще не подступившись к ремонту, мы запутались в выяснениях, кто в доме хозяин?

— Действительно, нас просто захлестнула волна дележки, кому что принадлежит. Я, молдаванин, не могу сегодня позволить себе невинного восклицания: «Ах, как нравятся мне мои молдавские...», к примеру, холмы. Потому что тут же рядом кто-то возразит: «Нет, это и мои тоже». Мы словно дети, которые тянут куклу в разные стороны, доказывая на нее свои права. Но в результате вспыхивают далеко не игрушечные страсти, а в споры, затрагивающие интересы целых регионов, наций и народностей, втянуты многие миллионы людей.

— Вы хотите сказать, что мы вступили в опасное время, когда, как поет одна известная рок-группа, слово «национальность» созвучно слову «нож»?

— Я хочу сказать, что это страшно, если вокруг такой спертый, удушливый воздух, что люди напрочь утрачивают обоняние и единственно различимым для них становится запах крови. Для меня «национальность» привычно звучит как «цветок». У каждого цветка свой аромат — в этом вся его ценность. Кому я буду нужен как композитор, если в моей музыке не будет аромата моей родины? И когда я приезжаю в березовые края, в душе рождаются совсем другие мелодии.

— Евгений Дмитриевич, но все же вы интернационалист?

— Спрашивая об этом молдаванина, теперь чаще всего хотят узнать его отношение к русским, вообще ко всему советскому... Я вырос в многонациональной Молдавии, говорю на пяти языках, женат на русской — интернационалист ли я?.. Помню, как детьми мы бегали смотреть на русских солдат. Это был 44-й, и прежде мы не знали, какие они, русские. Мы радовались, хотя хлебом-солью не встречали — не было ни хлеба, ни соли. Но радовались и встречали, чем могли. Я помню об этом, когда слышу: «А теперь вы нас, русских, называете захватчиками!» И я всегда буду помнить тех советских людей, которых фашисты живьем закапывали в землю на краю нашего села... Но я не могу забыть и о другом. Первое дуло автомата, которое я увидел вблизи, принадлежало советскому солдату, оно было приставлено к груди моей мамы, и он повел маму по двору под прицелом и не убрался, пока не вымел все, что представляло хоть малую ценность. Кто он был — бог знает, но в моей детской памяти и это осталось зарубкой навсегда, и как это сбросишь со счетов? Я против того, чтобы забрасывать друг друга бесконечными обвинениями и попреками. Но я против и того, чтобы идеализировать любую отдельную нацию, возводить ее в сверхнарод, супернацию, в которой все сплошь паиньки и честные герои, под утверждение, что эта нация несла другим только свободу.

По-разному эта свобода оборачивалась. Потому что одних освобождали, да. Но других — тысячи безвинных людей! — тут же отправляли в Сибирь, откуда они уже никогда больше не вернулись. И это я видел тоже: их запихивали в вагоны так тесно, как не перевозят и скот, наглухо закрывали и везли за тысячи километров без глотка воды; и более того, когда пересекали Волгу, им давали соленую рыбу, и люди, как звери, загрызали друг друга... И ведь преступления эти творили не какие-то фашисты проклятые, а советские граждане. Так давайте теперь все спокойно и взвешенно анализировать: боль моего народа и определенное недоверие, особенно старшего поколения, ко многому, что приходит «с востока». Увы, не только солнце приходило с востока!

Я не взываю к мести. Но мне, повторяю, не все равно, кто есть кто. Разве мне может быть безразлично, что мой отец честно сражался, но погиб штрафником — только потому, что он родом из так называемых новых земель! Разве мне может быть безразлично, кто наделил Бессарабию, Молдавию, Прибалтику, Западную Белоруссию и Украину столь многочисленными «штрафниками»?! Но об этом вообще не принято говорить...

— У нас так о многом не принято было говорить! Умолчание — один из самых сильных приемов пропаганды. Как весело было верить, что мы уже почти домаршировали до лучезарного будущего, и читать про безработицу, инфляцию, национализм, депортацию только в школьных учебниках, где-то по соседству с главой о вымерших мамонтах.

— А в это же время моя Молдавия жестоко страдала от самой настоящей депортации, последствия которой не становятся меньше оттого, что она проводилась в завуалированных формах и в обстановке умолчания. Еще в 1975 году, будучи депутатом республиканского Верховного Совета, на первой в моей жизни сессии я добивался, чтобы кто-нибудь разъяснил мне, почему именно у нас, в Тирасполе, строится хлопчатобумажный комбинат — может быть, у нас хлопок растет? Зачем нам это огромное предприятие с колоссальным количеством рабочих мест — ведь к каждому станку нужны квалифицированные рабочие руки, которых у нас нет? Ничего, отвечают, мы откроем ПТУ. Простите, но комбинат сдают уже через год, а ПТУ пока и не начали строить. Короче, привезли девушек из Центральной России, оголяя и без того голые территории,— из Ивановской, Владимирской областей. Заняли рабочие места, понастроили общежитий — целый городок. А когда наконец заработало наше ПТУ и оказалось, что местные девчонки без работы,— куда же их — в Ивановскую, во Владимирскую области и далее.

Не варварство ли, что, нарушая вековой образ жизни, способ жития, мы нарушаем и все естественные биологические, культурные, языковые, национальные процессы. Вместо того чтобы развивать в Молдавии перерабатывающую промышленность, сельскохозяйственную, следовательно, и машиностроительную для села и переработки, мы занимаемся почему-то плавлением металла. И ладно бы своего — нет, кузбасского. Кто-то в центре спланировал, кто-то утвердил, привезли к нам кузбасских металлургов, построили мы им город. В Кузбассе, откуда они приехали, люди до сих пор ютятся в бараках, как узнали мы во время забастовок. А тут, где мы приняли их, как братьев, создали им все условия, мы уже теперь оказываемся элементарно не понятыми в нашем естественном стремлении говорить на родном языке. Впрочем, я и сам не понимаю многого,— к примеру, зачем возить металл из Кузбасса в Молдавию, почему не плавить его на месте? Или что, может быть, у нас катастрофический недогруз железных дорог?..

— Как это похоже на эксперименты, которые «вождь всех времен и народов» производил над целыми нациями! И что за парадокс: вы сетуете на засилье, сопротивляетесь «нашествию», но в России-то происходит не меньшая трагедия — сердце России пустеет! Но тем не менее, затронутый вами на сессии, этот разговор не был поддержан.

— Я думаю, еще сильны старые стереотипы мышления, опасения, как бы не упустить, простите, пресловутую роль «старшего брата».

Да, я поднял вопрос о том, почему самая большая в нашей Федерации республика задумана с самого начала без собственных институтов: ни своего телевидения и радио, ни академии, ни комсомола, ни даже Гимна она до сих пор не имеет. Это можно объяснить, пожалуй, лишь тем, что республика, как и ее основная нация, в послеленинский период наделялась особой миссией. Особая нация и особая историческая роль. Что отразилось в словах нашего Гимна, которые распеваем мы по сей день: «...навеки сплотила великая Русь».

— Вам не по душе слово «великая»?

— Нет, мы не снимаем со счетов ту действительно историческую роль, мобилизующую, объединяющую, которую сыграла Россия в свое время, но которая была бы невозможна без использования огромнейшего потенциала многочисленных народов. Но сегодня в интересах прежде всего самого российского народа устаревшие формулировки пора снять. Все уже давно повзрослели, и те самые «братья меньшие», они так возмужали, что позиция и роль «старшего» требует корректировки — не по старшинству, а по мудрости и современному опыту.

Да и сама великая Русь, Россия — какова она, где ее границы? В начале века говорили: «Я приехал из Сибири в Россию». Но у нас короткая память именно на то, что выгодно забывать... Сегодня мы обсуждаем, как обеспечить республикам и народам страны самостоятельность развития. И нет-нет да и ворвется в деловой разговор угрожающий окрик: «А мы вам газ отключим, а мы вам нефть перекроем!» Это вызывает, во-первых, обратное стремление создавать самостоятельные структуры обеспечения. А во-вторых, тогда нужно еще выяснить: а чей газ, чья нефть? Будучи в Кузбассе, я столкнулся с тем, что люди десятилетиями живут и не знают, на земле чьих предков, кто здесь коренные жители, куда подевались аборигены. Действительно, Тунгусский метеорит знают все, но кто такие тунгусы? Заботимся о резервациях инков, а собственные коренные жители, как мы услышали на Съезде народных депутатов, живут в среднем 35—40 лет. И уж совсем неуместно выступать в подобных ситуациях в роли благодетелей, старших братьев, несущих цивилизацию.

Я не о том, чтобы выселять сегодня кого-то из Сибири. И в Молдавии речь не идет (как это выгодно представить кое-кому) о том, чтобы вытеснить русскоязычное население. Но я за то, чтобы все обозначилось своими именами, в том числе, где чья земля, как кто работает, что производит и кому продает.

— А кто такой этот Хозяин? И какую степень обособленности Хозяина вы допускаете?

— Мне очень нравится вошедшее в обиход выражение: если есть Дом, всегда есть и Хозяин, иначе дом ветшает и рушится. Нужен и ухоженный двор — крепкое подворье характеризовало всегда настоящего хозяина.

В моем Чимишлийском избирательном округе есть село Михайловка. На его территории, на его землях без всякой компенсации хозяевам-крестьянам по чьей-то анонимной воле размещено 49 (!) предприятий республиканского подчинения. В результате 360 крестьян остались безработными. Разве можно назвать их хозяевами?.. Или когда в Западной Сибири я вижу на сотни километров плавающий гниющий ничейный лес, не нужно пичкать меня высокими фразами о том, что мы — хозяева страны. Хозяина там нет — я знаю точно!

— Поскольку мы уже сказали о доме, подворье, то, очевидно, доберемся и до забора?

— Естественно. Мы уже говорим не о проходном дворе. Хотя в современном мире граница — необязательно стена. И в нормальном доме есть всегда и калитка, и ворота. И для дорогих гостей — гостиная, горница, светлица, или, как называют в Молдавии, Каса Маре... А мы все бросаемся из крайности в крайность: то подворья сносим, то огороды отбираем, то сгоняем всех под одну крышу в многоэтажные курятники... Рвем исторические корни, ломаем уклад.

— Итак, третье — уклад? Его, разумеется, устанавливает хозяин, а все входящие свято соблюдают?

— На то и поговорка: «В чужой монастырь со своим уставом не лезь». Но уклад — это даже не устав: он не устанавливается, а формируется, и процесс это сложный, природный, саморегулирующийся.

— А если мы, отвлекаясь от инков и аборигенов Сибири, перенесем понятие «хозяин» на молдавскую почву? Ведь национальные меньшинства с их проблемами есть и у вас? На какую степень самостоятельности вправе рассчитывать, к примеру, гагаузы?

— Иметь право и реализовать его — вещи разные, даже если тебе никто и не мешает. Смешно же смысл самостоятельности видеть в том, чтобы окружить свой огород забором и поставить пограничников.

Трагедия гагаузов приобрела размеры катастрофы в 60-е годы, когда начали закрываться национальные школы — молдавские, греческие, еврейские, украинские, гагаузские — в полном соответствии с тогдашним курсом на создание «единой общности». В итоге люди забыли свой язык. На первое предвыборное собрание я поехал туда со специалистом по гагаузским проблемам, знатоком этой культуры, прекрасно владеющим языком. Он стал говорить. Люди начали топать ногами и смеяться. На самом деле, это страшно: 30 лет с людьми не говорили на культурном гагаузском языке, теперь они владеют только поверхностным разговорным слоем.

По сути, мы все время возвращаемся к теме Дом — Хозяин — Уклад. Язык как средство общения — органичная составная Уклада, его основа. И статус Языка, как, впрочем, и статус Хозяина, присваивается не формально, а естественноисторическим путем; механически он потом лишь фиксируется, узаконивается.

— А Соединенные Штаты, где английский язык был, так сказать, назначен «королем языков» по договоренности?

— Нельзя сравнивать несравнимое: союз свободных государств, республик и единое государственное образование, механически поделенное для удобства на административные единицы. У них общий Дом — из бетона, объединение идет на микроуровне, из отдельных самостоятельных единиц — личностей, добровольно объединившихся в монолит на основе выработанного Устава. А у нашего общего Дома стены из кирпича, где каждый кирпичик — национальное образование — самоценный Дом со своим Укладом. У нас договоренность, связка идет между Хозяевами Домов — нациями и народами. И прочность нашего общего Дома зависит от качества цемента, а не от того, насколько мощно мы будем сотрясать стену в надежде получить монолит. Так мы только разрушаем уклады, крошим кирпич, выбиваем цемент, и, надо отметить, так преуспели, что все сооружение очень напоминает развалины...

Притом надо же понимать, что за люди были эти американские переселенцы, по доброй воле оторвавшиеся навсегда от родного берега в поисках счастья, самостоятельные и свободные, как не похожи они на «винтики», какими являются у нас не только граждане, но, по сути, целые республики. Мы «по собственному желанию» можем, пожалуй, лишь уволиться. Когда Молдавия вошла в состав СССР, никому и в голову не пришло спросить: а на каком языке мы хотим общаться?

— Судя по информации, поступающей из центральных газет и передач ЦТ, в Молдавии сейчас предпринимается силовое вмешательство как раз в естественные языковые процессы, в Уклад нашего общего Дома.

— Давайте разделим: сначала о языке, потом — о средствах массовой информации.

Суть происходящего сегодня в республиках (а процессы, аналогичные нашим, наблюдаются везде) — в стремлении вернуть как раз естественный, нормальный ход вещей, не допустить распада национальных укладов, культур, омертвения языков.

Другое дело, что обсуждение и решение проблем носит острый, порой недопустимо и неоправданно драматичный характер. Например, сегодня распространенный упрек в скоропалительности принятия в Молдавии законов о языке. Проекты обсуждались с марта, за шесть месяцев по ним поступило более 150 тысяч коллективных и частных предложений и замечаний. В чем же дело? Да в том, что русскоязычная пресса вела обсуждение легковесно, поверхностно, в итоге к моменту принятия решения многие оказались не подготовлены, для тысяч людей вопрос остался не изучен, не понят; страсти накалялись, копилось раздражение, враждебность. Но встретившись недавно с рабочими железнодорожного депо на станции Бессарабка, я убедился, что напряженность подпитывается искусственно, что ее можно и нужно разряжать, объясняя людям суть законов, рассказывая, что внедрение будет поэтапное, дифференцированное, с учетом разных слоев и групп населения, в том числе компактно проживающих русскоязычных, украинцев, гагаузов.

Теперь о средствах массовой информации, центральных особенно. Это звено, к горькому сожалению, подчас не только не выполняет сегодня прямых своих функций по информированию, не только не консолидирует здоровые силы общества и не помогает в урегулировании сложных процессов, но, напротив, действует зачастую в обратном направлении. Журналисты во многих случаях напоминают пожарников, которые мчатся, завидев дым, быстрее всех, но у некоторых в огнетушитель заправлен бензин. Уже не говоря о фрагментарности, выборочности показа республиканских событий, идет сплошное одностороннее навешивание ярлыков, типа «националистические группировки», «экстремисты», «неуправляемая толпа», «сборище»... Если на многотысячном митинге среди десятков воззваний, лозунгов и плакатов появится хоть один антисоветского, антипартийного содержания, именно он попадет крупным планом на телеэкран, совершит обход по страницам многих газет.

— Меньше всего желая вас обидеть, позвольте все же весь пафос, всю вашу озабоченность обратить к вам же. Как к депутату Верховного Совета СССР. Вправе ли мы, избиратели, рассчитывать, что вы будете отстаивать наши интересы, в частности наши права на недозированную информацию? И лично вы — тем более, поскольку это же вы одним из первых подняли на сессии вопрос о центральных средствах массовой информации.

— А действительно, в каждом из нас по воспитанной с детства привычке чаще звучит тон просителя, срабатывает не наступательный, а оборонительный рефлекс.

Конечно, говоря на сессии о необходимости республиканских институтов для России, я руководствовался не одними братскими чувствами. ЦТ превращает в соучастников периферийных событий сразу сотни миллионов телезрителей. У республик потребности выхода на Союз огромны. Но этот центр, по сути дела, не наш, он занят, забит — даже не столько россиянами, сколько москвичами, которых, впрочем, можно понять, ибо им тоже тесно в рамках своих институтов. Можно понять и притязания России, не имеющей своих информационных структур. Итак, всем можно посочувствовать, но в итоге республики, хотя и равны формально в правах на центральные средства массовой информации, фактически оказываются вытесненными из них. Между тем очевидно, что у равноправных членов федерации должны быть одинаковые возможности прямого непосредственного контакта со всей страной. Ясно и то, что народным депутатам с каждым днем все острее нужен рупор как первейшее средство политической деятельности, нужна трибуна, с которой их голос будет услышан народом.

— Ну и как же эта общая потребность воплотится в жизнь?

— Вот в чем вопрос! И если я отвечу, что мы поборем диктат ведомств, вы снова начнете докапываться: а каким образом... Ведь наивно же, в самом деле, рассчитывать, что народные депутаты станут курсировать от инстанции к инстанции и, стуча кулаком по столу, так сказать, качать права то по одному, то по другому поводу. Во-первых, мы и правами-то пока не обладаем; несмотря на бурные дебаты, статус не определен, мы не имеем нужных рычагов власти, чтобы оперативно заниматься конкретикой. А во-вторых, это хотя и хлопотная, но второстепенная функция депутата — не затем же вы нас выбирали, чтобы мы выступали в качестве «толкачей», ходатаев, просителей.

— Простите, но это уж кто как...

— Да-да, я знаю. И, видимо, пора объясниться.

Я принял решение баллотироваться не ради самой власти, а скорее для того, чтобы не пропустить тех, кому сегодня у власти не место. Я уверен, что таких, как я, среди кандидатов было много. Избиратели это чувствовали, хотя не до конца осознавали, что голосуют за нас прежде всего потому, что хотят, чтобы мы разрушили источники зла, видят в нас противников старого хода вещей, а не созидателей нового.

— Вы хотите сказать, что, проявив незаурядные способности воинов, некоторые из наших избранников теперь, когда пришло время созидать, растерялись, не обнаруживают таланта строителей?

— Это — первое. Хотя профессиональных политиков у нас в стране не готовят, так что все равно всем нам придется учиться. А второе состоит в том, что сегодня в толстых папках у депутатов масса писем, жалоб, конкретных вопросов, которые должны решать не они, учитывая, что все же у нас несколько ступеней власти. К сожалению, мы не обозначили сразу этой разницы и даже, собственно, не очень-то напирали на нее в своих предвыборных платформах. Скажем, потому, что это не входило тогда в наши задачи. Не было времени, не было возможности объясняться на этот счет, да и вряд ли это было бы понято. За нами просто не пошли бы, люди нас просто не выбрали бы.

— Действительно, зачем мы будем голосовать за вас, если вы не добьетесь асфальта на нашей улице, колодца во дворе, новой школы, стирального порошка на прилавках? Так?

— Да. Человеку сегодня нечем кормить козу. И он не ведает, что это вопрос для председателя сельсовета. Наш гражданин устроен и приучен так, что признает только верховную власть, верит только ей. И он, если пишет, что у него коза, а у козы нет выпаса, то только лично Горбачеву, чтобы Генсек лично позаботился о его козе. Хотя, конечно, козе все равно, кто о ней позаботится... Я пытаюсь помочь людям в конкретных просьбах, я от этого не отказываюсь. Но я все равно не смогу сделать всего.

Итак, я думаю, мы выбраны для того, чтобы обеспечить механизм, посредством которого хорошие идеи будут воплощаться в жизнь. Правда, выясняется, не все мы одинаково понимаем, какие идеи правильны. И вырабатывать концепцию развития общества предстоит практически с нуля. Хотя и уже наработанных в прошлом, безусловно, правильных принципов, которые пока «висят в воздухе», не воплощены в жизнь, у нас масса.

Но даже если будет разработана стратегия, сконструирован механизм ее реализации, то — хватит же быть идеалистами! — Съезд и Верховный Совет, не получившие до сих пор власти, будут бессильны. Нужны не провозглашаемые, а реальные прерогативы власти.

Иногда мне хочется сказать: дорогие мои избиратели, наберитесь терпения, мы еще в самом начале пути...

— Легко говорить: наберитесь терпения! Меняются поколения политиков, каждый новый состав призывает потерпеть, потуже затянуть пояса, но что-то наша жизнь не меняется к лучшему, более того, мы уже оказались на краю пропасти!

— Да, на терпение людей, которые вынуждены бастовать, митинговать, выходить на демонстрации, долгого расчета быть не может. Поэтому, как и всегда в диалектике, должна присутствовать и вторая сторона: натиск. Итак, терпение и натиск — вот девиз дня.

Беседу вела Ирина КОНОВАЛОВА

ГОСКОМСПОРТ: ЭКСПЕРИМЕНТ НА ЛЮДЯХ? ● ЗЕРНО — ЗА БОРТ ● «НИЩИЕ» ПЕНСИОНЕРЫ ●

■

Мы, велосипедисты, оказались едва ли не первыми советскими спортсменами, от имени которых Госкомспорт заключил контракт с итальянской фирмой «Альфа-Люм». В команду вошли 14 сильнейших велогонщиков страны, которые должны были рекламировать фирму в профессиональных гонках.

Наша так называемая профессиональная команда собралась в ноябре на тренировочный сбор в г. Сочи. Готовились два месяца, прежде чем отправляться за рубеж. Как Госкомспортом был подписан контракт, на каких условиях? Мы не знали, пользовались в основном слухами. Руководство давало уклончивую информацию, что нас, естественно, настораживало. 4 января в Москве наконец все выяснилось: команда наша, оказывается, не профессиональная, а экспериментальная, едет на условиях командированных, сроком на 10 месяцев с двумя возвращениями домой. Ребята были в буквальном смысле слова ошарашены. Нас успокаивали: профессиональный спорт — большой, хорошо разыгранный спектакль, а все «профи» — это одна семья, которая сидит за столом и делит праздничный пирог, и каждому достается по куску.

В Италии нас буквально атаковали пресса, телевидение — знали каждого в лицо по победам в любительских кроссах. Теперь же вопросы: о зарплате советских «профи», условиях проживания; как будет решен семейный вопрос — половина команды семейные... Мы становились в тупик. Впрочем, и сам представитель Совинтерспорта Галаев отвечал расплывчато.

Гонщики других команд отказывались верить, что можно добровольно ездить с профессионалами за бесплатно. Скоро слово «Russo» стало как ругательство. Относились к нам пренебрежительно.

У нас говорят, что здесь, на Западе, все продается и покупается. Неправда! Идет честная спортивная борьба, только выше классом. Большие деньги идут гонщикам как компенсация за утерянное здоровье. Профессиональный спорт — это работа, за которую чем лучше выполнил, тем больше получишь. Ценится только победа, вторых не вызывают даже на пьедестал.

После первого возвращения домой была организована встреча команды с президиумом Федерации велоспорта СССР, представителями Госкомспорта и прессы. Мы честно рассказали о всех проблемах, с которыми столкнулись. Крайне удивило то обстоятельство, что многие члены федерации впервые услышали об условиях нашего контракта. Председатель федерации Сысоев сказал: это эксперимент на живых людях; заверил команду, что сделает все возможное для решения наших проблем. В прессе об этой встрече не появилось ни одной строчки. И только журналист Ю. Крикун напечатал честный, правдивый материал в журнале «Огонек».

В длительных командировках психологический климат команды — основа основ. Наш же тренер Морозов постоянно занимается интригами, вносит разлад в здоровую обстановку коллектива.

И вообще у тренеров нет твердой позиции в решении административных вопросов. Их собственное пребывание за границей стало выше интересов команды. Главное — быть удобными для Госкомспорта и для фирмы «Альфа-Люм».

Подходит к концу наш первый сезон в качестве профессионалов. Команда обрела свое лицо, поверила в свои силы. Но для того, чтобы команда не прекратила свое существование, необходимо заключить с каждым гонщиком индивидуальный контракт — как законно работающим за границей. Это положит конец уравниловке. Если условия контракта не будут изменены, команда от выступления в следующем году отказывается.

Н. ГОЛОВАТЕНКО, В. ЖДАНОВ, А. ЗИНОВЬЕВ, И. ИВАНОВ, Д. КОНЫШЕВ, О. ЛОГВИН, А. МУРАВСКИЙ, В. ПУЛЬНИКОВ, С. СУХОРУЧЕНКОВ, П. УГРЮМОВ, С. УСЛАМИН, А. ЧМИЛЬ, О. ЯРОШЕНКО,
члены команды «Альфа-Люм»

■

То, что всегда у нас был повышенный спрос на строительные материалы, известно каждому. Сейчас, правда, они в розничной торговле появляются, но и спрос на них увеличивается: растут МЖК, выделяются ссуды на строительство индивидуальных домов, наконец возник самый настоящий «дачный бум». И всюду нужен цемент — хлеб строительства.

Цемента как раз и не хватает. Тут-то и появляются странности. Не хватает цемента и в Новороссийске, городе, известном на всю страну как производитель цемента. Действует все то же пресловутое фондовое распределение. Ладно, нельзя купить за советские рубли, купим за валюту. И вот наше пароходство для соцкультурного строительства вынуждено покупать цемент за границей, цемент, который произведен... в Новороссийске. Смешно? Дальше смешнее.

На судах, перевозящих цемент, после его выгрузки в иностранных портах всегда остаются так называемые «остатки». Килограммы, и немалые! Казалось бы, чего проще: собрать оставшийся цемент и реализовать местному страждущему населению или организациям за соответствующую цену, соблюдая, разумеется, финансовую дисциплину. Но тут поднимается непреодолимый таможенный барьер: «Нельзя!» И летит всем нужный цемент за борт. Да разве только один цемент! Так же моряки вынуждены поступать и с зерном, и с растительными маслами, и много еще с чем.

Э. КАИРА,
ст. помощник капитана НМП
Новороссийск

■

Недавно Ленинградское ТВ — «Пятое колесо» — дало возможность повторно увидеть и услышать удивительного режиссера и художника Г. А. Товстоногова, его последнее интервью и последнюю встречу с кинооператорами в марте 1989 года.

Не знаю, какую реакцию на других слушателей произвел фрагмент интервью, где Георгий Александрович рассказал о встрече в лифте Кремлевской больницы с... Г. В. Романовым, но это был шок и для меня, и для моих друзей (все мы — московские врачи старшего поколения). Оказывается, у Романова — дача, экономка, машина и пенсия... в сотни рублей! Мы, медики, хорошо знаем, что такое для врача пенсионный «потолок» — 132 рубля. Как он дается, если врач еще и работает не в поликлинике, а в стационаре.

Последние месяцы я, обыкновенный врач, травматолог-ортопед, жила, как и все, в атмосфере Съезда народных депутатов, и в раскаленной подчас атмосфере заседаний Верховного Совета. Но когда с самой высокой трибуны страны прозвучали слова: «Наши нищие» — я ощутила чувство стыда и позора!

Почему, говоря о нижнем пределе размера пенсий 60, 65, 75 и т. д. рублей, никто не поднял вопроса о пенсионном «потолке»? Сколько у нас романовых, и не только областных масштабов? Почему никогда не сообщалось о размерах их пенсий?

Я не экономист, не социолог, но, наверное, какие-то «азы» этих наук постигла, когда ежедневно все свободное от работы время проводила у телеэкрана (огромное спасибо 2-й общесоюзной программе ТВ!).

И сейчас с нетерпением жду начала 2-й сессии Верховного Совета. Жду (уверена, что не только я) решений, законов, действий наших парламентариев! Да, стране нужны средства, и не миллионы, а миллиарды. Это понятно всем. Но пенсионеры просто не могут ждать... Думается, что не так уж мало романовых у нас. Срезать бы им пенсию хотя бы до размеров пенсий докторов наук. Но доктора наук, по правде говоря, могут и обидеться. Стоит подумать...

Э. МЕН, врач
Москва

■

Мой муж, поэт Павел Васильев, арестованный 6 февраля 1937 года, был расстрелян в Лефортовской тюрьме. Ровно через год была арестована и я как «член семьи изменника Родины». Побывала в тюрьмах, карагандинском концлагере «Калаг», в ссылке... В Москву вернулась только в 1956 году. По возвращении я сделала все, чтобы восстановить доброе имя мужа: собрала буквально по крохам его стихи, так как весь мой архив и все, что было издано Васильевым при жизни, НКВД изъяло при моем аресте.

Первый посмертный сборник стихов П. Васильева вышел в 1957 году. За год до этого я вместе с дочерью Павла Н. П. Фурман была введена в права наследства. В то время срок прав исчислялся пятнадцатью годами, так что в 1971 году права наследства у меня закончились. В 1973 году был издан новый закон о пролонгации прав наследства до 25 лет, но я уже в них включена не была, так как закон обратного действия не имеет.

Мне 79 лет. И пенсия в семьдесят пять рублей — это немного. В результате всего, что выпало на мою долю, я стала тяжело больным человеком: почти слепа, у меня больные ноги. Я практически совершенно беспомощна. Пенсии едва хватает на пропитание, не говоря об одежде и лекарствах, в которых я так нуждаюсь. Я не пользуюсь никакими льготами — ни медицинскими, ни транспортными.

В 1988 году выходят два сборника стихов моего мужа — один в издательстве Гослитиздат, другой в «Молодой гвардии». Узнав заранее об их выходе, я обратилась с просьбой к первому секретарю СП Карпову В. В. о получении мною части гонорара. Я знаю, что были случаи, когда, несмотря на истечение срока прав наследства, часть гонорара выплачивалась вдовам. Письмо Карпову было послано мною в феврале 1988 года, и только в ноябре месяце после многократных напоминаний я узнала об отказе через юриста СП.

Поймите меня правильно, ничего дороже моего мужа в моей жизни не было и нет. Я не вышла второй раз замуж, у нас с Павлом нет общих детей, я живу только его стихами и памятью о нем. Мне больно, что в силу кем-то установленных законов я больше не считаюсь его женой, не имею на него никаких прав и должна влачить беспомощное, нищенское существование, на мой взгляд, мало достойное вдовы поэта.

Е. ВЯЛОВА
Москва

■

Сейчас много говорят и пишут о национальном вопросе. Хочу по этому поводу рассказать небольшую историю, происшедшую со мной в молодости.

В 1954 году я и мой муж после окончания института были направлены на работу на соляной рудник в г. Соль-Илецк Оренбургской области. Население этого городка представляло собой невероятное смешение национальностей. Только на нашем руднике с количеством работающих до 400 человек национальностей было порядка 50. И кого там только не было: немцы, чеченцы, иранцы, казахи, узбеки, греки, украинцы, русские, татары, один американец (правда, русского происхождения) и др.

Когда мы приехали на рудник, нам дали квартиру рядом с семьей татар Обземелевых, мы же по национальности русские. У нас был общий маленький коридорчик и крылечко. Свои домашние дела я старалась делать по пятницам, в частности, мытье коридорчика и крылечка, так как в субботу и воскресенье бегала играть в волейбол.

И вот однажды ко мне приходит соседка — татарка и говорит: «Я хочу тебя попросить вот о чем — ты можешь не работать по пятницам, так как к нам приходят старушки пить чай? Пятница у нас праздник». В ответ я сказала, что, конечно, могу. А вот ее ответ на мое согласие поразил меня очень и в дальнейшем значительно облегчил жизнь: «Я же не буду работать по воскресеньям!» Воспитанная в атеистическом духе, я ей разрешила работать в воскресенье, но в пятницу никто из этой семьи и приходящих к ним старушек не видел меня работающей.

Прожили мы так 3 года в абсолютно полной бесконфликтности, лучших соседских отношений, чем у нас, не было во всем Соль-Илецке!

Затем мы переехали на Кавказ, где тоже национальностей великое множество. Но так как я уже и там по «пятницам» делала, что у них принято, то в ответ они делали по отношению ко мне только то, что у меня было принято по «воскресеньям».

Вот сейчас готовится Пленум ЦК КПСС по национальному вопросу. Мне кажется, что для принятия

конкретных решений нужно иметь в виду следующее.

Если люди какой-то национальности живут в окружении другой, то должны уважать и в разумных, конечно, размерах придерживаться их обычаев и даже языка. Надо сказать, что сплошь и рядом русские, живущие в национальных республиках, не только не знают языка коренного населения, но частенько относятся с пренебрежением к нерусской национальности, что не способствует сближению народов.

Н. АВРАМОВА
Красноярск

■

В числе множества лагерей для осужденных сталинской эпохи был БАМлаг, впоследствии переименованный в Амурлаг. Назначение лагеря было строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМа). Когда был создан лагерь и что в нем происходило до 1937 года, я не знаю.

В 1937—1940 годах это была страшная сталинская мельница, под жернова которой сплошным потоком сыпались осужденные тройками и особыми совещаниями НКВД. Живые люди перемалывались ею, и многие (если не большинство) находили вечный приют в здешней вечной мерзлоте. К примеру, этап, с которым я был доставлен в Тынду, состоял в основном из интеллигенции: учителя, преподаватели, артисты, бухгалтеры, техники и инженеры разных специальностей. По прибытии в Тынду после двухдневного отдыха всех вывели при 40-градусном морозе на тяжелую земляную работу. Снабдили ломами, кирками, лопатами и тачками. Выжили только сильные, знакомые в прошлом с тяжелым физическим трудом. Все прочие в первый же месяц работы «отсеялись». Так называлось непонятное исчезновение людей. Я на тяжелых работах работал только один год. Выдюжил.

В 1937—1938 годах поток спецрабочей силы неимоверно возрос. Чтобы навести какой-то порядок в ее использовании, потребовалась моя специальность, я инженер путей сообщения — строитель дорог и мостов, и меня начали привлекать к руководству работами. Остальные строили, строили БАМ. Слабые не выдерживали и гибли. Выживали сильные, и стройка продолжалась. Полностью была построена первая очередь железной дороги (около 200 км) от станции Тында до станции примыкания к великой Сибирской магистрали — Бамовская, и по ней было открыто рабочее движение поездов. В 1941 году строительство БАМа было прекращено, и уцелевшие десять тысяч бамовцев были срочно переброшены на строительство железной дороги Саратов — Сталинград, построили ее и открыли рабочее движение поездов за один 1942 год.

Все верхнее строение дороги Тында — Бамовская было разобрано и также переброшено на строительство дороги Саратов — Сталинград. Строительство БАМа в то время велось в строжайшем секрете. Засекречен был и БАМлаг.

Периодическая печать покривила душой, назвав всенародно строителей БАМа 1970—1980 годов первопроходцами, ни словом не обмолвившись о существовании БАМлага и о бамовцах 1937—1940 годов. По окончании строительства БАМа в 1984 году я получил от Главбамстроя свидетельство строителя БАМа и значок «Почетному пассажиру первого поезда по БАМу».

С. ОСМОЛОВСКИЙ,
ветеран партии и труда, строитель БАМа
Саратов

■

В ряде изданий, в том числе в «Известиях» и «Огоньке», опубликованы заметки, в которых высказывается озабоченность по поводу выпуска приложения к журналу «Вопросы философии» — «Из истории отечественной философской мысли». Мотивируется это тем, что с 1990 года приложение передается к выпуску на маломощную полиграфическую базу издательства «Наука». Авторы публикаций Василь Быков, Борис Раушенбах, Мераб Мамардашвили и другие, используя недостоверную информацию, нагнетают страсти вокруг несуществующей проблемы.

Дело в том, что издательству «Наука» передается издательская деятельность по выпуску ряда журналов, принадлежащих Академии наук СССР. Это вполне естественно, ибо эти издания печатаются в типографии издательства «Наука». Кроме того, издательству «Наука» передается почти полумиллионная прибыль от этих изданий, которую оно может использовать на укрепление материальной и технической базы своей типографии.

Что же касается самого приложения к журналу «Вопросы философии», то, как и в этом году, оно будет печататься на полиграфических базах, которыми располагает издательство ЦК КПСС «Правда».

Чтобы выяснить этот вопрос, совсем необязательно было тратить время на сочинения в газеты и журналы, а достаточно было позвонить в издательство «Правда» и получить достоверный ответ.

Не хочется следовать саркастическому тону публикации вышеупомянутых авторов, но любое издательство, сообразуясь с пожеланиями читателей, вправе само определять тематический план выпуска литературы.

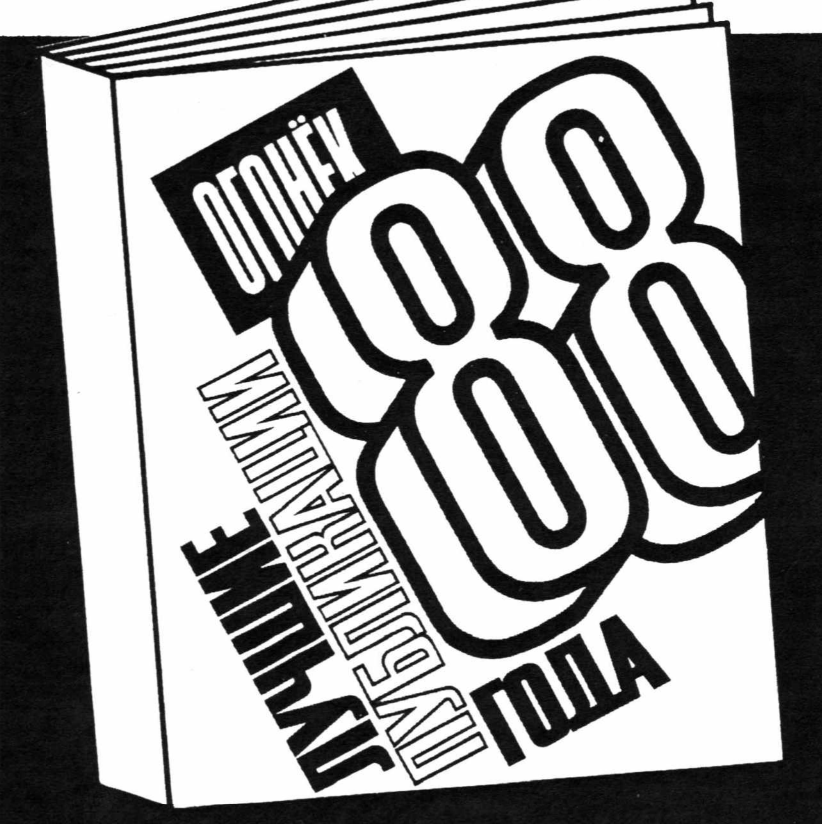
И последнее. Авторы дезинформируют подписчиков, естественно, желающих получить книгу как можно скорее, говоря о том, каких нервов стоила борьба с издательством за выпуск этих книг. Но бороться пришлось издательству «Правда» с редакционным коллективом журнала «Вопросы философии», который оказался явно неготовым к своевременной сдаче материалов в типографию. Достаточно сказать, что из вышедших четырех книг три подписаны в печать начиная с конца апреля и позднее. А чтобы подписчик получил их в январе — феврале, их надлежало сдать не позднее конца октября прошлого года. До сих пор некоторые из намеченных к выпуску в этом году девяти книг находятся в редакции.

Мы понимаем, что дело это для редакции журнала новое, к тому же оказалось более сложным, чем представлялось вначале, поэтому издательство прилагает все усилия к тому, чтобы рассчитаться с подписчиками в этом году.

М. ТРОШИН,
зам. директора издательства ЦК КПСС «Правда»

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный
проезд, 14.

Дорогие друзья!

Мы все помним, какие трудности с подпиской на «Огонек» были в прошлом году. Редакция получила огромное количество ваших писем с просьбой как-то исправить это положение. Идя навстречу пожеланиям наших читателей, редакция выпустила в свет сборник лучших материалов «Огонька» за 1988 год и надеется сделать его выпуск ежегодным.

Эта книга не могла выйти в другое время. Все, что собрано в ней,— результат усилий большого коллектива не только талантливых, но и очень смелых людей. Очень обидно, что, по инерции прежних времен, и сейчас еще журналисту надо быть зачастую отважным человеком, чтобы говорить правду. Но, с другой стороны, так даже лучше, потому что перестройка именно в деле выявляет тех, кто ей предан.

Мне кажется, что это очень полезная книга. Она подчеркивает тот факт, что за несколько перестроечных лет наше общество душевно окрепло, и достигло оно этого благодаря углубившимся контактам с правдой.

Из года в год нам твердили, что общество надо беречь от избыточных контактов с истиной, ибо оно может не устоять. Апокалипсическое мышление отечественных бюрократов обрушивалось на «Доктора Живаго» Пастернака и редактируемый Твардовским журнал, на живопись Фалька и научные изыскания кибернетиков. Нас предостерегали, что от размышлений на неположенные темы, от попыток самостоятельно разобраться в жизни общество пострадает, если не рухнет. Сегодня мы четко поняли: ну и пусть рушится то, что трещит от соприкосновения с истиной! Оказывается, трещит именно то, чему упасть бы надо для блага народа. «Огонек» очень активен в попытках содействия этому очищению.

Мы очень хотим правового государства; весь народ хочет. Смыслом совершившейся в 1917 году революции в конечном счете была мысль о том, чтобы честно живущий и хорошо работающий человек жил лучше, чем вор и бездельник. «Огонек» не претендует ни на что другое — лишь на возможность быть частью народного мнения и всенародной системы контроля за тем, чтобы не возродилось никогда беззаконие, не воцарилась несправедливость.

Нам очень дорог ваш интерес к журналу. За четыре года количество друзей «Огонька» увеличилось в десятки раз. И тем не менее мы постоянно подводим итоги, постоянно хотим глядеть вам в глаза и не отводить взгляда. Одна из таких попыток — эта книга. Вокруг «Огонька» всегда сосредоточивались лучшие публицисты страны. Тем, кто не дожил до этого сборника, мы отдаем должное, потому что эта книга вымечтана и ими. Просто пришло время правды.

Виталий КОРОТИЧ

Часть тиража для Москвы уже поступила в киоски «Союзпечати».

«ЭТО МЫ, ГОС

Георгий РОЖНОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Их наверняка видел каждый, кто хоть раз прошел по Арбату этой весной, этим летом, этой осенью. Шеренгу людей, часами стоящих неподалеку от магазина «Украинская книга», нельзя не заметить, нельзя пройти мимо. Стоят молодые и уже в годах, в монашеских рясах и модных костюмах. Лица уставшие, в глазах и добро, и скорбь, и сожаление. В руках — иконы, четки, транспаранты.

Читаю: «До сих пор Украинская католическая церковь (УКЦ) не реабилитирована, за ней не признано права на легальную деятельность. Богослужения и другие обряды приравниваются властями к несанкционированным митингам». Другой: «Львовский Собор 1946 года — фальсификация, дело рук сталинских сатрапов». Третий: «Требуем правды средств массовой информации об УКЦ!»

Согласен: газеты, журналы, радио и телевидение ни об этой голодовке, ни о причинах, ее вызвавших, не сказали ни единого слова. Исключение — «Московские новости», но где ее прочитаешь?

Поэтому изо дня в день терпеливо, спокойно, рассудительно, а подчас и наивно участники голодовки беседуют с каждым, кто к ним подходит и впервые в жизни узнает и об Украинской католической церкви, и о Львовском Соборе далеких уже лет — еще одно «белое пятно» в истории украинского народа. Научных трактатов тут, понятно, не услышишь, больше говорят о своей боли, горестях, страданиях, которым пока не видно конца. Их слушают и не могут понять: почему сегодня при нашей демократизации и более чем терпимом отношении к религии сотни тысяч украинских греко-католиков загнаны в подполье? Почему откровенно и беззастенчиво нарушается статья 52 Конституции, гарантирующая каждому право исповедовать любое вероучение? Почему приезжающие на Арбат из Львова, Тернополя, Ивано-Франковска люди едва не каждый день рассказывают то о разогнанном милицией богослужении, то об административных арестах и штрафах, накладываемых судами на священников и мирян, о травле, которой они подвергаются на страницах республиканских и областных украинских газет?

Просьбы, обращения, петиции к светским и духовным властям — без ответа. Десятки тысяч подписей в их поддержку — без внимания.

Запрет?

Здесь все непросто. Католицизм не раз приходил на украинские земли именно как захватчик. Перечитайте Тараса Шевченко — у него лишь найдете множество самых крутых обвинений в адрес папского Рима и той политики, что творилась от имени католических владык. Сколько было восстаний против католицизма и как кроваво подавлялись они! Но восстания были не против веры как таковой. Народ проклинал тех, кто приводил к Украинской католической церкви знамена гитлеровских прихвостней, их армий, направленных на порабощение Украины. Но, кроме политиканов и предателей, были ведь верующие, а предатели, они всем чужие — и православным, и мусульманам, и католикам. Мы осуждаем сегодня сталинские репрессии в отношении народов, которые объявлялись «преступными». Нет преступных народов и нет преступного христианства: мне уже вначале важно подчеркнуть эту позицию принципиально.

ВЫСТРЕЛЫ НА ПАПЕРТИ

Вернем нашу память в сорок восьмой год, остановимся на 20 сентября и подойдем к Преображенской церкви во Львове. Служба уже закончилась, но верующие не расходятся, ждут настоятеля, протопресвитера Гавриила Костельника. Он выходит величественно, неторопливо, поднимает руку, чтобы осенить паству крестным знамением, но тут же раздается треск нескольких пистолетных выстрелов. Владыка падает, убитый наповал, а стрелявший в него молодой парень вскидывает пистолет снова и упирает дуло в собственный висок.

Официальная версия происшедшей трагедии сохраняется и поныне: в отца Гавриила по указке Ватикана стрелял бандеровец Василий Панькив.

За что — было ясно каждому. Именно протопресвитер Костельник еще в начале 1945 года возглавил Центральную инициативную группу по воссоединению греко-католической церкви с православной церковью. Именно эта группа созвала и 8—10 марта 1946 года провела Львовский Собор. Решение Собора всколыхнуло весь христианский мир — оно отменило установления Брестской унии, в 1596 году объединившей православную церковь Украины и Белоруссии с римско-католической церковью. Иными словами, униатская, или греко-католическая церковь, возникшая в очень сложных процессах национальных и государственных, за два этих мартовских дня была ликвидирована, а все ее прихожане как бы все вдруг стали православными. Официозы тех лет уверяли, что в лоно Русской православной церкви так же дружно перешли в подавляющем своем большинстве священники и монахи. Под началом новых духовных владык оказались и соборы, и церкви, и монастыри. Иерархи и той, и другой церквей и по сей день спорят, хороша или плоха была та Брестская уния, у каждого свои аргументы, свои доводы. Но политика — это политика, а вера остается верой. Мне же сейчас не до исторических и тем более не до богословских полемик. Конечно же, церковь используют те или иные правители, но есть же и верующие... Да простят меня и их эминенции кардиналы, и их преосвященства епископы, но я послушаю ту украинку с Арбата, которая поправляла по-деревенски повязанную на голове косынку и протягивала ко мне свои руки крестьянки: «Люди добрые, за что, за какие грехи перед Богом и перед людьми у нас забрали нашу веру? Нашу церковь? Наших святых? Сосчитайте, сколько поколений нашего народа исповедовали греко-католический обряд. И при Польше, и при Австрии, и при Советах. И только мы сорок с лишним лет не имеем своего храма, молимся, исповедуемся, венчаемся и отпеваем близких тайно. За что такая кара, люди добрые?»

Не сомневаюсь: кто-то упрекнет меня за этот монолог в упрощении сложной для всего христианского мира проблемы, в забвении уроков истории и вообще в подыгрывании примитивным настроениям толпы.

Такие настроения есть и были. Но сегодня наш исторический опыт достаточен для того, чтобы не только избегать новых ошибок, но исправлять старые. А то ведь, желая наказать преступников или фанатиков в Сумгаите и Фергане, можно договориться до запрещения мусульманства, так как среди мусульман встречаются головорезы. Но мы ведь публично судим убийц, и правильно поступаем, потому что не они определяют мораль народа, веру народа, традиции народа. Поэтому и разговор, сводимый подчас к общим, невдумчивым фразам, недопустим сегодня...

Сегодня, на четвертом году выстраданной нами перестройки, когда провозглашено и новое мышление, и отказ от многих стереотипов, и курс на демократизацию и веротерпимость, какие аргументы оправдывают запрет УКЦ и все еще загоняют ее в подполье?

Первое слово — митрополиту Киевскому и Галицкому Филарету, экзарху Украины; больной этой темы Его Высокопреосвященство касается во многих своих статьях, во многих интервью за последние два-три месяца:

«Греко-католической церкви восточного обряда (или униатской) на Украине нет уже более сорока лет. Ее самоликвидация началась в марте 1946 года на церковном Соборе в г. Львове, когда епископы, священники и представители мирян объявили об аннулировании унии, навязанной верующим в 1596 году в Бресте. Решение Львовского Собора поддержало подавляющее большинство греко-католиков и почти все приходы этого региона воссоединились с Русской православной церковью. Чем был вызван этот акт? Конечно, не сталинскими репрессиями, которые мы все осуждаем, а тем, что искусственно созданная на территории захваченных земель Украины и Белоруссии униатская церковь изжила себя. Полностью скомпрометировали себя иерархи греко-католической церкви в глазах простых верующих и духовенства в годы второй мировой войны своим сотрудничеством с оккупационным фашистским режимом и бандеровскими националистическими бандами. Не дай Бог, если бы УКЦ была легализована».

А вот что говорит первый секретарь Ивано-Франковского обкома Компартии Украины И. Посторонко: «В последнее время общую тревогу вызывает активизация представителей униатства — их стремление легализовать Украинскую католическую церковь, скомпрометировавшую себя в глазах украинского народа. В этой связи в устных выступлениях, в публикациях газет показывается реакционная сущность униатства, его альянс с национализмом, разъясняется, что так называемый униатский вопрос не что иное, как прикрытие национализма».

Как видим, взгляды духовного владыки и партийного руководителя если чем и отличаются, то тем, что первый объявляет о компрометации только иерархов греко-католической церкви, а второй бросает это обвинение всей УКЦ разом.

Еще более конкретна и однозначна точка зрения председателя Совета по делам религий при Совете Министров УССР Н. Колесника: «У нас в республике никакой греко-католической церкви нет. Ее ликвидировал Львовский Собор еще в 1946 году».

Нетрудно заметить, что настойчивые ссылки на решения Львовского Собора о самоликвидации украинской католической церкви — главный и, пожалуй, самый весомый аргумент противников ее легализации сегодня. Эти же решения с не меньшей энергией оспаривают-ся противной стороной — они называют Собор прежде всего неканоничным и как следствие незаконным как с богословской, так и со светской точек зрения. Вот почему нам предстоит сейчас тщательно исследовать не только и не столько документы Собора, но и весь механизм его подготовки и проведения. Не забудем при этом, что речь пойдет о 1946 годе, когда на землях Западной Украины части Красной Армии и органы НКВД проводили широкомасштабные боевые операции против вооруженных формирований так называемой Украинской повстанческой армии (УПА) — боевиков организации украинских националистов-бандеровцев (ОУН). До умиротворения было далеко, насилие порождало насилие.

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

О Львовском Соборе написано немало. Еще в 1946 году, сразу после его завершения, во Львове была издана довольно объемистая книга «Деяния Собора греко-католической церкви 8—10 марта». Из нее можно узнать, что еще 28 мая 1945 года во Львове образовалась Центральная инициативная группа по воссоединению греко-католической церкви с православной церковью. Ее возглавил уже знакомый нам отец Гавриил Костельник, а членами стали генеральный викарий существовавшей тогда Дрогобычской области Михаил Мельник и декан Гусятинский Антоний Пельвецкий. Каждый из них представлял лишь одну из трех епархий ГКЦ в западных областях Украины — Львовскую, Станиславскую и Дрогобычскую. Нигде не говорится, кем и когда были уполномочены эти священнослужители выступать не только от имени своих епархий, но всей греко-католической церкви, которая, как выше подтвердил митрополит Филарет, действовала на территории всей Украины и всей Белоруссии.

Первым шагом созданной отцом Костельником группы было обращение к Совнаркому УССР:

«...Когда весь украинский народ объединился в один государственный механизм, то и его Церковь должна объединиться в одну Церковь, независимую от чужестранного кормила, в православную, являющуюся Церковью наших отцов».

Как бы там ни было, но уже 18 июня 1945 года Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при СНК УССР П. Ходченко шлет во Львов циркуляр, на который не отважился бы и папский престол: «По указанию Совнаркома УССР в ответ на ваше декларативное заявление от 28.5.45 г. сообщаю вам: 1) Инициативная группа по воссоединению греко-католической церкви с русской православной церковью санкционируется в вашем составе как единый временный церковно-административный орган, которому предоставляется право руководить в полном объеме существующими греко-католическими парафиями в Западных областях Украины и проводить воссоединение их с русской православной церковью. 2) Инициативная группа имеет право согласовывать далее все правовые вопросы в деле руководства греко-католическими парафиями и воссоединения их с православной церковью с Уполномоченным Совнаркома УССР по делам Русской Православной Церкви при СНК УССР и соответственно в областях — с местными уполномоченными. 3) По мере проведения опроса деканов парафий и монастырей греко-католической церкви **Инициативная группа должна посылать Уполномоченному по делам Русской Православной Церкви списки всех деканов, священников и настоятелей монастырей, которые отказываются подлежать юрисдикции Инициативной группы».** (Выделено мною.— *Г. Р.*)

Надеюсь, понятно, почему я обращаю внимание читателя на этот последний пункт: что это, как не самое заурядное доносительство и стукачество, к которому призывает отцов-инициаторов товарищ П. Ходченко? И какие теперь аргументы найдут те, кто до сих пор утверждает, что Собор был подготовлен церковной, а не государственной властью? Неужели нужно доказывать разницу между епископатом и Совнаркомом?

Но проследим за дальнейшим развитием событий. Стало очевидно, и Инициативная группа это признает, что Собор не мог состояться без участия в нем епископов греко-католической церкви — и о какой бы его каноничности могла бы вестись в этом случае речь? Не забудем при этом, что в те дни обреченная на ликвидацию греко-католическая церковь имела и своего митрополита, и 7 епископов. И что же они — отказались? Чуть позже член Инициативной группы Антоний Пельвецкий выскажется на этот счет так: «Наш митрополит и епископы не осознали своего предназначения, как это видно из сообщения Прокуратуры УССР, не оправдали доверия». Ни тогда, ни 35 лет спустя в материалах Собора не было предано гласности ни это таинственное сообщение Прокуратуры, ни то, в чем именно выразилась несознательность всего греко-католического епископата. Но из львовских газет тех лет можно понять, что иерархи здешней церкви «не могли осознавать своего предназначения» уже с апреля 1945 года, ибо пребывали в камерах тюрьмы НКВД по улице Лонцкого.

Да, были среди них предатели, пошедшие на сотрудничество с гитлеровцами,— поделом им и кара. Но предатели были и среди священников православных, и среди мусульманских, служивших в гитлеровском же легионе. Паства не должна нести ответственность за дела преступных иерархов. Но соборное собрание обращалось именно к массе верующих; с ними-то труднее всего, иерархи находятся. Нашлись они и на этот раз.

Уже на 24 и 25 февраля 1946 года Патриарх Московский и всея Руси Алексий назначил хиротонию во епископы самих же инициаторов — отцов Антония Пельвецкого и Михаила Мельника. Чтобы не вызывать лишних кривотолков, оба греко-католических священника без промедления приняли православие и уже после этого были возведены в сан епископов. Именно этот факт давал и все еще дает основания утверждать, что требования религиозных канонов были соблюдены и в проведении Собора участвовали два епископа. Но при этом почему-то забывается, что владыки Антоний и Михаил стали православными епископами паствы, все еще исповедующей греко-католический

Фото Владимира СУМОВСКОГО

...ПОДИ!»

обряд, и по этой причине просто не могли представлять ту церковь, от которой добровольно отреклись и которую предлагали ликвидировать за ненадобностью. Когда я недавно поделился возникшими у меня сомнениями с митрополитом Львовским и Дрогобычским Никодимом, владыка даже прогневался:

— Чья бы корова мычала! А если я скажу, что и Брестский собор был неканоничным?

Но, как бы там ни было, 8 марта 1946 года Собор состоялся в кафедральном соборе св. Юра и продолжался три дня. Из четырех западных областей Украины на него прибыли 216 делегатов-священников и 19 мирян. Собрание духовенства сразу же приняло отчетливо политическую окраску и в выражении верноподданнических чувств к властям не стеснялось. В конце Собора были посланы приветственные телеграммы Сталину, Хрущеву и Гречухе. Послание последнему, как Председателю Президиума Верховного Совета Украины, собравшиеся сочли возможным завершить библейским изречением: «Чудны суть дела Твоя, Господи, и ни едино слово довольно есть ко похвалению Чудес Твоих!»

Воистину так!

Львовский Собор завершился, как и следовало полагать, единогласно принятым решением ликвидировать унию, аннулировать зависимость от Рима и возвратиться в Русскую православную церковь.

Вероучение, которое три с половиной столетия исповедовали миллионы людей, оказалось под строжайшим запретом.

ОПЕРАЦИЯ «СОБОР»

Надеюсь, читатель уже понял, в какой сложной, а чаще и взрывоопасной социальной и политической атмосфере происходила подготовка к созыву этого необычного Собора и его проведение. Даже при условии, что его инициаторы и участники действовали по велению души, собрать верующих хотя бы в одном только селе было делом непростым, а чаще и вовсе не возможным: вечером в нем могли распоряжаться небритые хлопцы с трезубцами на полувоенных фуражках и кепи, а утром и днем улочки и дома прочесывали молодцы из частей НКГБ. На сельских и городских кладбищах той смутной поры хоронили ежедневно: одни погибали от рук «лесовиков» УПА или ОУН, другие — от карательных акций госбезопасности.

Но сколько бы я ни рылся в львовских архивах, сколько бы ни листал газет тех горьких лет, не мог найти даже намека на участие органов НКГБ не то что в подготовке, но и в обеспечении безопасности участников Собора.

И вот в последнюю командировку в Киев случай свел меня с долгожданным собеседником. Всю свою жизнь он прослужил на Украине, бывал в западных ее областях как профессиональный и многоопытный разведчик. Думается, читатель поймет, что еще не настало время называть его подлинную фамилию — с подобным умолчанием, полагаю, согласится даже самый рьяный поборник гласности. Скажу только, что мой собеседник, состоя на службе в компетентных органах и сам человек компетентный, широко и всесторонне образованный, интеллигентен и обаятелен. Ему чуть более шестидесяти, а в отставку вышел в звании полковника госбезопасности. Откровение со мной далось ему нелегко, каждое слово было обдумано и взвешено, кассета диктофона сохранила и длинные его паузы, и частые поправки сказанного.

Вот запись:

— Отношение органов госбезопасности к униатской, или греко-католической, церкви в те военные и послевоенные годы определялось следующими факторами: 1) На протяжении трех с половиной столетий униатская, или греко-католическая, церковь способствовала экспансии Ватикана на Восток. 2) Иерархи этой церкви с первых же дней оккупации не только благословляли фашистов, но и были как организаторами, так и освятителями украинской повстанческой армии (УПА), дивизии «СС-Галичина» и бандеровского подполья. 3) Еще летом 1944 года, сразу же после освобождения Львова представители Красной Армии, НКГБ и Советской власти попросили главу униатской церкви митрополита Шептицкого обратиться к руководителям УПА-ОУН сложить оружие на щадящих и почетных для них условиях. Владыка сделать это категорически отказался. Свои соображения в связи с этими обстоятельствами нарком госбезопасности УССР генерал Савченко Сергей Романович доложил первому секретарю ЦК КП(б)У Н. С. Хрущеву. Через несколько дней — а это было в феврале 1945 года — Хрущев сообщил генералу Савченко, что Сталин лично принял решение о скорейшей ликвидации украинской греко-католической церкви.

Отчетливо сознавая принципиальную новизну и даже некоторую сенсационность этого сообщения, я готов в случае возможных возражений или опровержений назвать представителям КГБ УССР кодовое название папки с документами, хранящейся в их недоступном пока для меня архиве,— подтверждений каждому слову полковника найдется предостаточно.

Другим моим собеседником по этому щекотливому вопросу стал известный советский писатель, лауреат Государственных премий СССР и УССР, автор знаменитой трилогии «Старая крепость» Владимир Павлович Беляев. С 1944 года он жил во Львове и имел возможность во всех деталях наблюдать за подготовкой и проведением Собора. Память у Владимира Павловича удивительная. Цитирую запись:

— Отбором делегатов на Собор, их доставкой во Львов и регистрацией ведал полковник госбезопасности Богданов, расположившийся со своими офицерами в гостинице «Жорж», позже переименованной в «Интурист», в самом центре Львова. Я не помню, чтобы когда-либо у меня так тщательно проверяли документы при входе в гостиницу и особенно в номер, где расположился Богданов. Такой же процедуре, разумеется, подвергались и доставляемые в город делегаты Собора. Помню, что делегатские мандаты священникам и мирянам выдавал лично Богданов, после чего в соседней комнате их подписывал протопресвитер Гавриил Костельник и скреплял печатью созданной им Инициативной группы. Вспоминается и то, что каждый из делегатов получал от Богданова талоны на обед и на 200 граммов водки — время было послевоенное, голодное. Накануне открытия Собора я застал у Богданова и заместителя начальника областного управления НКГБ полковника Козлова, оба нервничали, что-то не ладилось, но в конце концов Собор открылся на удивление спокойно, привычной в эти дни стрельбы на улицах не было слышно. Площадь у собора была плотно оцеплена и буквально голубела от фуражек солдат и офицеров госбезопасности. Пропускным режимом ведал Овсянников — энергичный молодой офицер, в звании то ли лейтенанта, то ли старшего лейтенанта. У меня было впечатление, что каждого делегата он знает в лицо.

Выступали делегаты вымученно, спотыкались на трудно выговариваемых формулировках из тогдашнего политического лексикона, от бумажки не отрывались. Насколько я осведомлен, тексты для выступлений им готовил Никита Павлосюк, секретарь Собора.

БОРЬБА

С чем же осталась украинская греко-католическая церковь после погрома 46-го года? Только с верой, от которой ее прихожане не отреклись и отрекаться не собираются. Все же остальное — храмы, монастыри, их ритуальные принадлежности, церковные библиотеки — перешло в собственность православной церкви. Как это ни печально, но именно этот внешне респектабельный грабеж отождествил в сознании обобранных верующих православных иерархов и покровительствующую им государственную власть. При этом важно понять, что вовсе не догматы греко-католического учения подвигнули его приверженцев к борьбе за попранные свои права, а зревший на протяжении свыше четырех десятилетий протест.

В минувшем году, когда христиане всего мира торжественно отмечали 1000-летие крещения Руси, украинская католическая церковь впервые гласно заявила и о себе, и о своих правах, гарантированных статьей 52 Конституции СССР. Сотни, тысячи подписей верующих скрепляли ходатайства, направленные в Совет по делам религий при Совете Министров СССР, Президиум Верховного Совета СССР, Московскую Патриархию. Ответов не было и нет. Подобные прошения были получены в столь же высоких инстанциях Украины — молчание. До чего же умеем загонять болезни вглубь, сегодня зачинать завтрашнее недовольство!

Вопрос о восстановлении прав УКЦ встал при выдвижении кандидатов в народные депутаты СССР. Уже на третий день работы Съезда избранники от Украины Ростислав Братунь, Роман Федорив, Юрий Сорочик и Иван Вакарчук, выполняя наказ своих избирателей, подали в президиум депутатский запрос, в котором обращали внимание не только на попрание прав миллионов верующих, но и требовали создать специальную комиссию для изучения этого наболевшего вопроса. Ответа не получено.

Стоит ли после этого удивляться, что активисты УКЦ, среди которых подбирается самая разная публика, шлют петиции в Ватикан, в Конгресс США, участникам Венского совещания, генеральному секретарю ООН, добиваются встречи в Москве с Рональдом Рейганом и секретарем Ватикана кардиналом Августино Казаролли. И что примечательно: каждый из адресатов за рубежом почти без промедления откликался на подобные обращения, хотя бы теплыми и учтивыми словами сочувствия и поддержки. А мы будто стремимся помалкиванием подстегнуть страсти...

Статьи и письма в поддержку УКЦ заполнили страницы многочисленных газет и журналов украинского «самиздата»; на ситуации стремятся нажиться и наживаются не только силы, дружественные перестройке, слова в защиту УКЦ звучат почти на каждом массовом митинге.

Впервые за четыре с лишним десятилетия тотального запрета стала пробуждаться и религиозная деятельность вышедшей из подполья церкви. И оказалось, что она, гонимая и как бы уже несуществующая, сохранила не только многотысячную паству, но своих священников и иерархов. Во Львове можно увидеть архиепископа Владимира Стернюка и епископа Филимона Курчабу, в Ивано-Франковске — епископов Софрона Дмитерко и Павла Василика, в Закарпатье — епископов Ивана Семелия, Иосифа Головача и Ивана Маргитича. УКЦ имеет три духовных семинарии и несколько монастырей, действующих с соблюдением всех правил конспирации. Ну что это за «римские времена» в наше время? Что это за неформальная агитация в пользу церкви?

Отдадим должное и тем священникам УКЦ, и тем из их мирских помощников, которые изначально стремились не к конфронтации, а к диалогу и сотрудничеству с православными. Вот один только факт. В декабре минувшего года Мариинское общество милосердия обратилось к православным священникам церкви св. Николая с просьбой провести совместно с греко-католиками молебен за погибших во время землетрясения в Армении. Им отказали: нельзя молиться с приверженцами веры, которой не существует.

Но самые, пожалуй, драматические события развернулись месяц спустя, когда в стране по предложению Русской православной церкви проводилась неделя экуменических молитв. Это значит, что с 17 по 25 января можно было проводить совместные богослужения, независимо от вероисповедания молящихся. В начале января от имени все того же Мариинского общества было распространено обращение к православным и греко-католическим священникам Львова с предложением провести в воскресенье, 22 января, в кафедральном соборе св. Юра экуменический молебен за народ Украины. Кроме этого, 11 января такая же просьба была адресована митрополиту Львовскому и Дрогобычскому Никодиму. Ответом был вызов активисток общества к уполномоченному Совета по делам религий при Совмине УССР Ю. Решетило. Оказалось, что из митрополичьих палат сюда уже поступило гневное письмо с информацией о предстоящем молебне и просьбой поставить на место незарегистрированное общество и верующих несуществующей церкви. Приглашенных предупредили, что богослужение греко-католиков на территории ныне православного собора будет приравнено к несанкционированному митингу со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И все же в назначенный срок молебен состоялся. На него собралось около десяти тысяч верующих греко-католиков со своими священниками. Я видел видеозапись этого богослужения, внимательно выслушал и те слова, с которыми обратились к молящимся активисты комитета защиты УКЦ и других организаций, возникших в связи с ненормальностью ситуации. Носили ли они политический характер, как в том меня

уверяли представители властей в Киеве и Львове? Если таковыми считать призывы к возрождению УКЦ или здравицы в честь украинского народа — тогда согласен, были. А если вспомнить, что избранный для молебна воскресный день 22 января совпал с провозглашенным еще в 1919 году воссоединением украинских земель, тогда один шаг до переименования богослужения в митинг и воззвания за помощью к властям. Представьте себе, воззвали. Читаю:

«Прокурору г. Львова Крикливцу С. Д., председателю горисполкома Котику Б. Д.

Извещаю Вас, что 22 января 1989 года в 11.40 дня во дворе собора Святого Юра около центрального его входа собралась группа людей, которую, как стало известно позже, возглавляли руководители Хельсинкского союза, комитета защиты УКЦ и Мариинского общества милосердия. Эти люди без разрешения местных органов власти, а также без моего согласия провели митинг и молебен, посвященный 70-летию независимой Соборной Украины. Богослужение проводил незарегистрированный униатский священник В. Волошин.

Этими своими незаконными действиями они нарушили не только государственные законы, но и канонические законы церкви, в частности устроили свое политическое богослужение, выкрикивали здравицы в честь Украины и Украинской католической церкви, вражески настраивали людей против меня и верующих Русской православной церкви, использовали при этом технические средства (мегафон, диктофон, фотоаппараты).

В соответствии с действующим законодательством нашего государства прошу привлечь их к ответственности.

Митрополит Львовский и Дрогобычский Никодим».

Столь же гневные заявления в прокуратуру направили и православные священники собора протоиереи П. Кочкодан, протоиерей Б. Штим и председатель церковного комитета М. Войтович.

Можно себе представить, как отреагировали греко-католические священники, их паства и многочисленные общественные организации города на этот шаг православных иерархов; эхо начинавшихся раздоров прокатилось по всей Украине и, как свидетельствовали передачи зарубежных радиостанций, перешагнуло ее рубежи. То ли этот непредвиденный резонанс, то ли неодобрительное отношение к не в меру разгневавшемуся львовскому владыке в Москве и Киеве, но только вскоре заявление в прокуратуру им было отозвано: «Пусть за все содеянное их судит Бог!»

Увы, судебная машина уже набрала обороты, и 10 марта судья Зализничного района г. Львова С. Дикунская рассмотрела материалы о привлечении виновных к административной ответственности. Судья пришла к выводу, что 22 января «во дворе собора св. Юра без разрешения местных органов власти был организован и проведен митинг, в котором приняла активное участие Калинец И. О. с другими «правозащитниками». Исходя из этого, судья постановила подвергнуть Калинец Ирину Онуфриевну аресту на 10 суток.

26 февраля — экуменическая панихида по Тарасу Шевченко во дворе Свято-Успенской церкви. В богослужении приняло участие около 25 тысяч верующих греко-католиков. Впервые вместе со священниками УКЦ отцами Волошиным и Лесивым молился православный священник из села Старая Соль Городокского района отец Низкогуз. В конце богослужения священники сотворили поцелуй мира. 16 апреля — молебен под открытым небом у бывшего монастыря Босых Кармелитов, около 20 тысяч верующих отправили панихиду о жертвах Чернобыля.

Не хочу, однако, создавать у читателя впечатления, что украинская католическая церковь завоевала души всех без исключения верующих христиан Западной Украины. И римо-католики, и православные соседствуют с ними уже не одно столетие. Не хочу также уверять, что решения Львовского Собора отвергли поголовно все бывшие униаты — среди них было отнюдь немало искренних союзников православия. Все это нормально; попросту не надо нагнетать ненормальности. Вниманием властей, особенно за последние полтора года, легально существующие церкви не обижены. Если к началу 1988 года во Львовской области насчитывалось 10 костелов и 578 православных церквей, то сегодня римо-католики освятили еще 10, а православные — еще около 700 храмов. Эти цифры мне с гордостью не раз называли и в Киеве, и во Львове, как бы предлагая порадоваться растущей веротерпимости властей. За неделю, проведенную мною во Львове, православные церкви открывались едва не каждый день.

Эта кампанейщина, как и любая другая, имеет свой плохо потаенный расчет. Попробую его объяснить, тем более что это несложно. Все дело в том, что каждый заколоченный во времена повальных гонений на любую религию храм как магнитом притягивает молящихся в окрестных лесах и полях греко-католиков, и уже есть случаи самовольного захвата ими пустующих церквей, потому-то и торопятся власти передать их во владение православной епархии и остудить тем самым наиболее горячие головы вышедших из подполья греко-католиков.

Есть и другие, не менее опасные формы протеста. В селе Старая Соль, о котором я мельком упомянул выше, дело дошло до открытой вражды между двумя религиозными общинами. «Поцелуй мира», которым здешний православный священник Низкогуз обменялся с греко-католическими отцами, обошелся ему, как принято говорить в миру, снятием с работы. Пострадавший настоятель не остался в долгу и публично отрекся от православия, после чего с согласия своих прихожан стал отправлять богослужение в той же церкви по обряду УКЦ. Те же из односельчан, которые продолжали исповедовать православие, в своих правах ущемлены не были — и в этом, и в соседнем селе они могли молиться в двух церквах. Разумеется, Львовская епархия не могла простить отцу Низкогузу его дезертирство, и по распоряжению митрополита в захваченной отступником церкви было назначено соборное богослужение. В село приехали одиннадцать посланных владыкой священников во главе с благочинным отцом Билыком. И вот тут-то произошел конфуз: собравшаяся у непокорного храма толпа греко-католиков дальше паперти приезжих не допустила. Это был уже открытый вызов, открытое неповиновение.

Православные настоятели потеряли свои приходы и в селе Купичволя Нестеровского района, и в селе Сусолов на Самборщине. Опасная конфронтация между верующими УКЦ, властью и православием разбухла: нет для нее более благодатной почвы, чем нежелание смотреть правде в глаза, чем умолчание и запрет.

ГДЕ ДОРОГА К ХРАМУ?

С кем бы я ни беседовал — с руководителями Совета по делам религий или с партийными работниками, со священнослужителями православной, римо-католической или украинской католической церквей, с народными депутатами СССР или активистами неформальных организаций, каждый из них слышал один и тот же вопрос: что дальше? Будем по-прежнему упрямо твердить, что УКЦ «самоликвидировалась», или сообща найдем для ее приверженцев дорогу к храму, который у них был отнят?

Вот какие мнения довелось мне услышать.

Н. Колесник, председатель Совета по делам религий при Совмине УССР:

— Прежде чем ставить вопрос о регистрации, вновь образуемая церковь должна выработать свое вероучение, свой устав, программу, обсудить и принять их на представительном Соборе. Но этого же нет!

Я не хочу напоминать уважаемому руководителю, что и вероучение, и каноны, и обрядность неведомой ему церкви существуют уже без малого четыре столетия. Задумаемся о другом: украинская католическая церковь живет и в Польше, и в Югославии, и в ФРГ, и в Канаде, и в Австралии, ее вероучение исповедуют многие и многие тысячи наших соотечественников, загнанных судьбой на чужбину. Всегда ли найдем мы общий язык с многомиллионной украинской диаспорой, если и дальше будем держать в унизительном бесправии ее единоверцев на отчей земле? И подумал ли кто-нибудь, зачем допускает государство, стремящееся стать правовым, нарушение и Всеобщей Декларации прав человека (статьи 18-я и 19-я), и Венских соглашений, разве не здесь должна сказать свое слово народная дипломатия?

В. Григоренко, заведующий идеологическим отделом Львовского обкома Компартии Украины:

— Вопрос о легализации и, если хотите, реабилитации украинской католической церкви сложный, болезненный. Но решать его надо. Сегодня, сейчас настал такой момент, что отмалчиваться, загонять проблему внутрь уже нельзя, невозможно. Исторически сложилось так, что среди населения нашей области верующих немало — по самым грубым подсчетам, процентов сорок. Из них половина — приверженцы УКЦ. Может быть, их даже больше, и отмахнуться от их нужд недопустимо. Позиция обкома партии в деликатном этом вопросе одна: мы хотим вовлечь в перестройку как можно больше верующих людей.

Признаюсь: ни одна беседа не вселила в меня столько успокоения, столько надежд, как этот откровенный разговор с Владимиром Семеновичем Григоренко в обкоме. Не хочу прежде времени предавать огласке его дальнейшие намерения, скажу только, что они конкретны, смелы и честны.

Что же касается проявлений экстремизма и откровенного стремления некоторых ратоборцев за веру нажить себе политический капитал, то и это, к сожалению, очевидно. Если, скажем, рядовые участники голодовки на Арбате озабочены только бедами своей гонимой церкви, то присвоивший себе роль их руководителя некий Степан Хмара в своих речах упорно стоит на позициях крайнего национализма, печатает в эмигрантских газетах Мюнхена явные небылицы и буквально ломится в двери посольств некоторых держав. Знают ли верующие, что их предводитель, по словам близко знавших его людей, в предшествующие годы был настолько далек от религии, что, как принято говорить, и лба не перекрестил?

Пока, как можно заметить, я вел разговор только о позиции светских лиц. А какова точка зрения иерархов УКЦ?

Архиепископ Владимир Стернюк:

— Любое насилие всегда было глубоко чуждо нашей многострадальной церкви, оно противоречит Евангелию. Но как и государство не может поручиться за законопослушание каждого своего гражданина, так и мы, духовные пастыри, не можем гарантировать безупречного поведения каждого нашего единоверца. Но каждый случай противозаконного поведения, каждое слово вражды, где бы оно ни звучало, мы решительно осуждаем. Предположим крайний случай: наши верующие захватили силой православный храм. А что дальше? Ведь никто из наших епископов не освятит его, не назначит туда священника. Я не устаю повторять об этом всюду.

Что, на мой взгляд, надо сделать, чтобы возродить и легализовать Украинскую католическую церковь? Прежде всего отменить решения Собора 1946 года. Сделать это должна власть, которая его организовала, провела и навязала делегатам противозаконные решения.

Какое бы тяжелое наследие ни оставил нам произвол сталинизма, мы не станем призывать к отмщению за неисчислимые страдания наших верующих, нашего народа. И последнее: с горечью убеждаясь в нежелании Московской Патриархии внять нашим мольбам, мы не отождествляем ее владык с простыми православными. Любое проявление насилия к нашим братьям во Христе встретит самое решительное наше осуждение.

* * *

Я уезжал из Львова в субботу, в праздник Спаса. К площади у бывшего католического монастыря Босых Кармелитов со всего города шли сотни, тысячи людей. Отстояв со всеми молебен, я еще долго потом слышал не раз повторенное многоголосие:

— Пресвятый Боже и Пречистая Дева Мария, услышьте нас! Это мы, Господи!

Блаженны верующие: они не сомневались, что Бог их услышит, внемлет, поможет.

А власть?

Ей, право, не надо обострять ситуацию, и так доведенную до тревоги. И мусульмане, и баптисты, и православные, и евангелисты, и кришнаиты обретают у нас права на молитву. Ущемление того, что принадлежит людям по праву, никогда не воодушевляло людей. И напротив...

Львов

ПАЛИТРА

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ БОРИСА ЗАБОРОВА

Галина АКСЕНОВА

...А может быть, для эмигранта родина, как ушедшая молодость? Томит ностальгия, но возвращение невозможно...

Парижская газета информировала своих читателей, что 31 января 1989 года «в парижском Театре Елисейских полей состоялся большой аукцион, организованный фирмой Друо и ассоциацией «Азнавур для Армении». Весь сбор от аукциона пошел в пользу армянских детей и сирот, пострадавших от недавнего землетрясения.

На аукцион были представлены произведения искусства и ценные изделия, принесенные в дар их авторами и владельцами. В том числе — скульптура Огюста Родена (дар парижского Музея Родена), холст Анри Мартена (дар вдовы художника), акварель К. Терешковича (дар вдовы художника); эстампы Армана, Бюффе, Шагала, Эрте; фотографии Давида Гамильтона и Анри Картье-Брессона. Было также представлено много работ современных армянских и русских художников (в частности Вейсберга, Есаяна, Заборова, Купера, Леонова, Павловского, Путилина, Шемякина).

Среди произведений искусства самой высокой цены аукциона (320 тысяч франков) удостоилась работа русского живописца, живущего в Париже, Бориса Заборова «Отдых под голубым квадратом».

В результате Шарль Азнавур передал в Ереване католикосу Армении вырученные на аукционе и собранные им 4470 тысяч франков».

Что же это за художник, Борис Заборов? Помнят ли его искусство советские зрители, не забывают ли о его существовании друзья? Что думают о нем зарубежные искусствоведы?

ДЕВОЧКА И ЦВЕТЫ. 1983.

Б. А. ЗАБОРОВ. Род. 1937.

Актер Вениамин СМЕХОВ. Чернобородый неврастеник в широкополой шляпе приехал прощаться из Минска в Москву с друзьями, с родиной, с воздухом молодости. Все это делалось вскачь, без слез, телефоны-перезвоны... Что оставлял мой друг Боря Заборов вместе со своей Ирой и двумя детьми? Перечислять — места нету. Лица провожающих были одновременно веселы и печальны. Застолье все равняет — и свадьбу, и поминки. Но на вокзале многие разревелись: хорошего человека терять горько.

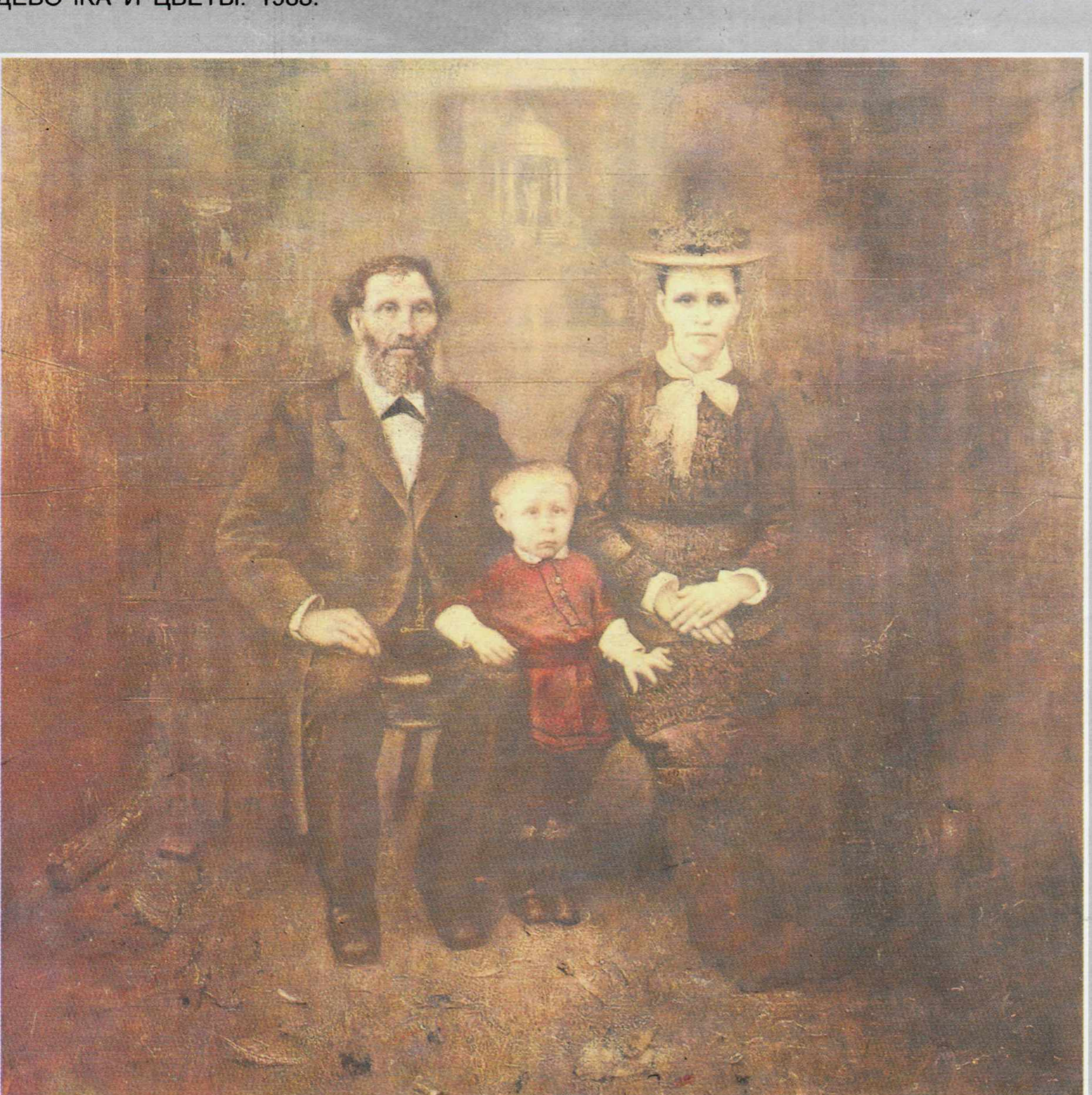
Уезжал из страны начинающий эмигрант — что и кто его ожидает? Ах, записать бы на магнитофон его «крутые» рассказы: об отчаянии и окаянстве первых месяцев в Вене, потом в ФРГ, потом в Париже. Каким студеным и безжалостным оказался великий город, родина художеств.

Поэт Рыгор БОРОДУЛИН. В октябре 1987 года в парижской гостинице зазвонил телефон. Услышал я голос и растерялся. Что это, я переместился во времени, возвратился в Минск своей молодости? Голос тот же, немножко приглушенный, с еле уловимой хрипотцой, с белорусским произношением, вернее, с минско-русским. Это говорил друг молодых лет. Это ко мне осязаемо и конкретно вновь возвращался Борис Заборов, художник, сделавший целую революцию в книжной графике Белоруссии в шестидесятых годах, во время так называемой хрущевской оттепели, художник, вынужденный в глухую пору брежневской полярной ночи покинуть родину, ибо слишком независим был как мастер, как личность. Не буду перечислять, сколько классики белорусской, русской, мировой по-новому, по-заборовски оформил признанный маэстро. Скажу только одно. Возникали конфликты, бывшие приятели враждовали — каждому литератору хотелось, чтобы его оформлял именно Борис Заборов. Даже те, кого коробило от его отчества Абрамович. Все дипломы, все награды издательству за лучшую книгу шли тогда, когда книга выходила из рук Бориса Заборова. Создалась у нас даже школа подражателей, заборовцев.

Литератор Лев ТИМОФЕЕВ. «Сказки» Оскара Уайльда, оформленные Заборовым в 1979 году, стоят у меня на книжной полке, среди альбомов. На них интересно посмотреть после того, как узнаешь, что Заборов делает сейчас. Он прекрасный объект для размышления, потому что мало с кем из художников в зрелом возрасте происходят такие превращения, которые произошли с ним. Книга Оскара Уайльда «Сказки» — экзаменационная работа одаренного ученика, который, безусловно, получил высокую оценку. Когда человек сдает экзамен, он должен показать, что он умеет.

Изобразительное искусство — особое взаимоотношение между душой (то, что мы зовем личностью), временем и пространством. После переезда на Запад у Заборова произошло, скажем так, возмужание личности. Качественным изменениям личности всегда сопутствует изменение художественного языка.

Режиссер Анатолий ВАСИЛЬЕВ. В Париже у Бориса очень изменилась живопись. Это как-то совсем неожиданно оказалось, когда я стал листать альбом, вышедший в ФРГ. Там были пейзажи, какие я видел, когда ездил в фольклорную экспедицию на Север. Я знал эти плотные композиции, когда дом занимает все пространство рамы, мне

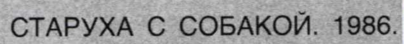

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ. 1984.

ДЕВУШКА С КНИГОЙ. 1982.

СТАРУХА С СОБАКОЙ. 1986.

ДЕВУШКА И СТАРУХА. 1989.

были знакомы эти люди, потому что в свое время, когда готовил «Серсо», я перебрал много старых фотографий.

Критик Филипп БИДЕН (Франция). Борис Заборов не особенно интересуется фотографией. Он ею пользуется. Как художник моделью. Он черпает в пожелтевшей бумаге старинных фотографий элементы вдохновения. Встреча со старой фотографией, анонимным следом несомненно исчезнувших жизней, увлекает его по таинственным путям. Молчаливое свидание с глазу на глаз, которое становится диалогом душ.

Читая разные западные рецензии, я натолкнулась на фразу Бориса. Мысль художника показалась мне важной для этого коллажа чужих мнений. «Я убежден, что место объекта — субъекта — в центре картины. Только в этом месте изображаемый объект может, искрясь, сделать одновременно два движения: одно вдаль, в глубь картины, другое — в противоположном направлении, к нам, в глубь нашей памяти». Так появляется слово — ключевое для статьи о художнике Борисе Заборове.

А. ВАСИЛЬЕВ. Эта живопись была мне внутренне знакома. Но все равно она была невероятной. Художник, который вызывает прошлое. Он ничего не стал делать для спекуляции. Хотя можно и так сказать: оказавшись на Западе, Заборов понял, что тема, которой он занимался раньше, не будет иметь хода, долго думал над тем, что может быть интересно западному человеку, и тогда он начал спекулировать на родине. Конечно, можно сказать и так, но это пошло и нахально.

Критик Камиль СТАНК (Франция). Простота тем. Богатство сдержанно трактуемых образов. Скромная оригинальность техники и используемых материалов. Борис готовит пути завтрашнего авангарда — ведь он не классик и не авангардист, он иное.

Отсутствие ценностных суждений. Настоятельность чувствительности. Борис старается не столько понять и объяснить, сколько дать почувствовать. Его живопись не претендует на универсальность, и именно поэтому она обращается ко всему миру. С мягкой настойчивостью...

То, что мне нравится в Борисе, это именно его неконтролируемая улыбка, его насмешливый и все же такой глубокий взгляд: он любит свою страну, он любит своих близких, у него есть друзья. Борис — это интеллектуал, которого разрушают переживания и чувства... Но, ради всего святого, не произносите слова «романтик» — оно сразу же станет поводом для массы иронических улыбок в наше до крайности прагматичное время.

А. ВАСИЛЬЕВ. Борис — великолепный рисовальщик, потрясающий, замечательный колорист. Он пользуется тончайшими изменениями цвета и света и избегает резких сочетаний. Он великолепный психолог. Он божественный художник.

Сценарист Тонино ГУЭРРА (Италия). Сосредоточенной и терпеливой работой рук, ума и сердца ему удается воссоздать на холсте образ тех, кто жил когда-то (или будет жить после нас?) — это вечное присутствие жизни во времени, которое может раствориться в воздухе, чтобы опять появиться — в другом месте — как соединение атомов в постоянном космическом движении.

Нет, не только прошлое ощущается в грандиозной по силе живописи Заборова, но и тот отпечаток вечности, который постоянно присутствует в его памяти...

А. ВАСИЛЬЕВ. Это такое мастерство, когда оживает время. Когда оно восстанавливается и перетекает из прошлого в настоящее сквозь ту границу, которая делит людей. Время оказывается на холсте, штрих за штрихом. Потом я это увидел у Тарковского. В его последней картине.

Живопись Бориса мужественна, он стал работать по-мужски, без страха. Это очень опасное волшебство, потому что когда-нибудь наступит время и он не сможет оживлять эти фотографии, это станет трагично для него самого...

Описывать картины, которые разбрелись по престижным западным коллекциям и которые никогда не увидим, не хочется. Мысль об искусствоведческой статье разбилась о речи друзей. Они показались точнее любых критических сочинений. Возможность написать о Борисе привела к разговору с Парижем. После него пришло письмо, строки из которого я позволю себе процитировать:

«Поддержка дает ощущение опоры, тыла. Насколько это ощущение важно, я понял здесь, на примерах многих художников, выходцев из разных стран мира, живущих и работающих в Париже. Их единственное, пожалуй, преимущество перед такими, как я, в том, что за ними стоит их страна. Оказывается, это очень важно».

А. ВАСИЛЬЕВ. Я думаю, что чистое полотно, которое перед ним и которое он должен покрыть маслом,— это граница, которая разделяет его и ту родину, которую он оставил.

В. СМЕХОВ. Много пережито со дня проводов до дней удачи. Мы гостили семьей у семьи удачника Заборова. Ну и что изменилось? По-моему, две вещи. Во-первых, обновилось письмо, родился новый мир портретов и пейзажей. Чудесным образом перевоплотилось время и страдание в картинную галерею нечеловеческой тоски по воздуху молодости, по Минску и Москве, по друзьям и родным. Как это совместилось? Больное и зыбкое, оно вместе с тем сильное и красивое.

Встречаем в гостях Рождество пять лет назад, а за столом у Заборова — друзья и подруги, и Виктор Некрасов, и Толя Гладилин, и Отар Иоселиани, и Степан Татищев, и сын Кирилл (тогдашний теннисист, а ныне барабанщик), и Машенька — дочка, что ныне свою дочку в Чикаго балует... хорошо все звучит... на словах. Но когда льется беседа, когда живет людская музыка — нет ни Европы, ни Азии, а есть только *такое* человечество, только *такая* мелодика речей и юмора, и вот только через такую музыку исподволь понимаешь, откуда эта галерея нечеловеческой тоски, где жизнь и зыбкая, и красивая одновременно...

Р. БОРОДУЛИН. И сегодня во многих квартирах минских друзей и почитателей художника висят картины заборовской кисти, как бы ожидая возвращения домой мастера или хотя бы приезда в родной город.

А. ВАСИЛЬЕВ. Я никого не знаю из Минска, знаю только, что Борису в Минске было очень тяжело, знаю, что иногда к нему из Минска приезжают товарищи, а иногда звонят и те, кого он раньше недолюбливал и кто недолюбливал его. Вот пускай они посмотрят эту живопись и ту живопись двадцатилетней давности, которую они оскорбляли. Пускай (конечно, они этого не сделают) покаются. Они не видели: что́ в нем есть сейчас, было и тогда. И может быть, есть во многих, а может быть, есть во всех, кто считает себя настоящим художником. Вот еще одна судьба, еще один человек, ушедший из нашей жизни в другую...

ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАШЕЙ КУЛЬТУРОЙ

ТРОФЕИ РАВЕНСТВА

Все наши пышные идеи
Толпа буквально поняла
И уж кровавые трофеи,
Вопя, по улицам влекла...
(А. Н. Майков. 1821—1897)

аш паровоз» замедлил свой бег. Настала остановка. В незапланированном, правда, пункте: мы вынуждены признаться себе, что природа наша разграблена и отравлена, экономика не работает, а сограждане изверились и нравственно ущербны.

Советская интеллигенция (кому, как не ей, разбираться в нравственных проблемах!) ринулась в решительный бой. Несмотря на дефект паровозного расписания. Произносятся пугающие слова. Среди них роковые — уничтожение генофонда народа.

Как складывалась жизнь интеллигента в СССР под прессом общественных стереотипов?

Существует ли духовная и генетическая катастрофа на деле или это лишь плод спекулятивного ума? Что происходит с нашей культурой?

Об этом размышляют: писатель Андрей БИТОВ, режиссер Юрий ЛЮБИМОВ, композитор Альфред ШНИТКЕ. С ними беседует критик Галина ГУСЕВА.

ЮРИЙ ЛЮБИМОВ

— Поражает какая-то необыкновенная агрессивность в людях. Стремление как бы схватить кусок и убежать. И как можно меньше при этом отдать. Впечатление такое, что каждый боится; если он сегодня своего не ухватит, завтра вообще ничего не получит...

И ничего не стыдно. Вот что удивительно. Спокойного чувства собственного достоинства вообще как бы не существует. Вместо достоинства — амбиции. Ничем, как правило, не подкрепленные.

— Таково ваше впечатление от театральной среды или так вы ощущаете вообще состояние наших бедных сограждан?

— Общее впечатление.

— Безнравственность как принцип выживания в хаосе?

— Конечно. Вы посмотрите только, что нам продемонстрировал Съезд! Наше полное политическое бескультурье. Многие депутаты не знают толком ни прав своих, ни обязанностей, не в состоянии сформулировать свою программу. Это самое некомпетентное большинство обвинило вдруг московскую группу чуть ли не в интриганстве, заговорщицкой деятельности. А ведь люди просто подготовились к Съезду. Ведь это азы политической добросовестности и культуры. А как слушали народные депутаты Сахарова, великого ученого и гражданина своей страны! Большинство на Съезде не в состоянии даже и понять, что у ученого может быть комплекс вины в связи с участием в создании бомбы. И это большинство устраивает какой-то непристойный шабаш вокруг крупного интеллигента, уместный разве что в разнузданной толпе.

И как показательно отношение к Афганистану.

— Юрий Петрович, общеизвестно, что ваши попытки отстоять театр, борьба с аппаратом закончились в свое время для вас лишением гражданства. Ощущали ли вы на деле такую силу, как авторитетное мнение советской интеллигенции, на которую вы могли бы опереться?

— Были попытки, очень вялые, защитить театр. Но на публичных обсуждениях все молчали. И в конце все молчали, когда уже ясно было, что все это добром не кончится. А когда в последний раз я заехал к Альфреду Гарриевичу Шнитке...

— Он пытался организовать защиту?

— Нет. Поговорить о делах, планы у нас были. Творческие. Так вот, он увидел меня и сказал: «Выпейте полстакана коньяку и давайте бросим разговоры об искусстве. Это все бесполезно».

— Крупные, влиятельные фигуры, риск для которых был, скажем, не смертельный, они тоже молчали?

— Давление было тотальным. Ведь даже когда мы прорывались-таки на гастроли за рубеж, вслед нам неслась команда: «Не хвалить!»

— Чья команда?

— Министерства культуры.

— В адрес нашей критики?

— Да нет, не нашей. В соцстранах.

— Даже?

— Даже. Борьба шла на измор.

— А зачем?

— Не нравилось им все это. И эстетика не устраивала. Мне кажется, эти люди больны. Всюду они видят врагов, подрывающих устои. Ведь человек так устроен, что он всегда стремится оправдать свое даже неправедное существование. Вот и они оправдывались и защищались. Один хороший, подчеркиваю, хороший на общем фоне начальник заперся со мной как-то в кабинете и говорит: «Ну скажи мне, ради Бога, неужели за все эти годы мы тебе ничем не помогли?» Он был очень расстроен. Он был уверен, что чем-то мне помогает в моем деле.

— Чем?

— Советами. «Тут чуть убавить, тут прибавить, тут смягчить». Он сейчас уже умер. А тогда пострадал из-за меня. В том смысле, что его почти уже назначили зам. министра культуры. Табличку уже на дверь прибили. А исто-

рия со мной ему навредила. Мне, помню, потом в МК объясняли мое злодейство — мало, что в театре своем безобразие устраиваете, еще вот хорошему человеку навредили, был бы сейчас уже зам. министра культуры.

— Мы много говорим сейчас о состоянии нашей нравственности. В словаре Даля понятие «совесть» толкуется как врожденное, то есть данное человеку уже при рождении, до опыта, понятие добра и зла.

— Совершенно согласен. Здоровый человек, если он не находится под давлением каких-то развращающих обстоятельств, наделен нравственным чувством от природы. Так же, как глаз от природы различает цвета. Дальтонизм — анормальность.

— Как вы относитесь к религиозному подъему в нашей стране?

— Я думаю, это тяга к вечным моральным ценностям так выражается, к нравственной основе.

— Вы религиозный человек?

— Я на эту тему говорить не люблю. Хотя однажды говорил. С корреспондентом «Таймс». Это было вскоре после того, как я был лишен гражданства. Он и увидел крест и святого моего — Георгия. И говорит: «Это дань моде?» «Ну, что вы,— ответил я ему,— разве буду я сейчас, в моем возрасте, модничать на такую тему». «Но как же вы, член партии, и веруете?» «Видите ли,— сказал я ему,— партия меня об этом не спрашивала. Если бы спросила, я бы ей сказал правду. А там уж их дело, как со мной поступать».

АЛЬФРЕД ШНИТКЕ

— В одном из своих телевизионных выступлений вы сказали, что никакого падения нравов не наблюдаете. Просто людям во все времена свойственно толковать о падении нравов. Правильно ли я поняла вас тогда, Альфред Гарриевич?

— Да. Вы поняли меня правильно.

— Никакого крена общественной морали в сторону зла, с вашей точки зрения, нет. Так?

— Так.

— В этой связи я хотела бы уточнить некоторые подробности вашей творческой биографии, если позволите. Когда ваша музыка уже получила международное признание, вас по-прежнему не исполняли на родине, а критика делала вид, будто вас вообще не существует в природе. Это, я думаю, не улучшало вашего творческого состояния и создавало определенные материальные трудности — надо ведь жить на что-то. Было такое?

— Было. И не только со мной. И с Денисовым, и с Губайдулиной. Но это происходит и сейчас. С другими. Я могу назвать десятки высокоодаренных людей, которые абсолютно безвестны и бедствуют. В Симферополе живет, например, феноменально, на мой взгляд, одаренный композитор — Олеандр Караманов... Восстановив справедливость в отношении одних, мы немедленно впадаем в следующую несправедливость.

— Изначальная несправедливость нашего общества к выдающемуся человеку, в данном случае к интеллигенту, и есть моя тема. Но сейчас вопрос конкретен. Я говорю не о безвестном, а о знаменитом композиторе, которого игнорируют и держат под прессом на родине. Может быть, срабатывает какая-то подспудная зависть среднего ума к высокому?

— Давайте точно.

— Давайте.

— За последние годы только с одним моим произведением были сложности. Эта симфония была написана в 72-м году, впервые исполнена в Горьком в 74-м. И вот на днях куплена Министерством культуры.

— То есть вам заплатили за нее деньги.

— Да. Но до того Министерство приобрело ряд других моих произведений, за что я ему очень благодарен.

— Почему вы благодарны Министерству? Разве вы, на ваш взгляд, пишете музыку, которая не заслуживает внимания отечественного Министерства культуры?

— Я хочу сказать, что, покупая именно эту симфонию, Министерство поступало неосторожно по отношению к самому себе. Ведь оно знало об отношении ко мне, вернее к этой симфонии, Союза композиторов.

— Вы хотите сказать, что чиновники из Министерства в данном случае благороднее композиторов из Союза?

— Безусловно. Но если уж говорить о, так сказать, благородстве Министерства, то вопрос этот можно ставить, только начиная с 1978—1979 годов, а до того, в предыдущие 20 лет, что я писал музыку, мне было трудно и с Министерством. Оно не могло покупать мои произведения, игнорируя мнение Союза композиторов.

— Можно ли представить себе какую-либо культурную страну с нормальным нравственным климатом, где не отдельно взятый «сальери», а целая общность, коллектив, который, как известно, «всегда прав», тормозила бы продвижение в жизнь музыки своего талантливого и признанного во всем мире коллеги, обрекая его тем самым практически на нищету. Я уж не говорю о его моральном состоянии. Ведь травля действует очень жестко на психику. Это испытание для сильных. Не думаю, что кто-нибудь из тех, кто ее осуществляет или поддерживает своим невмешательством, мог бы сам это выдержать и не сломаться. Атака на психику — это очень серьезно. И очень грязно. Особенно когда речь идет о подвижной психике творческого человека. Нет такой истинно культурной страны в мире, где талант оказался бы беззащитен перед усредненным сознанием массы. Хотя бы уж из того практического соображения, что талант такое же достояние общества, как земля и ее недра. Если не больше. Ведь мы знаем множество стран, которые, не располагая какими-либо особыми природными богатствами, отлично справляются со своими проблемами. И знаем пример собственного отечества, еще вчера баснословно богатого, но уничтожающего свой интеллектуальный потенциал. И вот сегодня мы имеем то, что имеем. А когда наша интеллигенция, порождение нашего общества, исключала людей из творческих союзов и они тут же попадали под статью о тунеядстве? А все эти истории с лишением гражданства? Низость?

— Низость.

— Безнравственная интеллигенция — это интеллигенция?

— Вы правы. Я хочу только сказать: кроме общей системы, которая безнравственна, есть еще частные проявления. Когда, скажем, из 100 человек 99 падших. Но есть один, он не пал. Эти единицы сохранялись. Это казалось чудом, на которое и рассчитывать-то по зрелом размышлении нельзя было. Но вот он есть. Он жив. Он выстоял. И это исключение из общего кошмарного правила подтверждает надежду. Ее обоснованность и реальность. И ведь была же у нас Академия наук, которая не исключила Сахарова!

— И все же — о «кошмарном правиле» — о коллективном комплексе Сальери. По-видимому, это разросшийся итог спекулятивно использованной идеи равенства. С нами произведена, в сущности, глубоко безнравственная идеологическая операция: равенство перед законом и совестью заменено диктатом усредненного сознания. А значит, властью самолюбивой посредственности. И тогда о каком законе, о какой совести может идти речь. Но есть и другая сторона явления: искреннее непонимание. Суть в том, что механизм творческого сознания не то что посредственному уму не понять, но и современная наука — кибернетика, биология — этой тайны не постигает. В старые времена говорили: «поэт, творец — Божий избранник». А значит, поднять на него руку — грех. Но пафос нашей эпохи и состоял как раз в отмене Бога, а стало быть, и его избранников. И, снявши голову, по волосам не плачут.

Что для вас — писать музыку?

— Я как бы не столько сочиняю музыку, она как бы изначально существовала, существует и будет существовать помимо меня. Моя задача — ее поймать, расшифровать то, что звучит помимо меня и во мне, и изложить. Это ощущение было у меня всегда, и чем дальше, тем больше я им проникаюсь, как будто я исполняю некую служебную роль.

— Если вы ощущаете наличие какой-то объективно существующей музыки, идеи, истины, не значит ли это, что вы ощущаете присутствие Бога? Собственно, вы как бы сказали: «Кто-то диктует, а я записываю».

— Я бы сказал, что это одно из бесчисленных проявлений Бога.

— Вы верующий человек?

— Да. Хотя могу обвинить себя в бесчисленных грехах. И могу ощутить бесчисленные сомнения. Но как итог всех сомнений — все-таки, да.

— Вы придерживаетесь какой-то определенной религии?

— Я христианин. Католик. Я наполовину немец, наполовину еврей. Мои предки-немцы были католики.

АНДРЕЙ БИТОВ

— Относительно вашего круга, Андрей Георгиевич, писательской среды: в те недавние времена, когда вас все взахлеб читали и у нас в стране, и за рубежом, но при этом не печатали, были ли какие-либо попытки со стороны советской творческой интеллигенции к тому, чтобы положение с вами нормализовалось и вас начали бы наконец издавать?

— Нет. По-моему, такого не было. Это очень легко объяснялось такой категорией: «Вы сами понимаете». «Вы сами понимаете» — это звучало в случае отказа. Не я один был в таком положении. И общее рабство сказывалось в том, что все «сами понимали». Я не испытывал никакой потребности протестовать, потому что тоже прекрасно понимал, где я нахожусь. Были диссиденты, которые протестовали, но это было...

— Другая деятельность.

— Да. Другая деятельность. А каждый из нас находил свою дорогу. Индивидуально. В те годы это были публикации за рубежом и неизбежный самиздат. И наступал момент, когда ты понимал, что стал автором самиздата. И нужно было принимать для себя решение — идешь ты на это или не идешь. Возникала ситуация, когда с одной стороны — жизни нет, а с другой — каждый твой шаг становился шагом довольно определенного свойства.

— То есть ты начинал понимать, что дальнейшие твои занятия литературой становятся деятельностью вне закона?

— Человека выдерживали на такой ноте, когда... Мне казалось, что меня все время подталкивают, чтобы я взорвался и...

— И уехали?

— И уехал. А я этого решительно не хотел. Это и было мое уязвимое место, в это я был пойман. И каждый из нас во что-то был пойман. Нет такого общества, где человеку нечего было бы терять, но поймать человека, все потерявшего, в том, что ему еще есть что терять...

А относительно того, защищали нас или не защищали — защищали. Те люди, которые находились в том же положении. Мы давали друг другу взаймы, любили друг друга, и вместе нам было хорошо. А в остальном все «всё понимали». И никто никого не защищал.

Вот были кампании, когда кого-то громили. Тогда кто-то добровольно стремился выслужиться, а кого-то принуждали замараться. Развилось подписантство: подписывали и «за», и «против». В конце концов все это превратилось в кем-то рассчитанную игру. Как-то в 60-е один американец спросил меня, что это мы все бросились защищать — уж не помню, кто это был тогда, Сахаров или Солженицын, но видная фигура — так вот, что мы бросились его защищать, его защитит его имя — кампания в защиту уже мировая шла. Вот защитите безвестного человека, того, кто действительно беззащитен. Вопрос, поставленный так, вызвал недоумение. Шла другая игра. Мировая кампания в защиту человека использовалась системой внутри: та проверяла людей на зуб — выскажется он «за» или «против».

И каждый выбирал, каждый чем-то жертвовал.

— Таким образом была смоделирована чрезвычайно циничная, развращающая ситуация: сам предмет — произведение, судьба его автора — как бы уже и терял значение. А на первый план выступала довольно расчетливая торговля с системой или с мировой общественностью. Это все-таки сомнительные какие-то манипуляции с совестью.

— Проверке подвергались репутации уже знаменитые, всплывшие. Важно было еще раз проверить, как поведут себя Евтушенко, Окуджава, Айтматов, Быков...— это было важно. Общество у нас действительно абсолютно недемократическое. Поэтому мнение некоего условного Иванова, рядового гражданина, никого не интересовало. Подпишет он или нет, было абсолютно не важно. Хотя, когда подписывал именно этот Иванов — он действительно рисковал всем. Введя в сознание расчет, людям отказали в искренности. Скажем, тому же Иванову. На чей-то взгляд, он уже не просто искренне выражал свое возмущение очередным актом гонения, а имел в виду заработать некий политический капитал, имя на Западе, вытолкнуть и свою репутацию на поверхность. Бесправие перешло в отсутствие правового сознания. Униженность — в низменность.

Защита безвестного человека, еще не имеющего имени на Западе,— а оно-то действительно нуждался в защите, потому что его имя его еще не хранило,— стала не только невозможной, но и непрактичной.

Гонение осуществлялось уже не в сталинских и не в хрущевских формах. Хрущев, раз топнув, мог создать человеку мировую славу — все-таки какая-то аура живого человека рождала движение жизни. А позже научились ватному, тихому обхождению, без синяков и без скандалов. В этой атмосфере очень трудно было выступить, если ты еще не на поверхности. А для того чтобы выбраться на поверхность, тоже были очень четко проставлены все преграды. И надо было искать другие пути.

И все это черты общественного паралича. И все «всё сами понимали».

Ну, а теперь, когда чуть ли не новый пункт анкеты появился «Что вы делали до 1985 года?», теперь все это тоже не особенно нравственно. Те, кто сегодня особенно яро обличают, поскольку сами не замараны в прошлом, я не уверен, что им есть, что предъявить в подтверждение их нравственной безупречности. Легко сохранить невинность, когда на нее никто, собственно, и не покушался.

А вот когда вас по одному подтягивали в партком или другую закрытую комнату и под ключ давали прочесть произведение с обязательством высказаться — вот это было да!

Страх, когда это тотальное состояние, очень сильно действует. Это серьезная вещь.

— На фоне всех этих обстоятельств вы между тем писали. Как?

— Как у меня это происходит? Я постоянно упрекаю себя за то, что не работаю. Это состояние вполне присуще если не русскому интеллигенту, то русскому писателю.

Как-то я прочел интервью с одним нобелевским лауреатом. Оно называлось «Не верю во вдохновение, верю только в постоянный труд». Я — как раз наоборот. Я что-то верю во вдохновение. Оно, может быть, достигается и трудом, даже насилием над собой. Я думаю, что это большая нагрузка на психику. Я очень не уверен всегда в том, как я воспринимаю жизнь. Я преодолеваю состояния растерянности — на бумаге я начинаю понимать. Пишущий познает мир в момент, когда пишет.

И у меня нет сомнений, я не ошибаюсь, только когда пишу. В жизни — сплошь, в тексте — никогда. Меня иной раз это пугает — откуда такая уверенность, это знание? Не безумие ли? Но она есть, она идет не от меня, она вне меня — значит, она мне даруется.

— Это, в сущности, глубоко религиозная мысль. Вы верующий человек?

— Это очень интимный вопрос. Я бы хотел им быть. Иначе я не понимаю смысла жизни — без Отца. Это просто бессмысленно. Неверие для меня это не то, что в этот момент я усомнился в существовании Бога, Христа. Неверие для меня — это состояние души. Ну, грех, порок, слабость. Ну, когда Бог меня покидает. Если несомневающегося можно назвать верующим, то я верующий. Но сам я не дотягиваю, на мой взгляд, до этого понятия.

ЮРИЙ ЛЮБИМОВ

— Юрий Петрович, вы трижды ставили на Таганке Пушкина, ставили Лермонтова, Булгакова, Блока, Достоевского. Все это совсем еще недавно, не только на вашей памяти, но и на моей называлось дворянской литературой: прогрессивной — если речь шла о, скажем, Некрасове, реакционной — если о Достоевском.

Достоевский был запрещен и изъят из библиотек, потом начал издаваться. И только теперь уже моя дочь изучала его в школе по программе.

Что касается библиотечных изъятий, то мне рассказывала о них собственная моя бабка.

Библиотечные изъятия происходили так: библиотека закрывалась на время для читателей, книги выкладывались в читальном зале корешками вверх, и все, кто работал в библиотеке, а были это в основном немолодые, интеллигентные и (из песни слова не выкинешь) полуголодные женщины, все они двигались вдоль книжных рядов и скрупулезно выбирали тех авторов, которые подлежали изъятию. Потом эти книги передавались в другие какие-то учреждения, где и сжигались. Утайка экземпляра опальной книги строго каралась. Так изымала моя бабушка и Достоевского, и Аксакова, и Фета, и Майкова, который, к слову, был ее недальним предком, и Тютчева... легко вообразить, каково ей было.

Ну, а потом уже пошли «враги народа», и покатилось... Так вот, продолжу вопрос, как получилось, что именно вы, Юрий Петрович, режиссер на определенном этапе вашего творчества остросоциальный, создатель одного из лучших за историю советского драматического искусства политического театра, ставили эту литературу? Что искали и находили вы в ней?

— Находил то же самое, что нашло в ней все человечество,— непревзойденный образец нравственности и культуры. Когда нация зачеркивает все это, получается то, что мы и имеем.

Мой дед был крестьянин. Из крепостных. Пришли к нему его раскулачивать. А он не понял — решил, что хулиганы. Ну, и стал защищать свой дом. Вышвырнули его из дому, выбросили в снег. Нашлись добрые люди, откопали и, уже в параличе, привезли к нам, в Москву. Явился он с бабкой с каким-то жалким скарбом. Я его скарб перетаскал, а он дал мне за это рубль. Мне неловко стало, что это он мне деньги дает. А он дал этот рубль со значением: за работу надо платить. А не будете платить, ничего у вас не выйдет.

Так ничего и не вышло. До сих пор мы все хотим на шермака, всех объегорить и что-то выгадать. Ничего мы не выгадали, все растранжирили, всех сделали нищими. Кроме, может быть, какой-то части бюрократического аппарата. Но и у них все это довольно бессмысленно. Мы думали открыть миру мир. А закрыли себя. И от мира, и от своей культуры — от всего. Мы стали строить платоновский котлован. И построили.

АНДРЕЙ БИТОВ

— Рассказывают, что в Британской энциклопедии словарная глава на понятие «интеллектуал» имеет специальную подглавку — «русский интеллигент».

— Именно такое подразделение?

— Как бы подвид. Как в биологии. Так вот суть этого различия в следующем: в традиционном, западном употреблении «интеллектуал» — понятие в принципе профессиональное, у нас — скорее, духовное, нравственное.

Понятие «интеллигенция» оформилось у нас к концу XIX века. Само явление возникло и развилось значительно раньше, в дворянской среде. Потом уже пришли разночинцы, которые, кстати, внесли не лучшие модуляции в это явление.

У нас в России был невероятный разрыв между интеллигентами и народом. Он создавал в интеллигенте внутреннее чувство вины за свое как бы избранное рождение. Это чувство вины ставило интеллигента под огромную нравственную нагрузку. Не только в своей среде, на своем уровне, но и выше. Я имею в виду религиозный долг. Религиозное отношение к жизни в каждом частном случае могло быть более или менее ярко проявлено, но в принципе оно абсолютно органично для традиционного русского интеллигента, включая атеиста. Свидетельство тому вся наша колоссальная литература.

Так вот наша отечественная интеллигенция испытывала ответственность за народ, боль, беду. Этот нравственный ген, что ли, интеллигенции развивался в течение ряда поколений и превратился в мощный феномен гуманного человеческого сознания, в определяющий признак дворянской российской культуры.

— Мы привычно обвиняем дворянство в паразитизме и безделье. Это как бы аксиома нашего сознания. Однако чем занимались дворяне-мужчины? Сельским хозяйством. И с делом этим справлялись — Россия кормила себя сама и экспортировала сельскохозяйственные продукты. Кроме того, они служили в армии. С рождения, так было принято, дворянского мальчика записывали в полк, в 14 лет отправляли служить. Читаю в воспоминаниях Фета: служба была суровой — армия есть армия,— с тяжелыми военными переходами в любое время года, в непогоду, с ночевками на биваках, с учениями. Нормально — это служба, долг, он вне обсуждений. (Правда, в армии тогда ничего не было слышно о дедовщине, к счастью для поэта Фета. И для нас, его читателей.)

Но это мужчины. А что дамы, барышни? Вот что должна была уметь дворянская барышня: владеть иностранным языком в совершенстве, как родным, это ежедневное упражнение и постоянный труд, иначе язык забывается. Должна была музицировать, по нашим сегодняшним представлениям, профессионально, это тоже ежедневный тренинг. Должна была уметь танцевать, ездить верхом, быть начитанной, писала массу писем — эпистолярное наследие, до сих пор не изученный культурный пласт. А дом вести, рукодельничать? Это режим, какой, боюсь, ни одна из наших интеллигентных дам не выдержит. Хотя все мы и жалуемся на плоды эмансипации.

Во время первой мировой войны тысячи дворянских барышень из лучших семей пошли служить в военные госпитали — санитарками, милосердными сестрами. Из них формировался штат. Служили не за паек и не за зарплату. А за совесть. Это была норма.

А бытовая мораль? Например, какой-либо неблаговидный поступок, не уголовный, а именно неблаговидный, неблагородный,— вы бы сто раз подумали, прежде чем на него пойти: могли ведь и на дуэль вызвать, и, уж конечно, руки не подали бы. Все это держало, я думаю, людей в хорошей форме. И они создали культуру. Не каждый отдельный гвардеец или уездная барышня, а они вместе — как социально-культурная общность. Имеет ли нынешняя наша интеллигенция хоть малейшее представление о такой напряженной трудовой жизни?

— Знаете, любопытно, что стало с иными разночинцами, когда они вошли в литературу, и сразу были обогреты, и с ними стали носиться. По причине того самого комплекса вины перед народом, который был у дворянской интеллигенции. Человек «из народа» уже не обсуждался, его начинали слишком радостно поддерживать, вводить в среду, он не выдерживал, не справлялся с этим, запивал, и от него оставался тот же однотомник или двухтомник. В отличие от собраний сочинений людей, умевших работать.

Или Америка, страна с европейской точки зрения неинтеллигентная, так принято считать. Однако и там вы встретите то же самое: если уж он интеллигент, скажем, профессор университетский, то он вам и спортсмен, он и музицирует, он и языков знает несколько. То есть то, что было выработано у нас, как функция внутри класса в XIX веке, в XX распространилось и стало демократически общим.

— Правда, не у нас. А ведь это единственно жизнеспособная и нравственная позиция.

— Да. Это условие. И получается, что интеллигент во втором поколении или даже в первом в Америке напоминает мне моих бабушек. Чем? Способностью трудиться.

И я думаю, что, если наша страна нуждается в интеллигенции, это означает, что она нуждается в работе. Страна задыхается от безработицы нового типа, когда человек не способен работать. Я вижу это по самым интеллигентным людям своего окружения. При нашей-то суровой жизни, когда все пройдено, когда мы привыкли жить без ничего, что, кстати, гораздо легче, чем прожить с чем-то. Но человек, не начав дела, уже представляет себе его трудность и неисполнимость.

— Спасительную бесперспективность.

— Да. Комфорт безнадежной жизни растлил нас. Интеллигентность — это ведь не просто индивидуальное пространство души. Это еще и состояние народа. История наша провела национально-социальный геноцид в неумолимой последовательности: аристократия, духовенство, интеллигенция, крестьянство. Поэтому о какой интеллигенции мы можем теперь говорить. Ее нет. На сегодняшний день нет. И те, кто есть и могут себя причислить к ней, никогда не обидятся, услышав такое утверждение, потому что знают, о чем идет речь.

Погибали, что называется, лучшие представители народа. Те, которые даже ради выживания на какие-то вещи категорически не могли пойти. Шел отбор по нравственным качествам, по степени духовности. Лучшее уничтожалось.

Конечно, наши потери невозможно оценить. Но мы не судьи, потому что не можем постичь тайны жизни, тайны народной генетики. И слава Богу. Надежда на необыкновенную тонкость человеческого аппарата — посмотрит человек на человека в толпе и з н а е т. С полувзгляда, с полуинтонации.

Так что, с одной стороны, все было, конечно, уничтожено.

С другой — ничего и не могло возникнуть.

А с третьей — эта уничтоженная культура страшно крепка и страшно сильна. И я думаю, что возрождение в принципе интеллигентности, аристократизма, нравственности столь же неизбежно и неизбывно, как существование человеческого рода.

И возможно, таких людей уже полно. А я полощусь в своем поколении, которое, знаю, что испытало и выдержало. А чего не выдержало. И кто каким образом лучше другого.

* * *

Я закончу еще одной цитатой.

Некая пятнадцатилетняя советская школьница, имеющая наследственную склонность к занятиям изящной словесностью, свое незрелое и робкое произведение закончила так:

«У меня был дед. Он был поэт и его убили. У меня был прадед. Он был поэт и его убили.

Что-то слишком много убивают у нас хороших мужчин.

Я рожу сына. Я воспитаю его таким, как мой дед и мой прадед. И я надеюсь, что его не убьют».

Еще не так давно слово «диссидент» звучало у нас в прессе как синоним «предателя родины». Слава богу, костров на площадях тогда не разводили, а то бы нашлось немало охотников подбросить хворосту «по святой простоте». Так называемые диссиденты были людьми разными — и по степени мужества, и по степени талантливости, и по степени нравственности. Но отношение к ним властей бывало и трусливым, и бездарным, и зачастую безнравственным.

Среди диссидентов много поэтов. Такая в России традиция: поэзия — сестра свободомыслия. Три поэта, представленные в этой подборке, принадлежат к трем поколениям. Но их объединяет одно: они были готовы идти в тюрьму, в лагерь за свои убеждения. Протестуя против беззаконий, вступаясь за несправедливо осужденных, они сами становились несправедливо осужденными. Стихи стали документом эпохи. Самый старший из троих, Юлий Даниэль (1925—1988), и прожил дольше всех. Воевал, дошел с боями до Восточной Пруссии, где автоматная очередь перебила ему руку. Окончив филфак МОПИ, Даниэль учительствовал в Калужской области, потом вернулся в Москву, занимался переводами, писал прозу... В 1966 году был осужден вместе с Андреем Синявским. Получил 5 лет лагерей строгого режима за публикацию своих повестей на Западе. Вернувшись, не захотел уезжать на Запад. Он дожил до первой публикации своих стихов на Родине.

Илья Габай (1935—1973) родился в Баку, по профессии тоже учитель словесности, выпускник московского пединститута. Работал в пионерлагере, в колонии для малолетних преступников, в археологических экспедициях. В январе 1967 года был арестован за участие в правозащитной демонстрации на Пушкинской площади в Москве и четыре месяца провел в Лефортовской тюрьме, откуда был освобожден «за отсутствием состава преступления». Затем Габай стал одним из создателей «Хроники текущих событий» — своеобразной самиздатской летописи. Габай одним из первых поднял голос в защиту прав крымских татар. В 1970 году его приговорили к трем годам лагерей. Вернувшись, жил в ожидании нового ареста, в 1973 году покончил с собой.

Вадим Делоне (1947—1983) — потомок коменданта Бастилии и внук известного математика Б. Делоне. Первый раз был арестован за участие в правозащитной демонстрации на Пушкинской площади в 1967 году, сидел в следственной тюрьме. 25 августа 1968 года вместе с другими принял участие в демонстрации протеста на Красной площади, был осужден, а когда через три года вернулся — арестовали его жену. Вместе с женой вынужден был эмигрировать. Судя по воспоминаниям друзей и по стихам, Делоне «не прижился» в Париже, сильно тосковал по дому. Он умер совсем молодым. На Западе опубликованы две книги Вадима Делоне: сборник стихотворений (Париж, 1983) и автобиографическая проза «Портреты в колючей раме» (Лондон, 1984)

Юлий ДАНИЭЛЬ

ПОСЛЕДНЕЕ

Этот год уйдет с пустой котомкой,
У ворот помашет мне рукой,
Пеленой возьмется, гладью тонкой
Надоевший, скучный непокой.

Будет жизнь вовсю великолепна,
Только вдруг, в какой-то странный
миг,
Замолчу, оглохну и ослепну,
Отрешусь от спутников моих;

Солнце помраченное остынет,
Бред ворвется, вломится в окно,
Добрая беседа опостылет,
Напрочь разонравится вино;

Не с хандры пустой, не с перепою
Загорюю о своей судьбе,
Нежное услышу: «Что с тобою?»
Вовсе не услышу: «Что в тебе?»

А во мне — уже необратимо —
Два железа ржавых с двух сторон,
Пыльная сухая паутина,
Черствый карк невидимых ворон,

Сны — ох, эти сны! — как будто
на смех,
Слабый ветер, в горле горький ком,
В серый цемент вляпанная насмерть
Койка с полумертвым тюфяком

И необычайный, непривычный,
Вспомненный, приманный,
как блесна,
Желтый, жаркий, обручный, яичный,
Вольный, вольный, вольный цвет
окна.

Что же мне — надеждой сердце
нежить,
Что душе не век, мол, быть рабой,
Что исчезнут небыль, нежиль,
нежить
И что боль пройдет сама собой?

Призрак мой с запавшими щеками,
Плач немой по прелести земной!
...Тонкий лед, неверный под
шагами,
Над ночной, бездонной глубиной.

1970
Владимирская тюрьма

НА БИБЛЕЙСКИЕ ТЕМЫ

Да будет ведомо всем
Кто
Я
Есть:
Рост — 177;
Вес — 66;
Руки мои тонки,
Мышцы мои слабы,
И презирают станки
Кривую моей судьбы;
От роду — сорок лет,
Прожитых напролет,
Время настало — бред
Одолеваю вброд:
Против МЕНЯ — войска
Против МЕНЯ — штыки
Против МЕНЯ — тоска
(Руки мои тонки);
Против МЕНЯ — в зенит
Брошен радиоклич,
Серого зданья гранит
Входит со мною в клинч;
Можно меня смолоть
И с потрохами съесть
Хрупкую эту плоть
(Вес — 66);
Можно меня согнуть
(От роду — 40 лет),
Можно обрушить муть
Митингов и газет;
Можно меня стереть —
Двинуть махиной всей,
Жизни отрезать треть
(Рост — 177).
— Ясен исход борьбы!..
— Время себя жалеть!..
(Мышцы мои слабы).
Можно обрушить плеть,
Можно затмить мне свет.
Остановить разбег!..
Можно и можно...
Нет.
Я ведь — не человек:
(Рост — 177),
Я твой окоп, Добро,
(Вес — 66),
Я — смотровая щель,
(Руки мои тонки)
Пушки твоей ядро,
(Мышцы мои слабы)
Камень в твоей праще.

1966
Дубровлаг, Мордовия

ИЗ ЦИКЛА «ЧАСОВОЙ»
(фрагменты)

...А если я на проволоку? Если
Я на «запретку»? Если захочу,
Чтоб вы пропали, сгинули, исчезли?
Тебе услуга будет по плечу?
Решайся, ну! Тебе ведь тоже тошно
В Мордовской Богом проклятой
дыре.
Ведь ты получишь отпуск — это
точно,
В Москву поедешь — к маме и
сестре.

Ты, меломан, не рассуждай
о смерти —
Вот «Реквием»... билеты в
Малый зал...
Ты кровь мою омоешь на концерте,
Ты добро глянешь в девичьи глаза.

И с ней вдвоем, пловцами,
челноками,
К манежу — вниз, по тротуару —
вниз...
И ты не вспомнишь, как я вверх
ногами
На проволоке нотою повис.

...Тих барак с первомайским
плакатом.
Небо низкое в серых клочках.
Озаренный мордовским закатом,
Сторожит нас мальчишка в очках.

Илья ГАБАЙ

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ
В ИМЕНЬЕ РОДОВОМ...
(фрагмент)

...А для чего? Зачем идти на крест?
Зачем тебе — в огне, в крови,
в железе —
унылый мир, где каждый чист и
Крез
и все поэты пишут «Марсельезы»?!

И то сказать: на взвинченном пути,
где весь словарь улегся в слово
«порох»,—
есть авторы листовок. Есть статьи.
Но нет поэтов. И не жди их скоро.
И горько знать, но если бы
не казнь
и если б старость — в охах,
вздохах, склоках,—
ты только и сумела б, что
проклясть
паденье нравов и ненужность
Блока.

Идет отсчет. И цель, как смерть:
проста.
И далеко. И не дожить до Блока.
И, стало быть, такая есть дорога,
есть путь такой, поверить
в смерть, как в Бога,
и так же: до конца и до креста.

1968

* * *

В. П.

Вот и мы с тобой в шестидесятых!
Снова либералы народились,
снова с говорливою надсадой
мирно уживается рутина.

Не свалить зовущим время темам
частокол необъяснимых стенок.
Почему же мы с тобою с теми,
гордыми от маленьких истерик?

Броско! А вчитаться — плохо,
тускло
то, что нам они пролепетали.
Мы с тобой считали: Заратустры.
Оказалось: просто либералы.

Это нам, щенкам, бросали кости
их несмело смелые таланты,
чтобы легче было даже космос
рвать по лоскутам на транспаранты.

Чтоб опять нашествием бессменным
воцарился гул трещоток, шествий,
потому что всем нам, добрым,
смелым,
как-то легче жить без
Чернышевских.

20 июля 1961

Вадим ДЕЛОНЕ

БАЛЛАДА О СУДЬБЕ

М. Шемякину

Горький привкус весеннего неба,
Стаи статуй в саду Люксембург
На утеху тебе и потребу,
Чтобы вновь не настиг Петербург.

Вербный привкус весеннего неба...
Не в серебряном веке живем...
Не спешите, не нужен молебен,
Мы и сами его подберем.

Мы таскаем судьбу на загривке,
Как кровавую тушу мясник.
Наши души пойдут на обивку
Ваших комнат под супером книг.

Как застыла в молчанье Психея —
Жест с надломом и горькой тоской!
В час, когда мы прощались
с Расеей,
Нам вот так же махнули рукой.

По холсту расползаются краски,
Словно кровь от искусанных губ...
Нам бы в легкой старинной коляске
Пролететь по тебе, Петербург!

Солнце сгорбится, крыши обшарив.
Тоже ищет, наверно, приют...
По «Крестам» нас сгноить обещали —
Пусть теперь нашу тень стерегут.

Горький привкус весеннего неба,
Беглый месяц мигнет из-за туч...
Где ты, церковь Бориса и Глеба?
Где на ордере штамп и сургуч?

Париж 1979

79-й вопрос

Михаил РОЩИН

РАССКАЗ

Когда-то один хороший человек, главный инженер большой стройки, среди токтогульских теснин и ночных просторов небес, рассказал эту поразившую меня историю. Я быстро написал рассказ. И... лет двенадцать нигде не мог его напечатать. Потом один еженедельник рассказ все-таки принял, отредактировал, улучшил, заменил название, сдал в производство, набрал и поставил в номер. И... не напечатал. Прошло еще немало времени. Рассказ наконец очутился в недавней моей книжке, но с купюрами и другим названием. И все-таки у писателя всегда остается мечта увидеть свою вещь в ее первозданном виде.

АВТОР

Москва, Москва!.. Тихомиров ходил, сидел, мыкался по номеру, стоял у окна, глядя на вечереющий город. Не снимал пиджака и галстука, чувствуя, что все равно не усидит, уйдет. Номер был удачный, с видом на реку. В «России» все еще царил дух гостиницы самой модной, новой. Подкатывали машины, спешили с великолепными чемоданами швейцары; повсюду ковролит, пластик, кондишн, бесшумные лифты. Тихомиров, сам строитель, умел оценить размах, и в общем «Россия» ему нравилась. Шурует Москва, шурует, что говорить! Спешит не отстать от века. Спешит, несется, «акает» — как всегда, на московский говорок Тихомиров особенно обращал внимание после Азии. Народу, правда, стало много чрезвычайно.

Тихомиров смотрел на город — вид с десятого этажа открывался прекрасный: Москва-река, набережные, мосты, крыши, колокольни в зазеленевшем Замоскворечье, трубы МОГЭСа. И в скоплении домов, огней (у себя, на Карасустрое, они тоже ртутные фонари поставили, как у людей), в незатихающем гуле города он ощущал — вместе с этой новой гостиницей — жажду Москвы к обновлению, преуспеванию, респектабельности. Или, может быть, это ощущение несла весна, особенный дух московской весны, чистое и высокое небо с дальними, в вышине, облаками, малиновыми от заката...

Что говорить, Тихомиров любил Москву. Еще десять лет назад сам был москвичом, они жили с женой и дочкой в маленькой комнате на Каляевской, в Москве он учился, начал работать. В Москве ему везло, и всякая поездка сюда была для него праздником. Он брал побольше денег и, словно в отместку за полуголодное студенчество и житуху на Каляевской, жил в Москве жадно, насыщенно, интересно. Дочь Галя четвертый год училась в консерватории, и Тихомиров, приезжая, устраивал ей «голубую жизнь»: водил обедать в «Националь» или «Славянский базар», таскался по магазинам, доставал билеты на Рихтера или Плисецкую. Дочь была хорошенькая, заметная; Тихомирову, который и сам выглядел молодо, нравилось, что их принимают за влюбленных, за мужа и жену. И вот в неделю он «накультуривался» так, что иным москвичам и в год не успеть. И это лишний раз доказывало, что они с женой мало что потеряли, расставшись когда-то со столицей.

Правда, у Зои и дома все было по-московски. Она выписывала много журналов, принимала у себя по пятницам молодых инженеров, была в курсе столичных новостей. И по ее рекомендациям Тихомиров читал новые романы или рассказы, от нее слышал о нашумевших фильмах или спектаклях. Из-за Гали в семье еще существовал культ музыки, и Тихомирову прокручивали то модные песенки, то записи серьезные — Бартока, Шостаковича, Стравинского. Кроме того, по телевизору до трех ночи — разница во времени — можно было смотреть московскую программу. Москва, таким образом, сохранялась у них в доме.

Да, Москва есть Москва, и хорошо жить в ее ритме, идти параллельно, успевать. Но выпасть из этого ритма — беда. А Тихомиров вдруг выпал. Или, во всяком случае, чувство у него было такое, что выпал. Всегда везло, всегда двигался по самой стремнине, а теперь не получилось. Он двенадцатый день жил в Москве — в сущности, без дела, занятый одним ожиданием,— и с каждым часом сильнее мучило его сознание, что он сам по себе, а Москва сама по себе.

Даже с дочерью что-то не вышло на этот раз: явно ей было не до него. Она готовилась к сессии и, кажется, замуж. Или, может, уже сделала это, не прибегая к формальностям. Появилось в ней нечто женское, новое, уклончивое и целеустремленное, и у Тихомирова с нею получалось как с выключателями в этом гостиничном номере: нажимаешь, чтобы зажечь одно, а загорается другое.

Потом он сообразил, отчего стала раздражать гостиница: он превратился в старожила, в того постояльца, который всем намозолил глаза. Вокруг таких людей само по себе возникает электрополе неудачи.

И в самом деле, он уже не обедал в дорогом желто-золотом ресторане, а ел теперь в буфете на этаже или стоял в очереди в министерской столовой с пластиковым подносом в руках. И уже не хлопотал о билетах в театр на Таганке и в «Современник», а спускался вниз, в кино «Зарядье» — все равно на какой фильм, лишь бы отвлечься.

Да, начальник Карасустроя сам замучился и других замучил. Он каждый день минут по двадцать разговаривал со стройкой — там шел паводок, началась пробивка второго тоннеля, не пришли вовремя буровые станки, унесло в реку новый «МАЗ», да мало ли что происходит каждый день и час на стройке! И ему позарез нужно было туда. Но три дня назад он взял еще денег под отчет и снова остался.

Однако хватит. Завтра он закажет билет и улетит. Он поднял трубку, заказал Карасу, чтобы сказать Зое, что прилетит завтра, надел пальто без шарфа и шляпы, по-весеннему, и пошел пройтись. Все равно разговор дадут не скоро. Шел длинным коридором, спускался в лифте, отразился во всех зеркалах — нет, вид у него был еще ничего, вполне. Не зря он всю жизнь следит за своим видом, не ест мучного и сладкого, не пьет водку, предпочитая сухое вино, бегает на лыжах. Комильфо. Счастливчик. Молодой начальник нового стиля. Даже пахнет от него не банальным шипром, а французским лосьоном. Девушки посматривают... На Карасу он носит сапоги и старую куртку, но Москве не покажешься бедным родственником, это он уже усвоил. Москву, конечно, ничем не удивишь: тут генерал может ехать в троллейбусе, знаменитый поэт, как видел Тихомиров однажды, может сидеть в ботинках на босу ногу в шашлычной, а кинозвезда стоять в очереди за полуфабрикатами. Но все-таки надо *соответствовать.*

По правде сказать, Тихомиров и сам несколько бравировал своей молодостью, элегантностью, свободой, чуткостью ко всему современному. Да он, собственно, таким и был. И не только внешне. Разве он сам не учился и других не учил смелости суждений, инициативе, точности, деловитости, вдохновению? У него с уст не сходило: «традиции русской инженерной школы», «культура мысли и культура труда», «техническая эстетика» и тому подобное. По четыре-пять лет работая на разных стройках, начав с прораба, два года проведя в Африке, Тихомиров, кажется, знал теперь, *как надо* строить и *как не надо.* Пришла зрелость, и он научился верить себе. А Карасустрой тем был прекрасен и нужен ему, что здесь впервые обрел он самостоятельность. Пусть относительную, но все-таки. Он получил власть, получил право делать то, что считал нужным.

Он предпочитал иронию разносам, но мог уволить за одно слово лжи; был справедлив и умел при всех сказать молодому бригадиру: «Простите, я был не прав». «Строить красиво, быстро, современно и, если угодно, весело» — вот был его девиз. Чтобы радоваться не только результату, но и процессу. Это было, разумеется, нелегко, и заедала текучка, и старые работники часто обвиняли его в фокусничестве, посмеивались над ним. Но он уже не мог иначе, он оставался самим собой.

Иногда он увлекался и совершал ошибки — один такой случай едва не стоил ему должности,— но это не делало его пугливым и угрюмым перестраховщиком: он все равно держался своего стиля. Но и теперь знал, что прав, что иначе нельзя, и прилетел в Москву в настроении решительном и смелом. И вот надо же такому случиться — двенадцать дней ожидания! Главное, они вымотали и выжали его. Хоть и сохранял он вид бодрый и победоносный, но уже одолевало его уныние.

Дело же заключалось в следующем: Карасу было место дикое, высоко в горах, и вокруг лишь несколько мелких кишлаков. Кроме того, разреженный воздух, зимой мороз, летом жара, кто сюда поедет, кого заманишь? Пока начались лишь предварительные работы, но уже катастрофически не хватало рабочих рук. А что делать дальше? Нужны несколько тысяч рабочих, инженеров и, разумеется, врачей, учителей, продавцов, парикмахеров — мало ли! А где их взять? Год назад Карасу объявили комсомольской ударной стройкой, молодежи приехало много, но потом больше трети так же резво разбежалось. К тому же ребята и девушки в основном не имели специальностей, а условия Карасу требовали знаний и опыта.

Ответ напросился сам собой, выход был только один, и Тихомиров убедил коллегию министерства обратиться в Совмин с ходатайством: приравнять Карасустрой к отдаленным и северным стройкам с тем, чтобы платить рабочим и служащим на 30—40 процентов больше того, что они получают теперь. Так можно было привлечь на трудную стройку новые кадры, обеспечить стабильность, покончить с текучестью.

Слышишь? Димас в Канаде, Яхонтов не может, Сергей Степаныч не пойдет, велят мне! А у меня в три прием у норвежцев!.. Понял, какую ты ерунду затеял, только людей от дела отрываешь!..

— Подождите, Лев Дмитрич, дорогой, вы меня простите за тот разговор, но как же... Лев Дмитрич?

— Да что — как же? Чего ты думаешь-то? Я и сейчас тебе могу сказать и давно говорил...

— А я, Лев Дмитрич?..

— Что ты? Тебе там не положено, это же министерское ходатайство, не твое. Отдувайся вот теперь за тебя!..

— Лев Дмитрич, минуточку...

— Ну, ладно, начальник, будь! Спать ложусь и так из-за тебя режим нарушил. Позвони завтра Сундукову, я ему передам...

Вот и все. Трубка гудела в руке — ту-ту-ту! Он положил ее, распустил галстук, снял пиджак. Вот и все. Деревянко знает, что говорит, он в министерстве лет тридцать сидит, всегда в курсе.

Ну что ж, плетью обуха не перешибешь, не такие еще штуки-дрюки происходят. С утра билет — и домой. Хватит. Не хотите — не надо. И чтобы в следующий раз я вот так сидел, нервы трепал? Дудки! Ружьецо — и за куропаточками, за кекликами! Хватит! Жалко, Галя еще экзамены сдает, полетели бы вместе.

И он ярко представил себе долгую горную дорогу на Карасу, знакомую до каждой опоры, по которым тянули ЛЭП, увидел улыбающееся лицо шофера Аркаши, свой «газик», старые, мудрые горы, цветные от выходов марганца, меди, железа, черные, красные, желтые горы. И зеленые, потому что еще не настала сушь, и цветут в горах тюльпаны и маки, и стоят зелеными карликовая вишня и фисташковое дерево, и разлит в воздухе смоляной дух арчи. Все-таки полюбил он эту землю и так хотел ей добра. Ну, ладно... Бешеная, безумная река несется внизу — колдовская, дьявольская река, старики рассказывают о ней легенды. А ему, московскому инженеру Тихомирову, надо ее перекрыть, остановить, победить. Природу одолеть, самого господа бога облапошить, а ему коэффициент зарплаты не хотят сделать 1,4!.. Да, жалко, что Галя не едет: болтала бы всю дорогу, восхищалась, бегала за цветами, читала стихи. «И тень одной горы ложится на другую. Ты день лишь не со мной — я о тебе тоскую...» Это она сама, а ведь ничего стихи... Ну, ладно, ладно, хватит, Алексей Ильич! Выспаться, душ, бритва, кофе, свежая рубашка, никаких телефонов, никаких лиц, и черта с два вы меня здесь увидите раньше чем через год!..

Он, конечно, долго не мог заснуть (Карасустрой ему не дали, связь была нарушена), потом заснул, а утром... Утром, очень свежий, жесткий, решительный, ровно в девять он позвонил Сергею Александровичу и твердо стал говорить, что ему совершенно необходимо присутствовать при разборе вопроса о Карасустрое.

— Да какой же разбор? — своим неменяющимся, спокойным и приятным голосом ответил Сергей Александрович и, вероятно, улыбнулся.— И потом, будет кто-нибудь из руководителей министерства.

— Я все знаю,— сказал Тихомиров,— но когда человека режут, можно ему хоть при этом присутствовать?..

Сергей Александрович опять, видимо, улыбнулся и ровно сказал:

— Ну что ж, извольте...

И это «извольте» снова отозвалось надеждой...

И вот он в Кремле. Чистенький офицер несколько раз поднимает глаза от пропуска и от удостоверения, прямо глядя в лицо, сверяясь с фотографией и вроде бы не веря. Неужели у него такой запаленный и несолидный вид?.. Необыкновенная чистота дворов, дорог, тротуаров. Подстриженная трава, цветы, деревья. Белизна зданий. Еще один офицер так же заученно, автоматически переводит взгляд с удостоверения и пропуска на лицо — та же выбритость, аккуратность, и впечатление такое, что это один и тот же человек. В самом здании еще одна проверка. Длинный коридор с прекрасными, высокими окнами, тишина, чистота, две-три торопливые фигуры на все пространство. Невольно начинаешь волноваться, что-то вдруг происходит, как ни старайся быть самим собой. И вот высокая дверь, небольшая приемная, еще дверь направо, и за нею зал — зал, где ждут, и здесь прежде всего неожиданно много народа.

Да, очень много. Пугающе. Сидят, стоят, прохаживаются, и зал наполнен слабым гулом голосов, хотя говорят все чрезвычайно тихо, и если чей-то возглас или смех вдруг выделяется на общем фоне, то все головы поворачиваются в ту сторону. Тихомиров несколько опешил; к нему, как к новому лицу, обратилось много глаз, но ровно на секунду, поскольку ни у кого интереса он не вызывал. Моментально приняв строгий и озабоченный вид, какой имели и все вокруг, он сделал несколько шагов и сел на свободный стул у стены, положив рядом папку. Промокнул платком выступивший на лбу легкий пот. Стал смотреть, привыкать, обживаться.

Коллегия приняла решение, министр подписал его, ходатайство в Совмин было послано, но почти все понимали, насколько безнадежна такая просьба. Особенно кипел и иронизировал по этому поводу замминистра Деревянко. Вообще он относился к Тихомирову неплохо, даже несколько отечески, но на этот раз прямо-таки из себя вышел: мол, так каждый построит, так каждый начнет просить, всем трудно, да как же мы в первые пятилетки и после войны строили и тому подобное. Даже пришлось Тихомирову с ним поссориться, хотя вообще ссорился он с министерством нечасто.

И вот двенадцать дней назад, узнав, что вот-вот ожидается решение насчет Карасустроя, Тихомиров прилетел в Москву. Собственно, как ему сразу сказали, вопрос о Карасустрое даже не собирались сначала выносить на Комиссию текущих дел Совмина: все основные заключения на просьбу министерства были отрицательные. И Тихомиров уже сам звонил в Управление делами Совмина, говорил с референтом по энергетике, и Карасустрой наконец включили в повестку дня. Но тем не менее ни в прошлую пятницу, ни в позапрошлую вопрос этот на заседании Совета Министров не ставился.

Где только не побывал Тихомиров за это время, по каким только телефонам не звонил, чьей только поддержкой не пробовал заручиться! Но все это была суета. Лев Дмитриевич Деревянко, когда Тихомиров попадался ему на глаза, только руками разводил: «Ты все здесь? Ну, знаешь!..» Министр Тихомирова не принимал, начальник главка улетел с делегацией в Канаду, никто не хотел заниматься вопросом, по которому уже было принято решение и который ушел наверх.

Повезло лишь в одном, да и то, как думал теперь Тихомиров, это было сомнительное везение: несколько дней назад он встретил Олежку Боряхина, своего однокурсника, а теперь, разумеется, Олега Ивановича Боряхина. Причем столкнулись они случайно на улице Куйбышева, и был Олежка вроде бы такой же, как в институте, долговязый, застенчивый, с белыми ресницами, но только увидел его Тихомиров в тот момент, когда Боряхин вылезал из черной «Волги», и было на нем отличное весеннее пальто, английская шляпа. Короче говоря, оказалось, что Олег Иванович работает в промышленном отделе ЦК.

Вечером они встретились, вспомнили институт — все, как водится, и Тихомиров рассказал Боряхину свою историю. Тот подумал, помолчал, потом сказал, что сам сделать ничего не может, но вот, так и быть, даст Тихомирову один телефон, и по этому телефону, возможно, Тихомиров что-либо узнает.

Тихомиров, волнуясь, позвонил, там сразу сняли трубку, очень спокойный и приятный голос — обладателя его звали Сергей Александрович, и только это и было известно о нем Тихомирову — ответил, выслушал и так же спокойно просил позвонить завтра. Тихомиров позвонил завтра, это была среда, и Сергей Александрович сказал, что в повестке на пятницу Карасустроя нет — это была прошлая пятница. «В таком случае разрешите побеспокоить вас на той неделе?» «Извольте»,— сказал Сергей Александрович, и это малоупотребляемое теперь слово вселило вдруг надежду.

Тихомиров позвонил во вторник, не дождавшись среды, и вдруг неожиданно для себя стал жаловаться Сергею Александровичу, объяснять, едва ли не унижаться, и Сергей Александрович, хоть и произнес все так же мягко слова сочувствия, отвечал заметно суше. И в среду, то есть вчера, он уже ничего не сказал Тихомирову: «Пока ничего не известно». И с утра тоже...

Почему и оставалось одно — улететь.

Ах, Москва, Москва!.. Тихомиров спустился от гостиницы по лестнице и пошел набережной направо, к Кремлю. Погода была прекрасная, свежо и зелено пахли липы вдоль Кремлевской стены, молодая трава чисто сверкала под фонарями. Было много гуляющих: длинноволосые мальчики бренчали на гитарах, смеялись и кокетничали девочки, брели под ручку пенсионеры в длинных затрапезных макинтошах. По Москве-реке шли белые прогулочные пароходики, длинные огни ломались и дрожали в темной муаровой воде. Над бассейном «Москва» стояло светлое и веселое зарево. Прекрасный силуэт Крымского моста висел в не остывшем еще небе. Было тепло, чисто, надо бы радоваться. Но Тихомиров шел медленно, устало, что-то ироническое было даже в походке — он нес в себе усмешку над самим собой. Поражение — вот как это называется. Неудача. С какими глазами он явится на Карасустрой? И, главное, как они будут работать, как жить? Н-да... Ему стало одиноко на людной набережной, он почувствовал себя чужим. Москва слезам не верит.

Когда он вернулся, дежурная, передавая записочку с фамилией, сказала, что ему звонили. Он заволновался, поспешил в номер и еще через несколько минут говорил с Деревянко.

— Тихомиров? Где же ты шатаешься, Алексей Ильич, а? Все небось коньячок пьешь, за московскими бабочками ударяешь? А тут отдувайся за тебя.

— А что случилось, Лев Дмитриевич?

Он уже понял, что случилось, и старался сдержать волнение, говорить спокойно:

— Я ведь не пью, а что касается...

— Ладно, знаем, как вы не пьете! Все вы, понимаешь, не пьете!.. Завтра твой Карасу на Совмине!

Публика здесь была солидная, многие держались группами, и было видно, что большинство знакомы между собою. Привычно и легко двигаясь между мужчинами, среди костюмов, галстуков, мундиров, портфелей, ходили две-три девушки в белоснежных кокошниках и передниках, пронося к стоявшим в углу столикам маленькие бутылочки воды и бутерброды. И удивительно: то ли от нечего делать, то ли от волнения, а может, и от жажды, кто его знает, или думая, что так полагается, но все эти солидные, полные, упитанные люди, как бы считая своим долгом попить, проходили к столикам, пили освежающую воду и ели бутерброды.

Но не это, разумеется, было главным в движении зала и главным в его внимании: всем управляла другая дверь, слева от Тихомирова, в которую видна была приемная, и через приемную — дверь в зал заседаний.

Она открывалась то и дело, то впуская людей — группами или по двое-трое,— то выпуская их, а сюда, в зал ожидания, входил средних лет, с бритой головой мужчина и негромко предупреждал о следующем вопросе, называя его номер: «Приготовиться к 22-му вопросу... к 23-му...» Люди, уходя в приемную из зала ожидания, заметно менялись: вид их становился строгим и отрешенным, они в последний раз окидывали взглядом свой костюм, поправляли волосы, слегка бледнели и подбирали животы. Спины их делались напряженными, а кое у кого и слегка сгибались; высокорослые становились как бы чуть ниже, низенькие старались приосаниться.

Эмоции на лицах выходивших были, напротив, довольно сдержанными, и только приглядевшись, можно было понять, что одни возбуждены и радостны, словно школьники, сдавшие экзамен, а другие обескуражены и подавлены.

Самое странное, что Тихомиров не знал, что делать, как быть, и больше всего боялся, что Деревянко уже там, за таинственной дверью, или, что еще хуже, уже побывал там и уехал. А спрашивать и узнавать, как он чувствовал, не стоило: все-таки он оказался здесь почти нелегально.

Люди выходили и входили довольно часто — две, три, четыре минуты, и идет другая группа.

На 36-м вопросе произошла пауза: в зал заседаний ушли и долго не выходили оттуда военные — три генерала ВВС, адмирал и молодой полковник-строитель, на которого Тихомиров еще прежде обратил внимание: полковник был необычайно статен, красив, с седыми висками, хотя выглядел не старше Тихомирова. Любопытно было бы узнать, что он строит, этот красавец, коллега-строитель.

Военные пробыли за дверью минут десять — двенадцать, весьма долго, и все ожидающие глядели на часы, томились, и потому, когда наконец дверь там, в приемной, отворилась, Тихомиров, например, даже встал, чтобы лучше увидеть через эту, «свою», дверь выходящих военных. Гул разговора будто утих. Военные выходили цепочкой, лица у всех красные, словно они парились в бане,— это еще оттого так казалось, что генералы, достав на ходу платки, вытирали лица и шеи. Генералы словно бы держались вместе, а полковник, тоже с красным лицом, шел последним, один, и, вероятно, прошагал бы прямо к выходу, но кто-то из генералов обернулся к нему, заступил дорогу и довольно громко сказал:

— Ну, теперь вы поняли?

На что полковник так же резко и быстро ответил:

— Нет. Не понял и никогда не пойму. Извините.

И он обошел генерала, давая понять, что не хочет больше говорить.

А другой генерал сказал:

— Ему и это не авторитет!

Полковник прошел в дверь, и Тихомиров не мог не обратить внимания на то, как изменилось за двенадцать минут его лицо. «Ого!» — сказал себе Тихомиров и с этого момента почувствовал непрекращающуюся внутреннюю дрожь волнения.

Полковник и генералы давно ушли, тихий секретарь вызывал других людей, а напряженность и неловкость, вызванные странным несогласием генералов и молодого полковника, как бы остались в воздухе, и Тихомиров думал о том, что, оказывается, и здесь тоже все нелегко и непросто решается, и ему казалось, что военные наверняка обсуждали вопрос, который в сотню раз важнее Карасустроя, и куда уж ему, Тихомирову, одному, лезть со своим делом. Но, с другой стороны, поведение полковника тоже произвело на Тихомирова свое действие: ясно было, что полковник вел себя бесстрашно и серьезно.

Но что же дальше? Люди продолжали входить и выходить, волновались, пили воду, и восприятие Тихомирова было столь обострено, что он, кажется, навсегда запомнил всякого, свыкся и когда останавливал взгляд на человеке, которого не видел пять минут, то воспринимал его как старого знакомого.

И вдруг ему снова повезло: он давно заметил, что раза три являлся в приемную и входил из нее в зал заседаний, невзирая на очередь, небольшого роста, пухленький, чрезвычайно аккуратный и спокойный «здешний» человек лет пятидесяти, в очках, с лысиной — присутствующие оказывали ему почтение, с некоторыми он коротко и негромко говорил, оставляя на лицах просветление и благодарность.

И неожиданно этот человек вошел в зал ожидания с бумагами в руках, направился прямо к Тихомирову, к свободным возле него стульям, на ходу взял с подноса у проходящей официантки бутылочку воды, мягким и даже милым жестом отстранил от себя высокого человека с двумя лауреатскими значками (мол, не могу, батенька, некогда, некогда) и сел через стул от Тихомирова, не глядя вокруг, и сразу углубился в бумаги.

Тихомиров, однако, успел услышать, как высокий лауреат назвал кругленького человека Сергеем Александровичем. Вот это да! Неужели?.. И когда тот на секунду поднял глаза, Тихомиров подался вперед, к нему, и Сергей Александрович не мог не обратить на Тихомирова внимания.

— Сергей Александрович, это вы?.. Извините... Это я...

Тихомиров сам не знал, что говорил, и Сергей Александрович улыбнулся, глядя на него, и показал глазами, чтобы Тихомиров сел рядом.

И вот, достав аккуратную узкую книжечку и заглянув в нее, Сергей Александрович сказал, что вопрос о Карасу стоит 79-м, что противников ходатайства много и решение вопроса, пожалуй, можно считать предрешенным, но если Тихомиров хочет попытаться повлиять на исход дела, то ему стоит поступить так: войти в зал где-нибудь на семьдесят пятом вопросе, с любой очередной группой, сесть у двери — там будут идти стулья вдоль левой стены,— затем незаметно пересаживаться поближе и, когда будет объявлен семьдесят девятый, встать и сказать то, что он хочет сказать. Говорить ясно, быстро, коротко, смело, не более полутора минут. А уж что из этого получится, будет видно... Но при этом Сергей Александрович одобрительно улыбнулся, оглядел Тихомирова оценивающе и как будто остался им доволен.

С этой минуты Тихомиров мало что видел вокруг и был занят составлением той короткой речи, которую ему следовало произнести. Причем он не испытывал страха, не думал об опасности своего предприятия или о возможных невеселых последствиях вторжения на заседание Совмина, он был у цели и должен был выполнить свое задание. Как ни странно, но судьба Карасу сейчас зависела не от государственных планов, министров, коллегий и законов, а во многом от воли и смелости одного человека — инженера Тихомирова. В принципе в этом мало хорошего, но разве не сами люди и создают, и нарушают законы? Жизнь уже научила Тихомирова нередко преступать, обходить, даже обманывать порою закон ради пользы дела. И сейчас тоже важно было победить, а не думать о том, хорошо он поступает или плохо. К тому же он верил даже не столько в свою способность убедить или изменить мнение министров, а в их собственную разумность: дело было столь ясно, что, как казалось Тихомирову, важно их просто правильно проинформировать. И все станет на свои места.

Время шло, рассматривались уже 60-й, 61-й вопросы, народу заметно убавилось, дважды входил в зал ожидания Сергей Александрович и издали одобрительно взглядывал на Тихомирова. Сейчас важно было не переждать, не устать от ожидания, сохранить силы для того, чтобы быть точным, корректным, убедительным, не потерять от волнения ни лица, ни голоса. Приготовленную речь он проговорил про себя дважды, сверяясь с часами, папку с фотографиями, документами, расчетами он решил даже не раскрывать — надо было учесть еще и то, что заседание идет много часов, все устали. И чертовски было глупо, что нет Деревянко, нет никого из министерства: нужна ведь поддержка.

Он вошел в зал на семьдесят третьем, вместе с женщиной лет пятидесяти в строгом костюме и еще двумя мужчинами — они несколько настороженно поглядели на него, как на чужого, но тут же, естественно, им стало не до него. Еще ничего толком не видя, кроме длинного стола с сидящими за ним людьми, Тихомиров быстро сел на первый свободный стул у стены. И прошло минуты две, прежде чем он освоился и смог наблюдать и слушать,— как раз столько времени понадобилось, чтобы прочесть и тут же принять решение об отказе в дополнительных средствах большому химкомбинату, директором которого и оказалась вошедшая с Тихомировым женщина.

Процедура обсуждения проходила таким образом: к длинному столу примыкал перпендикулярно другой стол, Председателя Совета Министров (сегодня заседание вел не он, а один из его заместителей). Суть вопроса кратко излагал сам председательствующий: такая-то организация ходатайствует о том-то и о том-то, по тем-то причинам, ходатайство поддерживают те-то, возражают те-то. Тут же зачитывалось и предварительное решение. И в самом чтении, в проекте решения, в молчании или коротких репликах («Все ясно», «Правильно») уже было предопределение, слышалось «да» или «нет». (Пока Тихомиров сидел здесь, никакие аргументы, жалобы, объяснения, просьбы ходатайствующих ни одного «да» не превратили в «нет», или наоборот.)

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА.

И Тихомиров вдруг понял всю легкомысленность своего предприятия, ненужность своей смелости и почти устыдился, как мальчик, прибежавший к взрослым людям с открытием, которое взрослым, оказывается, давно известно.

Что тут было говорить? Как говорить? Совмин решал: строить или не строить заводы, города, нефтепроводы, институты, передавать их или не передавать из одного ведомства в другое, давать или не давать машины, кадры, стройматериалы; один город просил больницу, другой — аэродром, третий — троллейбус; области ходатайствовали о заводах, мостах, дорогах, рабочей силе, и все вместе в большинстве своем просили одного — средств. А Совмин, нетрудно было понять, расставался с ними крайне скупо.

В течение пяти минут Тихомиров из чужих уст услышал все те аргументы, которые и сам говорил: речь его рассыпалась, оказалась не нужна и стереотипна. Рассчитывать же на эмоции, на нечто необычайное, а тем более на такую малость, как обаяние, шутка, остроумие, было вовсе глупо: на заседании царил дух деловой и даже суровый; выражение ведущего заседание заместителя Председателя почти не менялось, лицо его было чрезвычайно усталым, строгим, без тени улыбки, и это накладывало свой отпечаток и на всех присутствующих, как ни разны были их лица. Стол Председателя был почти чист, председательствующий сидел прямо, положив на него сцепленные пальцами руки, ничего не писал, только слушал. Время от времени он задавал короткий вопрос или произносил столь же краткое резюме, и, как правило, этих немногих слов было достаточно, чтобы поставить точку в обсуждении.

Тихомиров растерялся. Он увидел, что на стульях вдоль стен сидит немало таких же «хитрых», как он, людей, проникших в зал пораньше. Один из них, тот самый лауреат с двумя медалями, весьма солидный, высокий человек, поднялся, как только был зачитан его вопрос, и, обращаясь непосредственно к председательствующему, называя его по имени-отчеству, а также и упоминая в своей речи других людей, видимо, всем здесь известных, тоже по именам-отчествам, стал просить восемь реактивных установок для научных экспериментов и довольно большое количество драгоценных металлов для тех же целей.

В решении, которое было зачитано, лауреату, вернее, его организации, давали только две установки и ни грамма золота и платины. Не помогла и его речь, весьма, на взгляд Тихомирова, убедительная и толковая. Заместитель Председателя Совмина, также называя лауреата по имени-отчеству, сказал, что с е й ч а с большего ему дать не могут. С тем лауреат и ушел, сказав напоследок: «Ну, вы нас режете насмерть!»

Как ни мучительны и ни печальны были эти наблюдения, как ни скис Тихомиров, но чисто автоматически он все-таки пересаживался со стула на стул, пока не оказался совсем близко от стола председательствующего, по левую от него руку. Теперь он хорошо видел спины, затылки, лица министров, сидящих за большим столом, и видел поверхность темного зеркального стола, и крупные руки зампреда, и его костюм, поражающе безукоризненный, и галстук, и знакомое по портретам лицо, тяжелая усталость которого вызывала сейчас у Тихомирова чисто человеческое сочувствие. Зампред представлял собою для Тихомирова полную тайну; необычность ситуации заключалась уже в том, что он видел его столь близко и мог наблюдать за ним, за его д е я т е л ь н о с т ь ю в течение получаса. Это был, как уже потом определил для себя Тихомиров, человек, который з н а е т. Знает нечто такое, чего не знает и не может знать тот же Тихомиров. И это знание — груз весьма нелегкий, трудный и, видимо, достаточно испепеляющий человека, его смертную физическую оболочку. Вероятно, одно это знание, даже помимо необходимости применять его ежечасно и ежеминутно, неизбежно выделяет человека из обычного ряда, делает его не таким, как все.

Тем не менее деловая и строгая обстановка заседания, лаконизм, сдержанность, п р и в ы ч н о с т ь этой обстановки — поскольку у себя на Карасу Тихомиров тоже сидел каждый день за своим Т-образным столом вместе со своими инженерами, начальниками участков и управлений, прорабами, проектировщиками, бригадирами и тоже требовал всегда краткости, готовности, четкости и так же сам не мог обычно расстаться с лишней копейкой,— эта похожесть делала зампреда и министров в достаточной степени понятными и доступными людьми. То неизбежное благоговение, которое Тихомиров испытывал еще полчаса назад в зале ожидания, как ни странно, не усилилось, а прошло, и Тихомиров, например, думал мельком, как зампред завязывал утром галстук,— кстати, тем же узлом, что и Тихомиров,— надевал носки, устало прикрывал глаза, пока его брили, или, наоборот, читал в это время утренние бумаги. Тихомиров понимал, что ему сейчас предстоит встреча с лицом официальным, а не просто с человеком имярек, в таком-то галстуке и таком-то костюме, с человеком, так сказать, бытовым, но все-таки это полусознательное ощущение человеческого равенства, сочувствие усталости зампреда и понимание сложности его труда почти успокоили Тихомирова, помогли ощутить не исключительность, а нормальность, естественность отношений между ним, Тихомировым, и одним из руководителей государства. В конце концов не себе же он пришел просить денег и не из своего же кармана их отдаст или не отдаст Совмин Тихомирову. И почему надо бояться, что человек, много старше и опытнее Тихомирова, занимающийся всю жизнь тем же делом, что и он, не поймет того, что так ясно Тихомирову и любому рабочему на Карасустрое?..

Объявили с е м ь д е с я т д е в я т ы й вопрос. Не поворачиваясь, боковым зрением, Тихомиров увидел, как в дверь вошел и сел там, теперь далеко, на том краю зала, Деревянко с папкой в руках. Ничто не изменилось, только Сергей Александрович, который находился тут же, поднял на секунду голову, поглядел и словно не увидел Тихомирова или, может, на самом деле не увидел. Председательствующий, глядя в поданную ему бумагу, изложил ходатайство министерства о Карасу. Моложавый серьезный референт стал читать: Карасустрой... министерство... Госплан считает... Комитет Совмина по труду и зарплате считает... главное управление, обсудив, считает... и так далее.

Ничто не изменилось, но Тихомирову казалось, что зал заседаний исчез, все исчезли, остались только он, Тихомиров, и зампред. Смысл проекта решения был именно тот, который предсказывал Деревянко. Тихомиров слушал, а перед глазами словно бы мелькало кино: прошлая весна, еще снег на склонах, яркое солнце, а на стальных канатах над безумной Карасу висит трактор — таким путем они перебрасывали тогда трактора на левый берег. И скалолаз Валя Седых стоит рядом, вцепившись зубами в зажатую в кулак кепку, бледный, с уголком тельняшки на груди из-под ватника,— золотой парень Валя Седых, которому не отплатить всеми деньгами на свете за те дела, которые он делал со своими хлопцами в ту весну.

Моложавый референт еще продолжал стоять с бумагой в руках, когда Тихомиров поднялся и сделал два шага к столу председательствующего — он даже как будто чуть испугал его своим неожиданным появлением. Некоторые головы от длинного стола тоже обернулись к Тихомирову.

— Товарищ заместитель Председателя Совета Министров,— сказал Тихомиров, глядя прямо в обратившееся к нему лицо,— разрешите несколько слов по данному вопросу?..

Не сводя глаз с зампреда, Тихомиров увидел, как рядом с зампредом оказался, наклонился к нему Сергей Александрович, и услышал его полушепот:

— Начальник строительства, Тихомиров Алексей Ильич...

— Я быстро, всего несколько слов,— продолжал Тихомиров,— но это необходимо, это вопрос жизни для нас, я быстро...

— Мы не торопимся. Пожалуйста, Алексей Ильич,— ровно сказал зампред, приняв прежнее положение, держа руки на столе.— Послушаем, товарищи?

Большой стол закивал головами, хоть и без особого одобрения.

— Пожалуйста, товарищ Тихомиров.

Тихомирову показалось, что зампред с интересом оглядел его, всмотрелся, как еще несколько минут назад Тихомиров всматривался в него, но на этом вся фиксация Тихомировым окружающего словно прервалась, и осталось одно — Карасу.

Как рассказал потом Деревянко, говорил Тихомиров не больше двух минут, гладко и точно, производя хорошее впечатление своей речью, интеллигентным видом, молодостью, эффектностью аргументов. «Будто каждый день на Совмине выступаешь!» — сказал Деревянко. Тихомиров и сам чувствовал, что его слышат и понимают (как и всегда, впрочем, когда он выступал на митингах, на собраниях), что глядят на него с интересом и уважают его за то, что он вдруг оказался здесь, «пролез» ради своей стройки.

— Вы не волнуйтесь, Алексей Ильич,— сказал в паузе заместитель Председателя,— не волнуйтесь.

— Я не могу не волноваться,— тут же ответил Тихомиров, уже называя зампреда по имени-отчеству,— приходится.

Уж таких слов, конечно, не было в той речи, которую Тихомиров готовил в приемной, хотя говорил он, как ни странно, примерно все так, как и собирался.

— Всем приходится.— Слабая улыбка прошла по лицу заместителя Председателя, и за большим столом почувствовалось движение.

Тогда Тихомиров позволил себе еще шагнуть назад, взял со стула папку и вынул фотографию. Это был неплохой материал. Тихомиров сам выбирал фотографу Паше Козелькову экспозиции, и на больших фотографиях запечатлелись самые опасные куски ущелья, теснота створа, крутизна скал, затерянность поселка в горах, фантастические петли дорог. Он вытащил фотографии из черного конверта чуть неловко, фотографии заскользили по чистому столу, три упали, Тихомиров бросился подбирать, и моложавый референт тоже, и сам зампред, сдвинув кресло, наклонился и поднял фотографию из-под ног.

— Ничего, ничего,— ответил он на извинения Тихомирова и проглядел фотографии разом и отодвинул от себя.— Так что, товарищи, какие есть мнения?

Тихомиров собирал фотографии, потом отступил, закладывал фотографии в черный конверт, а за большим столом поднялся между тем министр финансов, объясняя, почему отказано Карасустрою.

— Ну, понятно, понятно,— перебил зампред,— хочу только спросить: вы бы сами, интересно, стали там работать при таком коэффициенте?..

«Вот именно»,— захотелось крикнуть Тихомирову, но он, естественно, молчал. Он услышал эти слова и тут же понял: он выигрывает, вместо «нет» может быть «да», вот сейчас, еще через несколько минут.

Министр финансов заговорил уклончивым, почти оправдывающимся, но еще твердым тоном, но затем послышалось: «Стоит подумать... Надо поискать...»

Выступил другой министр — в поддержку Тихомирова. Зампред спросил, кто есть от министерства,— у дверей поднялся Деревянко, но ему зампред не дал сказать ничего, кроме слова «поддерживаем».

И вот и все. Председатель Госплана и министр финансов, не глядя на Тихомирова, обещали в ближайшее время пересмотреть свое первое решение, и зампред с полуулыбкой сказал:

— Да, я думаю, что мы должны помочь этой стройке... Я думаю, мы вам поможем, Алексей Ильич. Езжайте, работайте, желаем вам успеха...

И Тихомиров готов был поклясться, что зампреду хочется с ним поговорить, что-то узнать еще, расспросить — это по крайней мере Тихомиров увидел в его взгляде.

Тихомиров уже шел к двери, когда зампред сказал министру финансов:

— Этот случай тоже, кстати, к тому нашему разговору, помните? Хорошо, что начальник строительства пришел, а если бы не пришел?..

К сожалению, Тихомиров уже не услышал, что ответил министр финансов и ответил ли что-нибудь: Деревянко, поднявшись первым, держал перед Тихомировым открытой дверь, пропуская его вперед и изображая на лице что-то вроде: ну, брат, ты силен! Ну, ты дал!..

Они вышли вместе. Деревянко тут же взял Тихомирова под руку и заговорил, заговорил без остановки; в приемной и в зале ожидания, который был виден в открытую дверь и который показался Тихомирову очень знакомым — даже захотелось еще зайти туда и посидеть,— оставалось не больше десяти человек. Секретарь как раз входил туда со словами: восемьдесят первому приготовиться. Тихомиров слушал и не слушал фамильярные похвалы Деревянко, который, как он знал, понесет теперь эту историю по министерству; он шел коридорами, снова, уже машинально, предъявлял пропуск и все не мог поверить, что столь быстро и сравнительно легко (если не считать, что он был мокрым от пота) решился с е м ь д е с я т д е в я т ы й вопрос. Но в самом деле: а если бы он не приехал, не добивался? Впрочем, что значит «если бы»? Ведь он приехал.

Они вышли сквозь Спасские ворота на Красную площадь, Деревянко ждала машина, он предложил подвезти Тихомирова, но тот отказался, ответил, что зайдет в гостиницу.

— Устал, брат? — бодро говорил Деревянко.— То-то! Всем вам не мешает побывать в нашей шкуре! Но ты молоток! Тридцать процентов, можешь считать, у тебя в кармане!

— Как тридцать? Сорок!

— Хе-хе! — Деревянко уже стоял у черной машины, и шофер открывал перед ним изнутри дверцу.— Так тебе и дали сорок! Один и три десятых дадут, а больше не жди!.. И то, брат ты мой, хлеб!..

— Но ведь он сам сказал...

— Правильно, сказал. Но ты что ж думал, законы-то не для всех писаны?..

Деревянко сам засмеялся своей шутке (шутке ли?) и сел в машину. И Тихомиров тоже засмеялся. Стоял на булыжнике, на спуске к Василию Блаженному, и смеялся. Деревянко даже оглянулся из отъезжающей машины и посмотрел с удивлением. «А ведь точно,— думал Тихомиров весело,— не дадут один и четыре. Зажмут. И Деревянко бы зажал. И я бы, наверное, тоже зажал... Зажал бы? Пожалуй, зажал...»

Продолжая смеяться, он пошел вниз, к «России». Солнце светило во все лопатки, было тепло, у подножия храма сидели рабочие в желтых касках, курили, стояли два компрессора и самосвал. По Москворецкому мосту бежали в две стороны машины, блестя и сверкая, зеленело под солнцем Замоскворечье, по Москве-реке, выходя из-под моста, двигалась самоходка...

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ СЧЕТ «АнтиСПИД» ПРИ ЖУРНАЛЕ «ОГОНЕК» — 70000015 ВО ВНЕШЭКОНОМБАНКЕ СССР.

РУБЛЕВЫЙ СЧЕТ «АнтиСПИД» — № 700645 В ОПЕРАЦИОННОМ УПРАВЛЕНИИ ЖИЛСОЦБАНКА СССР

Мнение ведущих ученых мира, причастных к проблеме СПИДа: Советский Союз ожидает эпидемия СПИДа еще более страшная, чем в других цивилизованных странах.

Причина — отсутствие в советских больницах, поликлиниках, роддомах одноразовых шприцев, систем для переливания крови, внутривенных катетеров, контейнеров для хранения крови и т. д.

Отечественная промышленность не имеет оборудования для выпуска этих медицинских изделий, и оно даже еще не разработано.

Валюта на закупку импортного оборудования выделяется в мизерных количествах.

Массовые заражения в больницах уже начались. Ни один советский человек, ни один ребенок не застрахован от заражения вирусом СПИДа в медицинском учреждении.

Мы открыли благотворительный валютный счет «АнтиСПИД», чтобы немедленно начать закупать производственные линии и одноразовые медицинские изделия, в первую очередь для детских больниц и роддомов.

Обращаемся к советским гражданам, зарабатывающим валюту, к совместным фирмам, государственным предприятиям и кооперативам, занимающимся внешнеэкономической деятельностью,— перечисляйте валюту на счет «АнтиСПИД».

Мы призываем на помощь все развитые страны мира. Мы обращаемся к благотворительным (религиозным и светским) организациям, к иностранным фирмам и предприятиям, к богатым людям, к соотечественникам, ныне проживающим за рубежом,— просим вас перечислять валюту на счет «АнтиСПИД».

Обращаемся к фирмам — изготовителям линий, производящих одноразовые медицинские изделия,— просим вас продавать нам это оборудование на дружественных условиях.

Обращаемся к организациям, которые могли бы стать спонсорами за рубежом благотворительных выставок-продаж и аукционов картин современных советских художников, спортивных матчей, концертов советских и зарубежных «звезд» в пользу счета «АнтиСПИД».

Подписание контракта о безвозмездной передаче фонду «АнтиСПИД» 100 тысяч одноразовых шприцев между западногерманской фирмой «КМ Гмбх» и советско-финским СП «Поинт».

ХРОНИКА СЧЕТА «АНТИСПИД»

Издательство «Художественная литература»:

Сообщаем, что по решению трудового коллектива часть валютных средств переведена на счет № 70000015 «АнтиСПИД» для приобретения медицинского оборудования. (Платежное поручение № 1 от 4.08.89 г.)

Институт ядерной физики Сибирского отделения Академии наук СССР:

Предлагаем фонду «АнтиСПИД» ускоритель электронов ИЛУ-6. Ускоритель может быть использован для стерилизации различного разового медицинского инструмента (шприцев, катетеров, устройств для переливания крови и т. п.). С помощью этого ускорителя после изготовления может быть стерилизовано около 50 тысяч разовых шприцев в час (порядка 250 миллионов в год). В отличие от газовой стерилизации такая система позволяет создать экологически абсолютно чистое производство.

Институт готов монтировать ускоритель и принять участие в отладке технологического процесса стерилизации, а также оказать необходимые консультации при проектировании помещения под ускоритель. Импортное оборудование для стерилизации указанного количества шприцев стоит, по нашим оценкам, не менее одного миллиона долларов.

Директор Института академик А. Н. СКРИНСКИЙ

Владимир ВАСИЛЬЕВ, Екатерина МАКСИМОВА:

— В составе группы 10 «звезд» советского балета (Виктор Барыкин, Александр Богатырев, Сергей Соловьев, Ирина Пяткина, Иоланта Валейкайте, Кайе Кырб, Елена Радченко, Лейманис Айвар) мы едем на гастроли в США. Все вместе мы решили дать там благотворительный концерт в пользу счета «АнтиСПИД». Надо объединить усилия в борьбе с этой страшной бедой, которая надвигается на нашу страну.

Герман Борисович АВКСЕНТЬЕВ, директор фирмы «Совискусство» В/О «Международная книга»:

— Мы предлагаем свое содействие в организации за рубежом благотворительных выставок-продаж и аукционов картин современных советских художников, которые хотели бы пожертвовать вырученные от продажи картин деньги на счет «АнтиСПИД».

Поскольку эта акция благотворительная, никаких комиссионных наша организация вычитать не будет и все вырученные суммы будут перечислены на счет «АнтиСПИД», за исключением только самых необходимых накладных расходов.

Вместе с журналом «Огонек» мы обращаемся к зарубежным фирмам, которые могут помочь нам в проведении таких выставок-продаж и аукционов. Наш телефон: 238-46-00, телекс — 411160; телефакс — 2302117.

ОТ РЕДАКЦИИ. Отбор коллекций для благотворительных выставок-продаж будут производить искусствоведы, сотрудничающие с журналом «Огонек».

Полтава, медицинский стоматологический институт:

Конструкция известных одноразовых шприцев фактически допускает возможность их многократного использования, хотя это является преступлением.

В 1989 году в Полтавском медицинском стоматологическом институте разработано несколько конструкций одноразовых шприцев и одна конструкция одноразовой иглы, которые объективно исключают возможность их повторного использования. Все пять изобретений патентуются в США, ФРГ, Японии, Великобритании, Франции, Италии и других странах. Всего патентование проводится в 20 странах. По оценке внешнеторговых экспертов, стоимость лицензий на эти патенты составляет несколько миллионов долларов.

На сегодня на мировом рынке аналогичных конструкций одноразовых шприцев нет. Все производимые в мире шприцы могут использоваться повторно, что и происходит при их применении недобросовестным или невнимательным медицинским персоналом, наркоманами. Это распространяет эпидемию СПИДа. Наши конструкции полностью устраняют этот недостаток, т. е. практически обеспечивают 100-процентную гарантию профилактики заражения СПИДом при проведении инъекций.

Полтавский медицинский стоматологический институт приглашает к сотрудничеству все заинтересованные стороны.

С. М. МАЗУРИК, кандидат медицинских наук

Энгельсская городская больница № 2:

С мольбой о помощи обращаются к вам медицинские работники города Энгельса Саратовской области в организованный вами комитет «АнтиСПИД».

Еще никогда не было у нас такого безысходного положения с обеспечением шприцами: в 5 раз сократились поставки шприцев многоразового пользования типа «Рекорд», в течение 1988 г. получили 30 процентов от потребности, а за 7 месяцев 1989 г.— 19 процентов.

Совсем нет систем одноразового пользования, собираем системы из обычных резиновых трубок, стеклянные капельницы закупаем у кооператоров по 2 рубля за штуку, канюли переставляем из одной капельницы в другую. Это хоть какой-то выход по системам, а что делать со шприцами?!

Поставок их не предвидится, мы уже обращались во все областные и республиканские организации, но и у них резерва нет, они ничем не могут нам помочь.

Если и вы не сможете нам помочь, то максимум через 2—3 недели нам совсем нечем будет делать инъекции больным.

Думается, что в минздравах РСФСР и СССР не представляют всей глубины катастрофы, что мы вынуждены будем лечить больных только таблетками.

Помогите городу Энгельсу из тех поступлений, что есть у вас, хотя бы одноразовыми шприцами.

Мы готовы немедленно прислать транспорт за грузом по получении согласия от вас, ведь в городе около 200 тысяч населения, из них 48 тысяч детей, стационары на 2600 коек, мы обслуживаем еще стационарной специализированной помощью и жителей 7 сельских районов Заволжья. Ежедневно выполняется более 12 тысяч инъекций.

Н. И. ЗАБРЯНСКАЯ, главный врач городской больницы № 2 г. Энгельса

Эрнест СКОПИНЦЕВ, генеральный директор с советской стороны советско-финского акционерного общества Саймаа Лайнс (Хельсинки):

Мы решили послать фонду «АнтиСПИД» в подарок 60 тысяч одноразовых шприцев. Перевозку в любую точку СССР берем на себя. Благотворительный груз ожидайте на днях.

ОТ РЕДАКЦИИ. 60 тысяч одноразовых шприцев из Хельсинки фонд «АнтиСПИД» немедленно направит в детскую больницу города Энгельса.

Курт МИТТЕРФЕЛЬНЕР, президент фирмы «КМ Гмбх» (ФРГ):

Как и вы, наша фирма обеспокоена положением с одноразовыми медицинскими изделиями в СССР. Уже 6 лет мы поставляем в СССР зарегистрированные в Минздраве СССР шприцы, катетеры и другие медицинские товары производства фирмы «Браун Мельзунген» (ФРГ).

Фирма «КМ Гмбх» вместе с нашим торговым партнером, советско-финским СП «Поинт» хочет внести свою скромную лепту в решение острой проблемы с одноразовыми медицинскими изделиями, и в частности, со шприцами, и подарить фонду «АнтиСПИД» **100 тысяч одноразовых шприцев,** в том числе и шприцы, предназначенные специально для детей. Перевозку груза берем на себя. При этом СП «Поинт», база которого находится в Казани, хотело бы, чтобы **50 тысяч шприцев были направлены в Казанскую детскую больницу.**

ОТ РЕДАКЦИИ. Другие 50 тысяч шприцев по согласованию с Минздравом СССР фонд «АнтиСПИД» направляет в областную детскую больницу города Ташауз Туркменской ССР.

Вниманию медсестер! Напоминаем: повторное использование одноразовых шприцев может привести к трагедии, которая случилась в Элисте — к вспышке СПИДа или гепатита В и в вашей больнице. Мы надеемся на вашу добросовестность!

Перечисляют валюту на счет «АнтиСПИД» люди из разных стран. Например, В. Виноградов (Новосибирск), Д. А. Киржниц, И. М. Тартаковский (Москва), Алексей Серебренников (Нью-Йорк), господин Д. (фамилия неразборчива, Австралия).

Мы благодарны всем, кто откликнулся на наш зов о помощи! Друзья! Ваша помощь отводит смертельную угрозу от миллионов жизней!

Координатор фонда «АнтиСПИД» Алла АЛОВА

ФОТОКОНКУРС

Земля у нас одна

Фото

А. ДЖУСА
(Москва),

Т. ШАХВЕРДИЕВА
(Москва),

Ю. СТРЕЛЬЦА
(Куйбышев)

и Н. СВИДИРОВОЙ,
Д. ВОЗДВИЖЕНСКОГО
(Москва)

Фото Анатолия ДОЛМАТОВА

Михаил КОРЧАГИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

Он исчез из номера гостиницы. Среди бела дня. Ушел и не вернулся. В догадках терялись сослуживцы, наводили справки друзья. Неопределенность порождала версии. Самой устойчивой была одна: убит как лишний свидетель по одному торговому делу, расследуемому Прокуратурой СССР. Шел второй год поисков...

КОНЕЦ «ВЕРМУТСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА»

...Всесоюзный розыск объявили сразу. Но каких-либо сообщений в милицию так и не поступило. Сведения же о пропавшем ограничивались сухим текстом формуляра:

«Лобжанидзе Николай Павлович, 1936 года рождения, образование высшее, женат, имеет двоих детей, ранее не судим. Член горкома партии, депутат горсовета, заслуженный работник торговли РСФСР, управляющий трестом...».

Но все это было в прошлом. Рухнуло в один день. Хотя за скупым формуляром остались дела, масса громких и нужных дел. Без них он был бы безлик. Как, впрочем, и беглый рассказ о нем...

* * *

...До славных дел и кресла управляющего было еще далеко, когда в послевоенных столовых 13-летний Николай начинал с прокопченных котлов, которые драил до блеска... Само восхождение от посудомойки до управляющего трестом было крутым. Поэтому, когда возглавил трест, уже освоил все до единой специальности, бытующие в общепите. И тем не менее на новоявленного управляющего смотрели как на очередного...

«Кто следующий?» — шутили за спиной старожила ессентукского общепита. По-другому же считал он сам. Хотя и наследство, оставленное предшественниками, оптимизма не вселяло: облупившиеся стены аварийных столовых, ветхие потолки, гнутые вилки, а плюс ко всему и «учтивое» обслуживание, вдохновлявшее посетителей на написание пухлых томов жалоб. Все это и вкусил он, когда под видом скучающего курортника заглянул в одно из кафе треста. Управляющего обхамили с порога, обсчитав на прощание. Обиду проглотил молча. Вместе с недосоленным супом. Но услышанное и увиденное принял как должное, как следствие проблем, опутавших весь общепит страны. Оставалось одно — рвать путы.

Начинал со столовых, торгующих вермутом в розлив, с забегаловок и буфетов — излюбленных мест «вермутских треугольников». Решение принял не раздумывая: долой буфетные стойки из столовых, под слом забегаловки. Но и противостояние ощутил сразу.

«План заваливать?» — недоумевая, горячилась местная власть. «Заваливать» не собирался, но и беспокойству отцов города отдавал должное: план (эта святая святых!) «вытягивали» исключительно за счет торговли спиртным. Но не за счет общественного питания как такового. Поэтому от решения не отступил ни на шаг — на торговле спиртным ставил крест. Риск? Конечно! Безумство? По тем временам — да! (На дворе стоял 1974 год.) Нужна была поддержка, которую и получил в Ставропольском крайкоме партии, где сразу же поверили в успех задуманного.

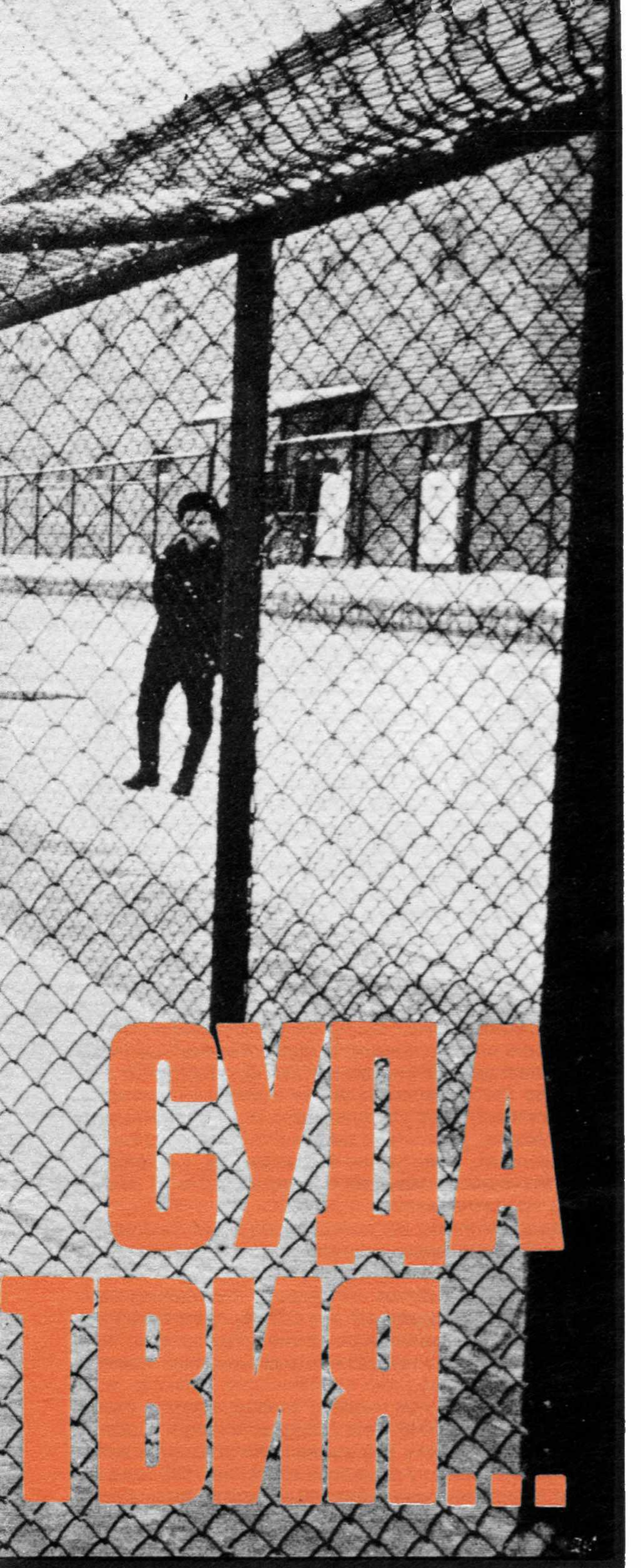
До трагической развязки оставалось 9 лет...

Естественно, далеко не каждому по душе пришлось антиалкогольное подвижничество управляющего. Неодобрительно смотрели тогда на бурную деятельность новичка и в Минторге. В числе недовольных был и кое-кто из торговой верхушки.

(Из досье Прокуратуры Союза ССР:

«Лукьянов П. С.— бывший заместитель министра торговли РСФСР, 1923 года рождения, образование высшее, женат, ранее не судим; за систематическое получение взяток приговорен к 15 годам лишения свободы в колонии усиленного режима»...)

...Но слово сдержал — дрогнули под ударами чугунной бабы стены «гадючников», навсегда выкорчевывались пропахшие вермутом буфетные стойки. Кончен бал, которым правил План! Погасли прожектора Показухи! Как грибы, росли корпуса рабочих и диетических столовых, по своему интерьеру не уступающие ресторанам. Рестораны же, приводя

в восторг посетителей, наконец-то стали соответствовать своему истинному предназначению. Ожила и внутренняя жизнь треста. Стали регулярными конкурсы на лучшего по профессии. А в результате введенных для каждого обязательных дней здоровья зародилась ессентукская баскетбольная женская команда ТРС (трест ресторанов и столовых), занимавшая первые места на первенствах страны...

О тресте наперебой заговорила центральная пресса. В Ессентуки зачастили перенимать опыт специалисты со всех курортов страны. А управляющего стали ставить в пример. Одних действительно завораживал опыт, других мучила зависть. Первые называли «маяком» отрасли; вторые — «выскочкой». Последних — абсолютное меньшинство. Но они были...

А когда «выскочка» вытянул свой трест в передовые, его бросили на прорыв — в соседний Кисловодский трест. Но намеченное осуществить не удалось — управляющего вызвали в Москву по делам службы. И он исчез...

* * *

Шел 1983 год. На юге покачнулись столпы рашидовщины, дрогнули стены адыловских казематов, из-под Медунова уже был выбит трон в Краснодаре, а в Москве из глубин торгового мира всплывали «рыбные» дела. Следствию развязали руки, которыми было сделано немало нужных дел в борьбе с преступностью. То там, то здесь щелкали на запястьях осужденных браслеты наручников. Но щелкали подчас и ошибочно. Недаром по сей день об этом не может умолкнуть наша пресса. Иными словами, предоставленная следствию свобода граничила и с произволом.

Прокуроры не глядя подмахивали обвинительные заключения для передачи дел в суд. А в судейском кресле, как и прежде, незримо восседала Царица доказательств — признание. Начиналась охота за громкими миллионными делами, в пылу которой были и жертвы случайные. В это самое время — время необоснованных арестов, неоправданных выстрелов, когда росло недоверие к следственным органам,— и исчез кисловодский управляющий. Но исчез не случайно...

УТРЕННИЙ ГОСТЬ

Последний раз управляющего видели в гостинице «Россия»...

В его номер постучали в 5.30 утра. Разбуженный настойчивым стуком, он открыл дверь.

Утренний гость, прошаривая глазами номер, начинал вкрадчиво:

— Николай Павлович, на Дальнем Востоке задержана группа спекулянтов помидорами, а на накладных — ваша подпись. Как это могло произойти?..

— Быть этого не может! Вот же моя подпись...

— Но ее необходимо сверить с той, что на накладных, которые сейчас лежат в Прокуратуре Союза...

И они отправились в Прокуратуру — сверять подпись. Впрочем, все прояснилось уже в кабинете:

— Следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Юрий Давыдович Сашин,— представился в этот раз утренний гость, по-хозяйски указуя на стул.

— А как же накладные, которые...— не договорив, удивился Николай Павлович.

— Те накладные — тактический ход,— ухмыльнулся следователь.— Чтобы заманить вас сюда...

— Зачем же заманивать,— снова удивился он,— я бы и сам пришел — не преступник же...

Но хозяин кабинета, по всей видимости, так не считал. И после ничего не значащей многочасовой беседы сделал второй «тактический ход» — пригласил в ту же гостиницу, где приглашенного ждал подробный обыск в гостиничном номере.

У жильца выворачивали карманы, перетрясали постель. Обыск не дал ничего — драгоценностей и оружия обнаружено не было. Огорченный результатами следователь забрал подписку о невыезде и удалился.

Опешивший управляющий уже заправлял перерытую постель, как вдруг раздался междугородный звонок. На другом конце провода рыдала дочь.

— Они перевернули весь дом... Что они ищут, папа?..

Отец молчал, потеряв дар речи. О том, чтó ОНИ искали, он узнает позже...

— Это недоразумение... Я все выясню,— пытался успокоить он дочь и тут же перезвонил.

Звонок в Кисловодск прояснил все: в доме — обыск, а он более не депутат, не член горкома и не управляющий. «ОНИ сказали,— вспомнил он фразу из телефонного разговора,— что ты во всем признался».

В чем должен он был признаться? Об этом ему также станет известно потом. Пока же он был на свободе. На свободе, но уже вне общества.

Из дневника исчезнувшего управляющего:

«ОНИ вмешались в мою жизнь, исковеркав ее за один день. Опозорили мою семью, обыск — это всегда позор. Что скажут соседи, сослуживцы? К следователю не пойду — не верю в его порядочность. Он лжив. Не доверяю его методам, когда все исподтишка, за спиной. Неужели хотят сначала арестовать, а уж потом выбивать показания?..»

Письмо же в Прокуратуру СССР было более сдержанным:

«Юрий Давыдович, во-первых, разрешите мне принести свои извинения по поводу того, что не пришел к Вам. Это вызвано тем, что я позвонил домой, где мне сообщили, что я лишен депутатских полномочий. И все это *без меня, без моих объяснений*. А это значит, что я буду изолирован от общества *без доказательств...*

В Кисловодске я пока не появлюсь, мне стыдно перед семьей, перед горожанами, перед партийными и советскими органами...

Юрий Давыдович, я Вам очень верю, разберитесь, пожалуйста, повнимательнее. Николай Павлович».

«В МОЕЙ СМЕРТИ ПРОШУ ВИНИТЬ...»

Пусть маленькая, но надежда все-таки теплилась в его душе. Но в родной город он так и не поехал — решил дать улечься кривотолкам. Да и ехать не мог — от нервного потрясения слег с сердцем. Несколько недель провалялся у московской родни, надеясь, что Юрий Давыдович «разберется повнимательнее». А когда поднялся с постели, решил съездить в Кисловодск, чтобы проститься с семьей и явиться наконец в Прокуратуру.

Но по дороге, на одной из станций, его уже ждал сюрприз, о котором и в мыслях не мог предположить. На специальном щите среди фотороботов разыскиваемых налетчиков, мошенников и убийц-рецидивистов была и его фотография. Анфас! Крупным планом! А на листовке под крупной красной шапкой «РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПРЕСТУПНИК» текст:

«Его приметы: рост 170—175, плотного телосложения, лицо овальное, волосы темно-русые с проседью, брови дугообразные, широкие, глаза светлые, может носить усы рыжеватого оттенка.

Если вам известно местонахождение преступника, просим сообщить об этом милиции.

УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК»

Мимо «преступника» спешили по делам прохожие. Но обычные, ничего не значащие для них слова для него звучали приговором — приговором, вынесенным **без суда и следствия...** Без единого объяснения, допроса или очной ставки. Без адвокатской речи на суде и последнего слова подсудимого — без всего того, что образовывает и гарантирует истинное правосудие!..

Его участь, по сути, была предрешена. Слово «преступник», которое вправе был произнести один только суд, произнесено громогласно, на всю страну! Размноженный огромным тиражом «приговор» читал весь «город», где он жил и вырос, где знал его каждый. С удивлением читали одни, со злорадством — другие. Опозоренная жена уволилась с работы и сидела безвыходно дома — скрывалась от праздных расспросов и насмешек. Детям разыскиваемого отца-преступника не давала прохода местная детвора, сочиняя по-детски жестокие дразнилки. Сам же отчаявшийся преступник, не видя иного выхода, писал следующее:

«Дорогие дети, милая Беллочка! Простите за эту слабость, но иного выхода не вижу. Расклеенные листовки уже не перепечатаешь — они везде, их десятки тысяч. ОНИ лишили меня всего, любимой работы, положения в обществе, а главное, непорочного имени, с которым жил и без которого уже не проживу ни дня. Прокуратуре я не верю — она уже вынесла свой приговор, и я обречен. А если буду доживать век в тюремной камере, то мука будет и мне, и вам. Но помните и знайте одно — ваш отец жил честно...

В моей смерти прошу винить Прокуратуру СССР...»

* * *

...Спасла случайность — его прыжок заметили из подъезжавшей к пирсу машины. Двое парней успели выловить тело, откачать. И ему пришлось жить дальше. На вторую попытку уже не хватало духа. Начиналась вторая жизнь, в которой отнято все. Кроме, пожалуй, свободы.

Жил где придется. Устраивался работать поваром в сезонные столовые Черноморского побережья. Нужда в специалистах его профиля в период сезона была столь велика, что его личность никого не интересовала. К тому же всех без исключения устраивал этот седоватый, немногословный повар, показывавший вершины кулинарного искусства.

В прокуратуру идти не торопился. Явку с повинной не писал — не знал, в чем виниться. И в то же время прекрасно понимал: поздно или рано задержат. В сомнениях прошел год, и разыскиваемый «преступник» наконец-то взял билет до Москвы. Решил сдаться сам. Моральный надлом прошел. Он чувствовал силы — силы для борьбы.

Из дневника: «Еду в Москву, чтобы узнать, в чем же обвиняют. Предъявят обвинение, и я докажу, что все это ужасное недоразумение. Буду бороться за свое имя... Сегодня же иду в «Сандуны» — смывать «грехи» и беру курс на Прокуратуру Союза...»

В бане он помылся. Но до Прокуратуры так и не дошел — его арестовали прямо в «Сандунах». Утро следующего дня он встречал на нарах «Матросской тишины». Весь день прошел в ожидании предъявления обвинения...

ШПАРГАЛКА ДЛЯ ЗАМ. МИНИСТРА

Так в чем же обвинялся бывший управляющий? Какую черту закона переступил, живя двойной жизнью?

Обвинительное заключение начиналось так:

«Прокуратурой Союза ССР расследовалось уголовное дело по обвинению во взяточничестве бывшего зам. министра торговли Лукьянова П. С. ... Признавая многочисленные факты получения им денежных взяток от разных лиц, наряду с прочим Лукьянов показал, что несколько взяток получил от управляющего трестом г. Ессентуки».

Строки не вызывали сомнения. Шутка ли сказать, подписаны самим старшим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР

С. М. Громовым! Причем само обвинительное заключение получил из его же рук, с напутствием хорошенько его изучить, прежде чем браться за перо. Именно это я и сделал.

* * *

Итак, следствие шло классическим путем, начиная с исследования ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, МЕСТА И ВРЕМЕНИ совершения преступления. Три кита, на которых зиждется любое обвинение. И хотя первой опоры не хватало уже изначально («ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ по делу не было»), это не меняло существа дела. Ведь если факт преступления имел место, доказательная база удержится и на оставшихся двух «опорах», которые могут оказаться вполне надежными.

Итак, ВРЕМЯ получения одной из взяток — 2—7 апреля 1975 года. И эта дата не вызвала у меня никаких сомнений. Интересным показалось другое: как спустя более 6 лет пожилой П. Лукьянов мог давать такие точные показания. Впрочем, ясность внесли слова самого же Лукьянова, обращавшегося к следствию:

«Если мне будут представлены документы по моим командировкам и его командировкам в Москву, я смогу дать точные показания...».

«В дальнейшем,— указывало следствие,— Лукьянов был ознакомлен с сохранившимися документами. В силу этого он смог уточнить даты получения им взяток».

В этом и состоял секрет «феноменальной» памяти Лукьянова. Выходит, зам. министра обращался за подсказкой. Как не выучивший урок ученик, он просил «подбросить» ему шпаргалку. И следствие не заставило себя долго ждать — предоставило так называемую «шахматку», где на графике, как на шахматной доске, стояли точные даты командировок. Выбирай любую.

Ну, допустим, с датами командировок в Ессентуки справился бы он и без подсказок следствия. Но что доказывали **сами факты** командировок Лукьянова в Ессентуки, управляющего — в Москву.

«В то время управляющий был на своем рабочем месте (не болел, в отпуске не был), и следовательно,— рассуждало следствие,— имел реальную возможность встречаться с Лукьяновым в Пятигорске и Ессентуках».

Значит, если был в командировке, «имел реальную возможность встречаться», то и состоялась взятка? НО, СЛЕДУЯ ГРОМОВСКОЙ ЛОГИКЕ, ТАК МОЖНО ОБВИНИТЬ ЛЮБОГО. Мало ли кто и с кем мог встречаться в командировках.

«Ставить под сомнение достоверность показаний Лукьянова у суда оснований не имеется»,— подвел в конце концов итоговую черту суд.

Почему же так охотно принимались на веру доводы следствия, но отметались аргументы другой стороны? Впрочем, так ли уж откровенен был в своих показаниях сам изобличитель? И только ли с памятью было плохо у взяточника?..

На суде, например, последний клялся, что получил 500 рублей в гостинице «Россия». И для убедительности «украсил» эпизод такой малозначительной на первый взгляд деталью, как совместное распитие коньяка в номере. Какой же хохот вызвала эта деталь в зале. Весь трест и свидетели, присутствующие на суде, отлично знали, что их управляющий был трезвенником, не брал в рот спиртное. Это знали все. Кроме, пожалуй, Лукьянова.

Но более всего удивляло в показаниях Лукьянова другое: в гостинице «Россия», в которой «распивали» они коньяк, подсудимый **не проживал.** И это доказано документально. Так что с одной ли памятью было плохо у «изобличителя»? Напрашивался естественный вывод: не оговор ли все это? Предположим, и оговор. Вопрос: кому он был нужен? Самому ли Лукьянову, участь которого и без того была решена? Или кому-то еще?..

ПИСЬМО К СЫНУ

Это было письмо-откровение. Уже осужденный, Лукьянов после всех следственно-судебных процедур, на которых не отрицал своей вины по взяткам от других лиц, писал родному сыну. Писал особо, как на духу, исповедуясь. Видно, хотел, чтобы сын знал всю правду о своем отце. Были в послании и строки, касающиеся Николая Павловича:

«...Я свое получил, и теперь мне уже возмездие дано. Единственное, сожалею о том, что пострадал невинный человек...

Ты же знаешь, в момент ареста я был очень болен, чуть ли не при смерти и чувствовал себя крайне скверно. От следствия мне тогда стало вдруг известно, что ессентукский управляющий дал показания, что он затратил на меня 3—4 тысячи... Я это категорически отрицал и просил дать мне очную ставку с ним... Ведь если он это показал, пусть это же повторит на очной ставке, изобличит меня...

(Но ни «показать», ни тем более «изобличить» «он» не мог, так как был во всесоюзном розыске.— **М. К.**)

Сначала следствие молчало, в вину мне его не ставили, о нем не было никакого разговора, все вроде бы отпало. А уже при предъявлении обвинительного заключения мне сказали, что будем вменять вам в вину и те 3—4 тысячи рублей.

Я возразил — ведь если он не давал, то я тем более не мог брать, вынуждать, принимать от него.

ОНИ записали те случаи, когда я был в командировках там и когда он был в Москве. Сделали такую «шахматку» *. Очная ставка с ним так и не состоялась. Потом я просил те надуманные эпизоды исключить. Но мне отказали. Я был сильно болен, чуть ли не при смерти, и подписал все, что было написано в протоколе. Тем самым я неумышленно оговорил его, да и то не помню (будь проклят этот склероз!), где, когда и было ли это вообще. На суде мне стало совестно за свое малодушие и в последнем слове я сказал правду.

Уже сам суд, видя нелепость этого обвинения и отсутствие протокола допроса (то есть показаний самого подозреваемого), видя, что я не был в Ессентуках в тот год, когда якобы получил 1000 рублей, снял этот эпизод из обвинения. Но, несмотря на то, что я категорически все отрицал, суд оставил-таки 2500 рублей. И на суде и на следствии я аргументированно заявил, что неумышленно оговорил его. Но следствию хотелось, чтобы у меня было больше подношений, больше сумма. Вот как все это было, сынок. Из-за моего малодушия пострадал невинный...

Учреждение ОД—1/4, г. Вязники
Владимирской области, 12.01.1985 г.
П. ЛУКЬЯНОВ».

Так вот, оказывается, почему так путался в своих показаниях Лукьянов-старший, а за недоумевающим управляющим начала охотиться милиция...

ИСКАТЕЛИ СОКРОВИЩ

Но почему-то именно его избрало следствие. Может, сработал издавна сложившийся стереотип: если из общепита, значит, непременно нечист на руку. Или лучшей кандидатуры не видело? Не в силу ли этого стереотипа столь увлеченно, с миноискателями, перерывали они его квартиру? Ведь ни на минуту не брало сомнение, что не найдут пудовых кубышек с миллионами и драгоценностями, когда втайне от хозяина вторглись в его жилище...

— Деньги, оружие, драгоценности предлагаем сдать добровольно! — заявили искатели сокровищ, будучи уверенными, что застигнутая врасплох жена не успела перепрятать наворованного.

Искали долго. «Проштудировали» все собрания сочинений, но, кроме закладок, так ничего и не нашли. Запускали пальцы в крупу, сахар, муку. Вверх дном перевернули весь дом. С помощью миноискателей «прощупали» подвал, огород, сад. Пусто... Не обошли вниманием и служебный кабинет управляющего. Следователь Громов вскрыл сейф и, затаив дыхание, приоткрыл дверцу. Пустота... Только партийный билет лежал на дне.

Поиски клада были тщетными. Но и отступать было некуда — в адресованном исполкому письме, подписанном самим заместителем Генерального прокурора СССР О. Сорокой, приговором прозвучали слова: «Дал заместителю министра Лукьянову П. С. взятку на сумму в 4000 рублей».

От слов своих никто отказываться не собирался. Но и пустыми покидать обшаренный дом, видимо, не хотелось. И разочарованные искатели сокровищ принимают неожиданное решение: паковать и выносить нажитый десятилетиями скарб.

Еще не было законного решения суда о том, каким путем нажито имущество и что отошло по наследству. Тем не менее неудачливые кладоискатели, опережая события, увлеченно паковали вещи. Унести старались побольше, дабы образовалась сумма конфискованного покрупнее. Прихватили даже вилку для лимона (3 руб. 80 коп.), ложку для супа (6 руб. 05 коп.), щипчики д/с (7 руб.). Уволокли и столик из-под телефона и многое из того, что необходимо было в быту.

Или запамятовали «упаковщики» статью 175 Основ уголовного судопроизводства, согласно которой **«арест не может быть наложен на предметы, необходимые для самого обвиняемого и лиц, находящихся на его иждивении»?** Но, увлекшись, арестовали даже коллекцию дорогих вин импортного и советского производства. А для внушительности суммы изъятого утроили стоимость дома (построенного, кстати, еще в 1970 году, когда хозяин не был управляющим). Увеличивали и общую сумму изделий, без учета прежних цен. В список включили суммы, относящиеся к наследству, доставшемуся от отца. Иными словами, делали видимость, что жил не по средствам...

* * *

И все-таки, несмотря на безрезультатность обыска и сомнительность показаний зам. министра Лукьянова, в невиновность управляющего верилось с трудом. Сомнения на этот счет вызывали показания еще одного человека. Оказывается, помимо Лукьянова, на него показал и некто Дроздов.

(Из досье Прокуратуры СССР: «Дроздов Борис Георгиевич, 1939 года рождения, образование высшее, ранее не судимый, работал зам. начальника Главкурортторга Минторга РСФСР, занимая ответственное положение, неоднократно получал взятки...»)

Он-то и дал чистосердечные показания на бывшего управляющего, когда последний бесследно исчез...

МАТ «ГРОССМЕЙСТЕРУ» САШИНУ

Но, изучая добровольные показания Дроздова, не мог не обратить я внимание и на одну немаловажную деталь — в момент дачи разоблачительных показаний свидетель Дроздов находился в стенах одной из камер Краснодарского следственного изолятора. Здесь я не буду распространяться о том, что такое СИЗО и КАКИЕ камеры в них бывают. Об одной из таких подробно рассказывалось в очерке «Камера № 19» («Огонек» № 23, 1989 г.). Это была своеобразная камера пыток, в которой «добровольную» явку с повинной можно было получить от любого...

Дроздов пребывал в камере № 144. В тесном соседстве с убийцами и рецидивистами. Подобное соседство с подследственным, естественно, запрещено. Но оно было. В этой-то ситуации и застал его следователь Сашин, явившись к нему с той же «шахматкой» — шпаргалкой, которую в свое время предлагал зам. министра.

Речь, конечно же, зашла об управляющем, который, по словам следователя, будто бы уже задержан и добровольно заявил о взятках Дроздову. От последнего требовалось не так уж и много — чистосердечно признаться в «содеянном». Тем более что его, дроздовская, участь уже решена, и за другие, ранее совершенные, преступления наказание неизбежно. За сговорчивость ожидало вознаграждение — уменьшение срока наказания.

Предложение тут же пришлось по душе. Тем более что появилась реальная возможность после суда поскорее выбраться из казематов СИЗО в колонию. И он начал «колоться» — давать чистосердечные показания. Обрадованный же Сашин едва поспевал записывать. А записывая, и не подозревал, что в этой «игре» в «шахматку» ему уже был сделан «шах»...

Записал все. В том числе и эпизод, когда в олимпийской Москве 1980 года Дроздов получил в своем служебном кабинете 500 рублей. Не преминул занести в протокол и случай, когда в Москве 1982 года на дворе стоял снежный февраль, а взяткодатель преподнес ему 500 рублей. Записал и эпизод получения 400 рублей в майской столице 1981 года от тов. Лобжанидзе, приехавшего в столичное министерство из солнечных Ессентуков.

И был суд, на котором он повторил сказанное ранее. И, получалось, сдержал свое слово Сашин — осужденный получил минимальный срок — 8 лет за свои 8100 рублей взяток. (Отрицавший же все несговорчивый А. Чуфирин *, сидевший с ним на одной скамье за 5000, получил все 10 лет.— **М. К.**) Итак, довольны остались все: как следователь, так и осужденный. Но вот задерживают в московских «Сандунах» ессентукского управляющего. И дело принимает иной оборот.

Проводят следствие. Идет суд, на котором-то и выясняется, что, когда в столице был снежный февраль и взяткодатель в кабинете Дроздова вручал ему взятку, сам Дроздов, например, находился в Дагестане. Прояснилось тогда и что за «тов. Лобжанидзе» из солнечных Ессентуков приезжал в Минторг — это был кровный брат Николая Павловича, который иногда тоже ездил по командировочным делам в то же министерство, где также отмечался в журнале. (Увлекшийся показаниями Дроздова следователь даже не удосужился уточнить в документах инициалы Лобжанидзе — Б. П. Этот последний следовательский ляп был замечен лишь накануне суда и исключен из обвинения.)

Так что же произошло? Откуда такие ляпы в про-

* Примерно такая же «шахматка» предлагалась и Д. Гончарову, о котором речь не веду намеренно — он уже оправдан по всем совместным с управляющим эпизодам по реабилитирующим обстоятельствам.

* В настоящий момент незаконно осужденный Краснодарским краевым судом (судья Королихин Е. Н.) Анатолий Николаевич Чуфирин оправдан Верховным судом СССР за отсутствием состава преступления. Он восстановлен в партии и всех гражданских правах. О нем рассказывалось ранее в моем судебном очерке «Кандидат в подсудимые» («Огонек» № 20, 1988 г.).

токолах? Это и объяснял суду сам Дроздов:

«Анализируя создавшуюся обстановку, я пришел к выводу, что единственной возможностью сохранить здоровье, т. е. не подвергаться физическому воздействию со стороны специально подобранных «сокамерников», а также вырваться из СИЗО и получить в дальнейшем наименьший срок, поможет только вынужденный самооговор...»

То есть Дроздов прекрасно знал, что управляющий в розыске, и упоенно лгал в расчете на то, что увлеченное обвинительным уклоном следствие не станет перепроверять документы. Так оно и вышло. Следствие довольствовалось одними голословными его показаниями. Но думал ли Дроздов, облегчающий свою участь, о судьбе «взяткодателя»? Ведь участь последнего после ареста и суда усугублялась бы вдвойне. Оказывается, думал.

«Дав эти придуманные показания,— пояснял он уже Гагаринскому нарсуду столицы, **— я думал, что в дальнейшем, путем допроса лиц, сопоставления дат и проведения очных ставок ВЫЯВИТСЯ ВСЯ АБСУРДНОСТЬ вымышленных мною эпизодов «получения» взяток...»**

Получалось, заключенный Дроздов одновременно давал судье Егорову хороший шанс продемонстрировать свою умудренность в период судебного расследования. Ничего не подозревавшего судью ждала в 22-томном деле подложенная Дроздовым «мина» замедленного действия...

Но шанс так и не был использован — блюститель закона Егоров по старинке просто проштамповал обвинительное заключение, заметив при этом, что «показания осужденного Дроздова последовательны и объективны».

* * *

Я внимательно читал дело и не мог понять одного: как же не увидел судья абсурдности всего обвинения? Ведь если бы даже и давались взятки, то ЗА ЧТО? В приговоре указано, что «за содействие в работе, увеличение ассигнований на строительство, улучшение снабжения...» и т. п. Но ведь ничего же этого не было. По крайней мере в деле-то я не нашел НИ ЕДИНОГО доказательства. (Как, впрочем, и доказательств вменявшейся ему статьи 175 (должностной подлог) — в деле не нашлось ни одной подделки, подчистки или противозаконной подписи осужденного.)

Что же в таком случае ослепило народного судью? Может, издавна сформировавшийся в наших умах стереотипный образ человека из общепита, которого с детства привыкли мы видеть пристрастно изображенным в газетных карикатурах — с извечно переполненными авоськами. Или нет среди них честных, порядочных людей? Если из общепита, значит, обязательно хапуга, вор? Но стереотипы ли должны править нашими судьями? Ведь если правят, то обречен человек, попавший на скамью подсудимых, решена его участь...

Но до чего же велика подчас сила стереотипа! Под его влияние попал, признаться, и я, когда дочитывал егоровский приговор. Но еще больше овладел он мною, когда прочитал:

«Допустил злоупотребления служебным положением, повлекшие за собой тяжкие последствия, выразившиеся в нанесении значительного материального ущерба — организовал со складов систематическую продажу дефицитных товаров...» Впечатляла и с точностью до копейки подсчитанная сумма проданного, видимо, взятая следствием не с потолка: 105 057 рублей 55 копеек. А плюс ко всему и ущерб (262 401 рубль), нанесенный в результате этой торговли)...

Значит, виноват и не подвел стереотип? Выходит, переступил черту Закона хоть в чем-то. Но в чем? Конкретно? На этот вопрос и ответил я более конкретно, когда побывал на месте совершения преступления, в южных городах Ессентуки, Кисловодск. Там-то и узнал об обстоятельствах, которые странным образом остались за полями уголовного дела...

ГРЕХ «ПАЛЫЧА»

...Разодетыми толпами отдыхающих пестрил курортный городок. Я шел по его улицам, то тут, то там встречая на пути здания необычной архитектуры. Это и были те самые места, где совершалось упомянутое в приговоре преступление. Столовые, рестораны, кафе... Непривычными для взора современника выступали «крепостные» стены ресторана «Застава», выделялся из серого городского фона выстроенный в олимпийский год ресторан «Олимпия»...

Впрочем, ничего этого когда-то не было и в помине. А стояли наводящие зеленую тоску прямоугольные коробки зданий-близнецов. Этой-то архитектурной серости и решил дать он бой, позвав в союзники известного грузинского архитектора Г. С. Хичинашвили. Фантастические проекты замыслили они тогда на бумаге. Оставалось главное — вдохнуть в проекты жизнь. Кто только будет строить?

Трестовское СМУ — маломощно. А черепашьи темпы его не устраивали — поджимали сроки освоения банковских ссуд. Не освоишь в срок деньги — не получишь ссуду в следующий раз. Но другого СМУ не было. Силы оставались те же. И он решил их утроить. Причем не меняя штатного расписания...

Поговорил по душам со строителями — с каждым в отдельности. Показал фантастические проекты. Кого зажег мечтой, кого просто уговорил. И парни в стройшлемофонах начали работать. За троих! За пятерых! А вместе с ними и он — управляющий трестом Николай Павлович Лобжанидзе — для них просто Палыч, пропадающий на стройплощадках, где нередко работал наравне с другими, до полуночи, облачившись в брезентуху. Благо сапоги и спецовка всегда лежали в багажнике «персоналки».

Но все же понимал: личный пример не так уж и много. Он-то работал за мечту. А они? Надолго ли хватит? И, помимо прибавки к зарплате, Палыч ввел важный дополнительный стимул — дал добро на продажу строителям дефицитных продовольственных товаров, которые должны были проходить с наценкой через кафе. Строителям же шло **без наценки.** Люди ценили заботу и работали пуще прежнего.

По существу, на деле осуществлялся важный принцип уже сегодняшних дней: «каждому по труду». Так и должно быть. К этому и необходимо стремиться. Росли жилые дома, причудливые здания, а вместе со зданиями и та внушительная сумма из приговора.

Когда за работу взялось следствие, оно добросовестно перерыло в поисках криминала все бухгалтерское «хозяйство» треста. И, не обнаружив ничего, узрело криминал в этом, насчитав эфемерные, но внушительные суммы. А именно, следствие взяло всю ту наценку, которая **могла бы** получиться от продажи дефицитных продуктов (262 401 рубль 2 коп.) и вменило ее управляющему как ущерб. Хотя если бы продукты продавались именно с наценкой, то это-то как раз и было бы чистой воды спекуляцией. В данном случае об ущербе не могло быть и речи, так как от этого «ущерба» государство не пострадало ни на копейку.

Но не хуже самих следователей знал управляющий о том запрещающем приказе Минторга, согласно которому торговать такими продуктами можно не со склада, а **«только в специально отведенных магазинах».**

И как еще должен был поступать закованный в кандалы инструкций управляющий, если такие спецмагазины есть не во всех городах? А если и имеются, то исключительно для избранных мира сего. Кого винить, если система нашей торговли, снабжения и по сей день не стремится обеспечивать нужными товарами с учетом принципа «каждому по труду» и социальной справедливости? Разве строители или недавно бастовавшие шахтеры виноваты в том, что пусты прилавки одних магазинов и ломятся от спецпайков другие?

Не по этим ли причинам с протянутой рукой шли к управляющему ветераны, инвалиды Великой Отечественной войны. Он, конечно же, мог прикрыться тем же удобным министерским приказом и отказать... Но не хватало духа. Шли посудомойки, повара, маляры треста. Но обращались в исключительных случаях — продукты просили на похороны, поминки, проводы. Иногда обращались при подобных обстоятельствах и родственники.

Отказать не мог никому. Хотя в основном на этот счет были допрошены лишь родственники. Следствие будто пыталось придать действиям Палыча исключительно корыстный фон — мол, греб только под себя, «злоупотреблял, преследуя личные интересы». Может, именно поэтому не принял следователь специально принесенное коллективное письменное заявление строителей, проясняющее многое, не допросил на этот счет ни одного ветерана войны, инвалида. И это естественно — протоколы допросов таких свидетелей создали бы положительный фон «преступнику» и не получилось бы «безупречного» обвинительного заключения. Не получилось бы преступника в идеальном смысле этого слова. Ни одного из таких свидетелей не допросил и суд, отмеривший Палычу 9 лет лишения свободы. С конфискацией имущества. С отбыванием наказания в колонии усиленного режима. Так добро стало наказуемым. И торжествующим зло:

на повышение пошел народный судья Г. Егоров — ныне он председатель того же, Гагаринского, суда столицы;

в юридический кооператив подался следователь по особо важным делам тов. Сашин. Он теперь ярый поборник справедливости — оказывает юридическую помощь населению. Стоит, так сказать, на страже социалистической законности...

КАК ПОБЕДИТЬ ЦАРИЦУ?

Вопрос вопросов нашего правосудия, ответ на который пока, увы, не найден. Явным остается одно — верх и на этот раз одержала она, Царица доказательств — признание. Одержала начисто, как и в те былые, тридцать седьмые, времена.

Приговор по Палычу — продукт, как говорится, тех застойных лет. Хотя далеко не застойными были те годы. Напротив — в высшей степени активными. Активными в травле всего нового — того, что посягало на ИХ покой. На тех же, кто не вписывался в удобный шаблон, воздействовали «общественно». А не помогало — определяли в смирительную робу, высылали в Горький, помещали в тюремные камеры типа 19-й.

В одной из таких скончался «инакомыслящий» директор опытного совхоза И. Худенко, в другой — известный ученый И. Хинт, в третьей... Это были годы безнаказанности тех, кто и сейчас вершит правосудие, расследует **чьи-то** уголовные дела прежними методами. И сегодня нет уверенности в том, что об этих «чьих-то» делах наши потомки не будут вспоминать как о делах Хинта, Худенко и им подобных.

Как никогда нужны нам сейчас те светлые головы и золотые руки, начавшие перестройку еще ТОГДА. И их основная трагедия в том, что именно сегодня бездействуют они. Бездействуют не потому, что обуяла лень. Нет. Просто одних не пускает решетка, других — прошлые «грехи». К последним относится Палыч, отбывший на сегодняшний день полсрока и досрочно, за примерный труд, выбывший из мест заключения...

ПОЧЕМУ НЕ ВЗЛЕТЕЛА «ЧАЙКА»...

И я не взялся бы за написание этого очерка, если бы не то, что довелось видеть мне в Ессентуках, Кисловодске,— созданное стараниями Николая Павловича приходило в упадок. Кафе опустились до уровня забегаловок, а столовые превратились в «казармы». В диетической столовой «Октябрьская» (гордости бывшего управляющего) сыпалась с потолка штукатурка, готовая в любой момент «спикировать» в суп обедающему гастритчику. Для приехавших со всей страны желудочных больных резко уменьшилось число специализированных диетических мест — с 2000 до 160. Ухудшилось и рабочее питание. Рядом с детским залом, увешанным паутиной, снова торговали водкой (с чем так боролся бывший управляющий). А в одной из столовых произошло отравление 22 человек. Засаленные стены залов, бедный ассортимент блюд, вонь из туалетов, грязь на кухнях — это все, что увидел я в бывшем хозяйстве Палыча. В запустение пришло все. Хозяйство нуждалось в хорошем хозяине. А хозяин сидит и практически бездействует — не пускают прошлые «грехи».

Среди всего запустения ко мне подходили десятки людей. Это были простые посудомойки, рабочие кухни, зав. столовыми, строители. Ведь именно по их коллективным письмам приехал я в эти два города.

— Помогите вернуть Палыча,— говорили они, наивно полагаясь на могущество журналистского пера.

Я слушал откровенные их речи, а в памяти крутилась та фраза из приговора — об ущербе. Я не знаю, где сейчас трудится тот эксперт-бухгалтер, который корпел, подсчитывая «ущерб». Но где найти сегодня бухгалтера, способного вычислить ущерб реальный, нанесенный следствием, так бесцеремонно вторгшимся в жизнь треста? И сколько стоили подобные вторжения всему нашему государству, когда в угоду следствию без особой надобности парализовалась работа целых цехов, впустую отрывались от дела сотни специалистов?..

Накануне того памятного утра в гостинице «Россия», когда следователь Сашин постучался в его жизнь, управляющий как раз «выбил» фонды на строительство нового, крупнейшего в Европе, трехэтажного ресторана «Чайка». Реальная прибыль от него в условиях курорта составила бы 800—900 тысяч рублей в год. Уже сломали старое здание. Оставалось осуществить проект, который мне довелось видеть. Это была бы вершина градостроительства, взлет архитектуры!

Но, крадучись, явилось следствие. И «взлет» не состоялся — не хватило надежного «штурмана». Начатый котлован закопали. А вместо «Чайки» построили кооперативный туалет. Постройка эта, красуясь прибранным своим фасадом, и по сей день стоит по соседству со всемирно известной кисловодской Колоннадой. Стоит памятником, напоминающим кисловодчанам о бригаде залетных следователей из столицы...

* * *

Не берусь судить, «взлетит» ли «Чайка» и вернется ли доброе имя ее создателю. Уверен в одном: неимоверно трудно подчас, забыв о чести мундира, признавать прошлые ошибки. Но делать это крайне необходимо, и именно сегодня. Для нашего же завтра, которое мечтаем увидеть правовым. Чтобы святой алтарь правосудия не оставался плахой для невиновных...

БЛЕСК И НИЩЕТА "СВЯТОЙ КРЕПОСТИ"

Елена ИВАНОВА,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»

Знаете, как переводится на русский язык слово «Выборг»? «Святая крепость». Именно так назвали шведы замок, построенный на Карельском перешейке в конце XIII века. Отсюда, с этого места, и пошел город, который собирается вскоре отметить свое 700-летие.

А вот археолог, кандидат исторических наук Вячеслав Тюленев утверждает, что не 700-летие, а чуть ли не 800-летие надо отмечать, поскольку недавние раскопки обнаружили здесь следы жизни местных племен карелов, друживших с людьми новгородскими.

Значит, не от этого замка пошла выборгская земля.

Не устояло тогда перед шведскими феодалами новгородское войско. Однако в 1710 году город был завоеван русскими воинами Петра I. Выборг, как и весь Карельский перешеек, отошел к России. Впоследствии он оказался во владении буржуазной Финляндии, отношения с которой были прерваны в начале второй мировой войны.

Но уже в марте 1940 года был подписан договор между СССР и Финляндией. Выборг прожил мирной жизнью всего 15 месяцев. И вновь оказался в горниле войны — Великой Отечественной.

Говорю это для того, чтобы лишний раз напомнить, как многострадальна была судьба этой земли. О ней не слишком подробно, но достаточно красноречиво повествует краеведческий музей. Иные периоды просто отсутствуют, а другие все еще не пришли в соответствие с правдой истории. К своему удивлению, я увидела здесь портрет А. А. Жданова как одного из героев наших побед. И не так уж далеко от портрета — клочок бумаги с предсмертными словами: «Нас осталось 5 человек — это все, что осталось в батальоне. Отбили 9 атак». Подпись неразборчива. Записку нашли в бутылке, прибитой водами к берегу.

Кощунственным показалось мне такое соседство. Кто они, погибшие здесь и по вине ждановых? Русские, узбеки, украинцы, белорусы... Остались после них только братские могилы. Да спасенные ими уникальные замки и ратуши, соборы и церкви.

Выборг очень органичен в своем многообразии. Здесь древность соседствует с постройками русского классицизма, финский модерн начала века — с геометрическими формами 30-х годов. И уж, порой совсем некстати, вторгаются наши «черемушки», вездесущие, как тараканы.

По брусчатым мостовым и колдобистому современному асфальту ходят толпами финны, шведы, датчане. Дивятся архитектуре, имеющей иногда отношение и к их предкам.

— А вот коренные карелы, финны, шведы живут здесь ныне? — спросила я первого секретаря горкома партии В. А. Шляхтова.

— Имеете в виду национальные проблемы? — улыбнулся он.— Их нет. Вы же знаете, как заселялся город.

Знаю. И все-таки неужели оставшееся в живых финское население покинуло родную землю и уехало в сопредельные страны? Не может быть такого! Вот хотя бы молодая женщина Ирина Петрова, с которой разговорилась возле руин кафедрального собора. Она финка. Родные и знакомые ее тоже финны.

— И много вас здесь?

— Точно не знаю. Хотелось бы всем вместе встречаться, да негде.

— Почему не организуете свой клуб, для детей — школу на родном языке?

— А разве можно?..

Не пассивность ли наша часто становится причиной многих неурядиц, хотя звучит это странно в дни, когда всё митингует и кричит?! А если мирно, но упорно и по-деловому?

Право, есть в таком пути привлекательные моменты. Не без успеха доказывает правоту мысли наступательная деятельность главного архитектора города Нелли Анатольевны Ли. Много забот у этой женщины. Что вполне объяснимо: она отвечает за «внешность» крупного районного центра, который первым встречает зарубежных гостей с севера.

Ох, уж эти гости! Не им ли в первую очередь отдается все внимание? Лучшая гостиница «Дружба». А та, что для своих, наполовину сломана.

Лучшие рестораны. Свои пусть довольствуются «Пельменной». Гостеприимство, замечательное свойство советских людей, иной раз превращается в нечто, чему трудно найти объяснение.

Нелли Анатольевна, вырвав минуту, повозила нас по улицам и площадям. Мы дивились уникальным строениям, отреставрированным памятникам архитектуры.

Когда машина притормаживала, к архитектору кто-нибудь подходил с просьбой или вопросом. Но деловая женщина спешила, так как сегодня улетала в Англию.

Дни-то какие! Обсуждается вопрос о свободной экономической зоне, которая в будущем и насытит рынок товарами, и обеспечит выпуск конкурентоспособной продукции, и накопит валюты... Все в будущем. Но и сегодня делаются кое-какие шаги. В нашем присутствии Нелли Анатольевна вела переговоры с директором советско-западногерманской фирмы «Диамекс интернешнл» о передаче фирме старинного здания под гостиницу высшего разряда. Жильцы дома уже выселены.

Несомненно, прекрасно строить дорогие отели с бассейнами, сауной, интерьерами в стиле ампир. Качать валюту тоже прекрасно. Но не покидает мысль: а нельзя ли поглубже сначала изучить собственные проблемы? Ведь город с населением более чем 85 тысяч человек не имеет своего бассейна. Но это не главная беда.

Говорю не в упрек главному архитектору, она работает на этой должности недавно. Хочется, чтобы прислушалась она к голосу своих братьев — архитекторов. Гниет и разрушается город изнутри. Взятые под охрану государства памятники культуры часто «приглаживаются» только внешне. Их подтачивают ливневые воды, насосы сгнили, трубы забиты грязью. Кому их чистить?

Парадокс — город, окруженный водой, испытывает нехватку питьевой воды. Вылечит ли эти болячки открытие свободной зоны?

А народ здесь сейчас творит неистовый. Не только за деньги работает, зарплата у реставраторов и архитекторов слишком мала. Она больше напоминает подачку. И не за скупые рубли люди, рискуя жизнью, по веревке забираются на высоченные башни, дабы руками пощупать, глазами убедиться, чем камень болен. Верхолазами стали архитекторы высокого класса. И сколько же им всего не хватает в работе! И как неблагоустроены их рабочие места! Кому, как не главному архитектору, позаботиться о коллегах?

Все уповаем на помощников извне. А те порой недоумевают, как можно разбрасываться талантами, погребать ценности, могущие приносить пользу?

Разве не стыдно читать о том, что в США издан труд о гибели всемирно известной библиотеки в Выборге? Спроектировал ее финский архитектор Алвар Аалто. Как только она была воздвигнута в 1935 году, учебники всего мира записали ее как уникальный памятник, в котором все функционально зависимо, все гениально просто.

Со временем даже памятники требуют ремонта. Но библиотека сделана так, что традиционным ремонтом здесь не обойдешься. Ее надо реставрировать с учетом всех инженерных и архитектурных особенностей. «Изюминкой» здания является свет, проникающий через люки в потолке при глухих стенах. В потолке же находится и отопительная система. Поэтому к крыше, казалось бы, должно быть приковано особое внимание специалистов. Власти не поскупились на средства. Но, увы, отдали памятник архитектуры в руки не реставраторов, а ремонтников. Из-за неразумного вмешательства «непрофессионалов», которых у нас пруд пруди, крышу залили гудроном. Забылся авторский проект, нарушилось цветовое решение интерьеров, полностью уничтожились системы вентиляции и дренажа. В результате — крыша течет, под угрозой сохранность 500 тысяч экземпляров книг.

«В мире существует лишь очень немного подобных зданий... Пожалуйста, сделайте все, что в ваших силах, для того, чтобы привести его в первоначальное состояние, сохранив для будущих поколений»,— умоляет архитектор из Нидерландов Герман Гертцбергер.

Уши краснеют от этих слов!

Спасать надо. Едем за советом в Финляндию.

Светлану Ивановну Семенову, директора библиотеки, беспокоит еще один аспект дела: Алвар Аалто не мог предвидеть, что книжные фонды возрастут втрое, а количество читателей — впятеро. Надо бы расширяться за счет соседних домов. Поймут ли власти ее заботы? Хочется верить, что поймут. Как поняли идею группы архитекторов — на руинах кафедрального собора возвести Центр эстетического воспитания детей. Это очень важно для Выборга, где, к сожалению, многие мальчишки выпрашивают у иностранцев все, что угодно, а иные юноши и девушки фарцуют на глазах у прохожих.

Новое здание, в которое по воле архитектора В. И. Соболева органично впишутся живописные руины собора, должно быть готово в 1993 году.

С удовлетворением отмечаешь знаки перестройки. Сколько лет понадобилось бы ранее на рождение и утверждение столь необычного проекта?

Начинают разгребаться завалы. Люди словно очнулись от летаргического сна, включились в борьбу за право жить достойно.

И уже вертится колесо. Покидают насиженные места заводы, освобождается центр города от предприятий.

Еще одна, прямо скажем, жестокая борьба увенчалась успехом. Наконец-то местному парку «Монрепо» присвоен статус музея-заповедника. Пять лет длилось «сражение» Выборгского отделения общества охраны памятников истории и культуры с бюрократами всех мастей. Спасти жемчужину садово-паркового искусства помог и академик Д. С. Лихачев. Единственный в северных широтах страны наскальный парк, созданный в XVIII веке, теперь будет таким, как сотворили его великие зодчие прошлого. Здесь дикая природа сочетается с рукотворной. К сожалению, в бытность на его месте парка культуры и отдыха имени М. И. Калинина дикая природа успела «одичать», а рукотворная — прийти в негодность. К тому же пожар прошлого года, уничтоживший частично памятник деревянного зодчества XVIII века, довершил картину разгильдяйства и равнодушия к духовным ценностям тех, кто проповедует «остаточный принцип» по отношению к культуре.

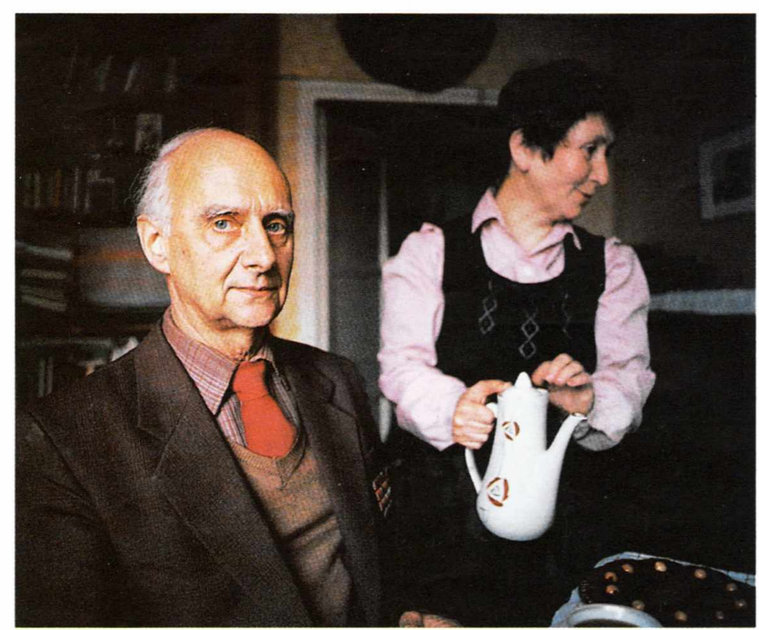
Хочется верить, что коллектив, пусть небольшой, призванный возродить парк, отнесется к своим обязанностям со всей ответственностью. Ему, несомненно, помогут энтузиасты. Один из них — искусствовед Евгений Евгеньевич Кепп. Сколько книг, статей он написал, сколько прочел лекций в защиту сокровищ родного края! Все ратовал за возрождение эпохи Возрождения. Недаром темой его дипломной работы в ленинградском Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина была архитектура Выборга. Окончил он вуз намного позже своих сверстников.

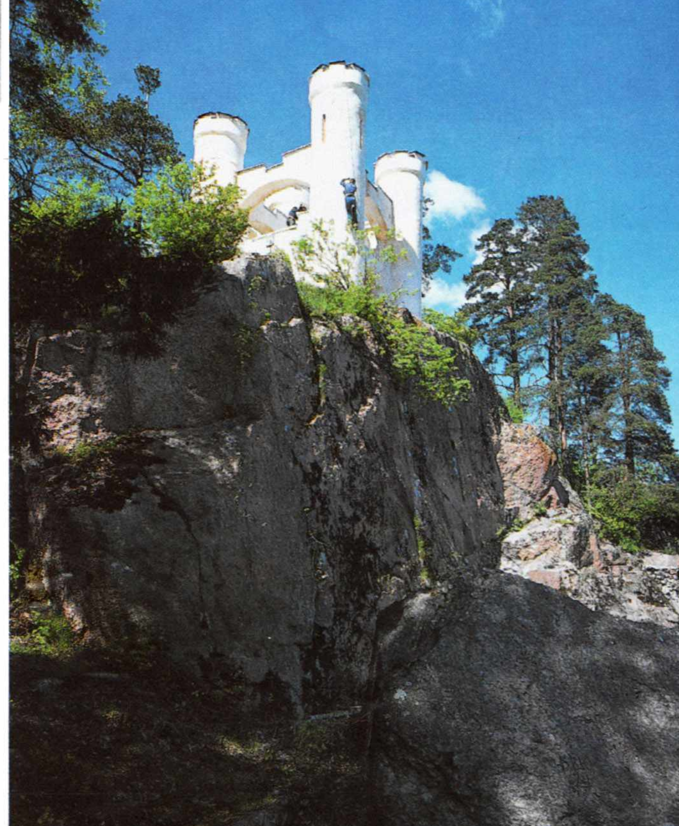
...Сидит он передо мной в своей ма-

леньской квартирке, до потолка набитой книгами, чопорный, в костюме при галстуке. Иначе, говорит, не может. Даже дома не признает вольностей в одежде. Седой человек с ясными глазами юного правдоискателя. Рассказывает о Петергофе, в котором рос. Мать работала экскурсоводом. Отец после ареста 1937 года домой не вернулся. Война. Мальчиком помогал матери ухаживать за сиротами. Они укрывали детей от фашистов. Получился «подпольный детский дом». И сейчас его бывшие воспитанники пишут письма.

Потом фронт. Воевал, дошел до Берлина. После победы еще долго оставался в армии. Только в 1950 году сменил военную форму на цивильный костюм.

— Тяжело видеть, как распродаются

иностранцам камни, за которые мы проливали кровь,— вздыхает он.

...Почему там, «у них», с удовольствием смотрят классические спектакли советского самодеятельного театра, а у нас — нет? Почему там, у них, молодежь, уютно расположившись на лужайке, может слушать симфонический оркестр, исполняющий Рахманинова и Стравинского, а у нас филармонические концерты прогорают? А где наши лужайки с оркестрами? Где молодые люди, замирающие в ожидании музыки Чайковского или Баха?

По телевидению — рок. С эстрады — рок. В дискотеках — рок. Афиши Выборга сообщают о конкурсах молодежных и инструментальных групп, играющих в стиле рок. В шуме модного направления тонут звуки серьезной музыки и серьезное отношение к искусству. О нем напоминают седые стены замков, кружева чугунных оград, вдохновенные лица ребят у мольбертов в школе Бондарика. И тихие мелодии вальсов в квартире Кеппа. И еще споры в кабинетах архитекторов-реставраторов, озабоченных сохранением своей «святой крепости».

Более шести десятилетий тому назад бежал из СССР на Запад секретарь Сталина Борис Бажанов (1900—1982). Беглец сразу же стал ценной находкой и для органов эмигрантской печати, и для спецслужб западных держав. Их, конечно, интересовали не только государственные секреты, о которых был достаточно полно осведомлен Бажанов, но и сведения о вновь выдвигающемся лидере Коммунистической партии и Советского государства И. Сталине, его взглядах, привычках и наклонностях.

До конца своих дней Бажанов оставался ярым антисоветчиком, хотя в последние десятилетия он и отошел от политики. Своей вражды к СССР Бажанов в своей книге не скрывает. Мало того, он описывает, как в конце 1939 года под влиянием прилива обуявшей его ненависти против Советского государства Бажанов совершает безумный авантюристический трюк. Во время советско-финской войны он пришел к выводу, что можно с помощью советских солдат, находившихся в финском плену, начать завоевательный поход на Москву. Он считал, что начнет свой поход с тысячей человек, а затем за счет массового перехода на его сторону советских солдат под его командованием окажется 50 дивизий. Как и следовало ожидать, авантюрный замысел Бажанова потерпел крах.

В 1929 и 1930 годах он опубликовал ряд своих статей в парижской печати и выпустил небольшую книгу своих воспоминаний, в которой главное место уделил Сталину и его окружению. Рассказывают, что Сталин посылал специальный самолет к каждому выходу газеты с воспоминаниями Бажанова. В последующие годы Бажанов дополнял свою книгу, расширял и уточнял некоторые детали. В 1980 году вышло наиболее полное издание записок Бажанова. Настала пора ознакомить с фрагментами его воспоминаний и советского читателя.

Мемуары Бажанова, как и другие произведения подобного рода, в сильной степени грешат субъективизмом. Более того, в них содержится некоторый налет хлестаковщины. Так, если верить Бажанову, то он, не имея экономического образования, превосходно разбирался во всех финансово-экономических проблемах, убеждал Сталина, что Ягода якобы глупец, оказывал существенное влияние не только на Кагановича, Молотова, но и на Сталина.

И все же, несмотря на субъективизм, хлестаковщину, иногда явные фактические ошибки, в мемуарах есть факты, мысли и наблюдения, которые представляют интерес для многих читателей, в том числе и для многих специалистов. Особенно важны личные наблюдения автора мемуаров за жизнью и деятельностью Сталина и его ближайшего окружения. Некоторые наблюдения автора спорны (в частности, утверждения о том, что Сталин якобы ничего не читал), но большинство их все же правильные. Это особенно относится к тем эпизодам, где Сталин проявлял свою хитрость, коварство, мстительность и жажду власти.

Именно хитрость и коварство помогли Сталину расправиться со своими идейными противниками и соперниками. Они помогли также Сталину создать о себе ложное представление у таких деятелей мировой литературы, как Анри Барбюс, Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Бернард Шоу, Максим Горький и другие.

В тот отрезок времени, когда Бажанов являлся секретарем у Сталина, велась ожесточенная борьба за власть. Вначале образовавшийся триумвират (Зиновьев, Каменев, Сталин) опрокинул Троцкого, а затем с помощью других членов Политбюро Сталину удалось убрать с дороги и своих бывших партнеров по борьбе с Троцким.

Бажанов довольно колоритно показал и тех персон, которые находились в непосредственном окружении Сталина: Мехлис и Каганович, Товстуха и Каннер, Молотов и Ягода, Назаретян и Ворошилов...

Многие факты, сообщаемые Бажановым, подтверждаются другими источниками. Но некоторые эпизоды требуют тщательной проверки.

Публикация мемуаров Бажанова позволит по-новому взглянуть на события нашей недавней истории.

Н. Г. ПАВЛЕНКО, доктор исторических наук, генерал-лейтенант

ОТ РЕДАКЦИИ.

Журнальный вариант книги Б. Бажанова «Воспоминания бывшего секретаря Сталина» печатается с разрешения издательства «Третья волна» (Франция). Мы оставляем без изменений и комментариев многие факты и даты (а также и орфографию) первоисточника, надеясь, что на публикацию откликнутся специалисты. Мы с удовольствием предоставим на наших страницах им слово.

Борис БАЖАНОВ

Кремль, 20-е годы

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО СЕКРЕТАРЯ СТАЛИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Мои воспоминания относятся главным образом к тому периоду, когда я был помощником Генерального секретаря ЦК ВКП (Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии) Сталина и секретарем Политбюро ЦК ВКП. Я был назначен на эти должности 9 августа 1923 года. Став антикоммунистом, я бежал из Советской России 1 января 1928 года через персидскую границу. Во Франции в 1929 и 1930 гг. я опубликовал некоторые из моих наблюдений в форме газетных статей и книги. Их главный интерес заключался в описании настоящего механизма коммунистической власти — в то время на Западе очень мало известного,— некоторых носителей этой власти и некоторых исторических событий этой эпохи. В моих описаниях я всегда старался быть скрупулезно точным, описывал только то, что я видел или знал с безусловной точностью. Власти Кремля никогда не сделали ни малейшей попытки оспорить то, что я писал (да и не могли бы это сделать), и предпочли избрать тактику полного замалчивания — мое имя не должно было нигде упоминаться. Самым усердным читателем моих статей был Сталин: позднейшие перебежчики из советского полпредства во Франции показали, что Сталин требовал, чтобы всякая моя новая статья ему немедленно посылалась аэропланом.

Между тем, будучи совершенно точным в моих описаниях фактов и событий, я, по соглашению с моими друзьями, оставшимися в России, и в целях их лучшей безопасности, должен был изменить одну деталь, касавшуюся меня лично: дату, когда я стал антикоммунистом. Это не играло никакой роли в моих описаниях — они не менялись от того, стал ли я противником коммунизма на два года раньше или позже. Но, как оказалось, меня лично это поставило в положение, очень для меня неприятное (в одной из последних глав книги, когда я буду описывать подготовку моего бегства за границу, я объясню, как и почему мои друзья просили меня это сделать). Кроме того, о многих фактах и людях я не мог писать — они были живы. Например, я не мог рассказать, что говорила мне личная секретарша Ленина по очень важному вопросу — это ей могло очень дорого стоить. Теперь, когда прошло уже около полувека и большинства людей этой эпохи уже нет в живых, можно писать почти обо всем, не рискуя никого подвести под сталинскую пулю в затылок.

Кроме того, описывая сейчас те исторические события, свидетелем которых я был, я могу рассказать читателю о тех выводах и заключениях, которые вытекали из их непосредственного наблюдения. Надеюсь, что это поможет читателю лучше разобраться в сути этих событий...

ВСТУПЛЕНИЕ В ПАРТИЮ

Я родился в 1900 году в городе Могилеве-Подольском на Украине. Когда пришла февральская революция 1917 года, я был учеником 7-го класса гимназии... Летом 1918 года я закончил гимназию, а в сентябре отправился продолжать учение в Киевский университет на физико-математический факультет. Увы, учение в университете продолжалось недолго. К ноябрю определилось поражение Германии, и германские войска начали оставлять Украину. В университете забурлила революционная деятельность — митинги, речи. Власти закрыли университет. Я в это время никакой политикой не занимался — в мои 18 лет я считал, что я недостаточно разобрался в основных вопросах жизни общества. Но как и большинство студентов, я был очень недоволен перерывом учения — я приехал в Киев из далекой провинции учиться. Поэтому, когда была объявлена студенческая демонстрация на улице против здания университета в знак протеста против его закрытия, я отправился на эту демонстрацию...

В 1919 году развернулась гражданская война и наступление на Москву белых армий от окраин к центру. Но наш подольский угол лежал в стороне от этой кампании, и власть у нас оспаривалась только петлюровцами и большевиками. Летом 1919 года я решил вступить в коммунистическую партию...

Вступив в местную организацию партии, я скоро был избран секретарем уездной организации. Характерно, что мне сразу же пришлось вступить в борьбу с чекистами, присланными из губернского центра для организации местной чеки. Эта уездная чека реквизировала дом нотариуса Афеньева (богатого и безобидного старика) и расстреляла его хозяина. Я потребовал от партийной организации немедленного закрытия чеки и высылки чекистов в Винницу (губернский центр). Организация колебалась. Но я быстро ее убедил. Город был еврейский, большинство членов партии были евреи. Власть менялась каждые два-три месяца. Я спросил у организации, понимает ли она, что за бессмысленные расстрелы чекистских садистов отвечать будет еврейское население, которому при очередной смене власти грозит погром. Организация поняла и поддержала меня. Чека была закрыта.

Советская власть продержалась недолго. Пришли петлюровцы. Некоторое время я был в Жмеринке и Виннице, где в январе 1920 года я неожиданно был назначен заведующим губернским отделом народного образования. Эту мою карьеру прервал возвратный тиф, а затем известие о смерти от сыпного тифа моих родителей. Я поспешил в родной город. Там еще были петлюровцы. Но они меня не тронули — местное население поручилось, что я — «идейный коммунист», никому ничего кроме добра не делавший и, наоборот, спасший город от чекистского террора...

Через месяц был занят Могилев; я был переведен туда и снова избран секретарем уездного комитета партии.

В октябре советско-польская война кончилась, в ноябре был занят Крым; гражданская война завершилась победой большевиков. Я решил ехать в Москву продолжать учение.

В ноябре 1920 года я приехал в Москву и был принят в Московское Высшее Техническое Училище...

В конце января 1922 года я решил снова уезжать на Украину. В лаборатории количественного анализа моим соседом был молодой симпатичный студент Саша Володарский. Он был братом Володарского, питерского комиссара по делам печати, которого убил летом 1918 года рабочий Сергеев. Саша Володарский был очень милый и скромный юноша. Когда, услышав его фамилию, его спрашивали: «Скажите, вы родственник того известного Володарского?» — он отвечал: «Нет, нет, однофамилец».

Я спросил его мнение, кого бы предложить на мое место в секретари ячейки. Почему? Я объяснил: хочу уехать, не могу дальше голодать.

— А почему вы не делаете, как я? — спросил Володарский.

— Как?

— А я полдня учусь, полдня работаю в ЦК партии. Там есть виды работы, которую можно брать на дом. Кстати, аппарат ЦК сейчас сильно расширяется, там нужда в грамотных работниках. Попробуйте.

Я попробовал. То, что я был в прошлом секретарем Укома партии и сейчас секретарем ячейки в Высшем Техническом, оказалось серьезным аргументом, и Управляющий Делами ЦК Ксенофонтов (кстати, бывший член коллегии ВЧК), производивший первый отбор, направил меня в Орготдел ЦК, где я и был принят.

В ОРГОТДЕЛЕ. УСТАВ ПАРТИИ

В это время происходило чрезвычайное расширение и укрепление аппарата партии. Едва ли не са-

мым важным отделом ЦК был в это время организационно-инструкторский отдел, куда я и попал (скоро он был соединен с учраспредом в орграспред — организационно-распределительный отдел). Наряду с основными подотделами (организационный, информационный) был создан маловажный подотдел — учета местного опыта. Функции у него были самые неясные. Я был назначен рядовым сотрудником этого подотдела. Он состоял из заведующего — старого партийца Растопчина — и пяти рядовых сотрудников. Растопчин и трое из пяти его подчиненных смотрели на свою работу как на временную синекуру. Сам Растопчин показывался раз в неделю на несколько минут. Когда у него спрашивали, что, собственно, нужно делать, он улыбался и говорил: «Проявляйте инициативу». Трое из пяти проявляли ее в том смысле, чтобы найти себе работу, которая бы их более устраивала; и в этом они, правда, скоро успели...

Хотя я и работал мало, скоро мне пришлось столкнуться с заведующим Орготделом Кагановичем.

Под его председательством произошло какое-то инструктивное совещание по вопросам «советского строительства». Меня посадили секретарствовать на этом совещании (так просто, попал под руку). Каганович произнес чрезвычайно толковую и умную речь. Я ее, конечно, не записывал, а сделал только протокол совещания.

Через несколько дней редакция журнала «Советское строительство» попросила у Кагановича руководящую статью для журнала. Каганович ответил, что ему некогда. Это была неправда. Дело было в том, что человек чрезвычайно способный и живой, Каганович был крайне малограмотен. Сапожник по профессии, никогда не получивший никакого образования, он писал с грубыми грамматическими ошибками, а писать литературно просто не умел. Так как я секретарствовал на совещании, редакция обратилась ко мне. Я сказал, что попробую.

Вспомнив, что говорил Каганович, я изложил это в форме статьи. Но так как было ясно, что все мысли в ней не мои, а Кагановича, я пошел к нему и сказал: «Товарищ Каганович, вот ваша статья о советском строительстве — я записал то, что вы сказали на совещании». Каганович прочел и был в восхищении: «Действительно, это все, что я говорил; но как это хорошо изложено». Я ответил, что изложение — дело совершенно второстепенное, а мысли его, и ему надо только подписать статью и послать в журнал. По неопытности Каганович стеснялся: «Это ведь вы написали, а не я». Я его не без труда уверил, что я просто написал за него, чтобы выиграть ему время. Статья была напечатана. Надо было видеть,— как Каганович был горд,— это была «ЕГО» первая статья. Он ее всем показывал.

У этого происшествия было последствие. В конце марта — начале апреля происходил очередной съезд партии. Я, как и многие другие молодые сотрудники Орготдела, был направлен для технической работы в помощь секретариату съезда. При съезде образуется ряд комиссий — мандатная, редакционная и т. д. Их образуют старые партийные бороды — члены ЦК и видные работники с мест, но работу выполняют молодые сотрудники аппарата ЦК. В частности, в редакционной комиссии, куда меня послали, работа идет так. Оратор выступает на съезде. Стенографистка записывает его речь, расшифровывая стенограмму, диктует машинистке. Этот первый текст полон ошибок и искажений — стенографистка многое не поняла, многое не расслышала, кое-что не успела записать. Но к каждому оратору прикомандирован сотрудник редакционной комиссии, который обязан внимательно прослушать речь. Он и производит первую правку, приводя текст в почти окончательный вид. Потом оратору остается сделать только незначительные добавочные исправления, и таким образом его время чрезвычайно сберегается.

На съезде политический отчет ЦК делал (последний раз) Ленин. Встал вопрос: кому из сотрудников поручить эту работу — слушать и править. Каганович сказал: «Товарищу Бажанову; он это сделает превосходно». Так и было решено...

Этой весной 1922 года я постепенно втягивался в работу, но больше изучал. Наблюдательный пункт был очень хорош, и я быстро ориентировался в основных процессах жизни страны и партии. Некоторые детали иногда говорили больше долгих изучений. Например, я мало что могу вспомнить об этом XI съезде партии (1922 года), на котором я присутствовал, но ясно помню выступление Томского, члена Политбюро и руководителя профсоюзов. Он говорил: «Нас упрекают за границей, что у нас режим одной партии. Это неверно. У нас много партий. Но в отличие от заграницы у нас одна партия у власти, а остальные в тюрьме». Зал ответил бурными аплодисментами.

(Вспомнил ли об этом выступлении Томский четырнадцать лет спустя, когда перед ним открылись двери сталинской тюрьмы? Во всяком случае, он застрелился, не желая переступить ее порог.)

Справедливость требует отметить, что в тот момент я еще питал доверие к своим вождям: остальные партии в тюрьме; значит, так и надо и так лучше.

В апреле — мае этого года я отдал себе отчет в том, как происходит эволюция власти. Было очевидно, что власть все больше сосредоточивается в руках партии, и чем дальше, тем больше в аппарате партии. Между тем, мне бросилось в глаза одно важное обстоятельство. Организационные формы работы партии и ее аппарата, которые определяли эффективность работы, были сформулированы в виде ее устава. Но устав партии в основном имел тот вид, в каком он был принят в 1903 году. Он был немного изменен на VI съезде партии летом 1917 года. VIII партийная конференция 1919 года внесла тоже некоторые робкие изменения, но в общем устав, годный для подполья дореволюционного времени, совершенно не подходил для партии, находящейся у власти, и чрезвычайно стеснял ее работу, не давая ясных и точных нужных форм.

Я взялся за работу и составил проект нового устава партии. Переделал я его очень сильно. Проверив все, я напечатал на машинке два параллельных текста: налево — старый, направо — новый, подчеркнув все измененные места старого и новые места моего текста.

С этим документом я явился к Кагановичу. Его секретарь Балашов заявил мне, что товарищ Каганович очень занят и никого не принимает. Я настаивал:

— А ты все-таки доложи. Скажи, что я по очень важному делу.

— Ну, какое у тебя может быть важное дело,— урезонивал меня Балашов.

— А ты все-таки доложи. Не уйду, пока не доложишь.

Балашов доложил. Каганович меня принял.

— Товарищ Бажанов. Я очень занят. Три минуты — в чем дело?

— Дело в том, товарищ Каганович, что я вам принес проект нового устава партии.

Каганович был искренне поражен моей дерзостью.

— Сколько вам лет, товарищ Бажанов?

— Двадцать два.

— А сколько лет вы в партии?

— Три года.

— А известно ли вам, что в 1903 году наша партия разделилась... по вопросу о редакции первого пункта устава?

— Известно.

— И все ж таки вы осмеливаетесь предложить новый устав партии?

— Осмеливаюсь.

— По каким причинам?

— Очень простым. Устав крайне устарел, годился для партии в условиях подполья, никак не отвечает жизни партии, которая у власти, и не дает ей необходимых форм для ее работы и эволюции.

— Ну, покажите.

Каганович прочел первый и второй пункты в старой редакции и новой, подумал.

— Это вы сами написали?

— Сам.

Потребовал объяснений. Объяснения я дал. Через несколько минут просунувшаяся в дверь голова Балашова напомнила, что есть люди, которым обещан прием, и пришло время для какого-то важного заседания. Каганович его прогнал:

— Очень занят. Никого не принимаю. Заседание перенести на завтра.

Около двух часов читал, смаковал и обдумывал Каганович мой устав, требуя объяснений и оправданий моим формулировкам. Когда все было кончено, Каганович вздохнул и заявил:

— Ну, заварили вы кашу, товарищ Бажанов.

После чего он взял трубку и спросил у Молотова, может ли он его видеть по важному делу (Молотов был в это время вторым секретарем ЦК).

— Если ненадолго, приходите.

— Пойдем, товарищ Бажанов.

— Вот,— заявил, входя к Молотову, Каганович.— Вот этот юноша предлагает не более, не менее как новый устав партии.

Молотов был тоже потрясен.

— А знает ли он, что в 1903 году...

— Да, знает.

— И тем не менее?..

— И тем не менее.

— И вы этот проект читали, товарищ Каганович?

— Читал.

— И как вы его находите?

— Нахожу превосходным.

— Ну, покажите.

С Молотовым произошло то же самое. В течение двух часов проект устава разбирался по пунктам, я давал объяснения, Молотов любопытствовал:

— Это вы сами написали?

— Сам.

— Ничего не поделаешь,— сказал Молотов, когда дошли до конца проекта.— Пойдем к Сталину.

Сталину я тоже был представлен как юный безумец, который осмеливается тронуть досточтимую и неприкосновенную святыню. После тех же ритуальных вопросов — сколько мне лет, знаю ли я, что в 1903 году, и после формулировки причин, по которым я полагаю, что устав надо переделать, было опять приступлено к чтению и обсуждению проекта. Рано или поздно пришел вопрос Сталина: «И это вы сами написали?» Но в этот раз за ним последовал и другой: «Представляете ли вы себе, какую эволюцию работы партии и ее жизни определяет ваш текст?» — и мой ответ, что очень хорошо представляю и формулирую эту эволюцию так-то и так-то. Дело было в том, что мой устав был важным орудием для партийного аппарата в деле завоевания им власти. Сталин это понимал. Я тоже.

Конец был своеобразным. Сталин подошел к вертушке. «Владимир Ильич? Сталин. Владимир Ильич, МЫ ЗДЕСЬ В ЦК пришли к убеждению, что устав партии устарел и не отвечает новым условиям работы партии. Старый — партия в подполье, теперь партия у власти и т. д.». Владимир Ильич, видимо, по телефону соглашается. «Так вот,— говорит Сталин,— думая об этом, МЫ разработали проект нового устава партии, который и хотим предложить». Ленин соглашается и говорит, что надо внести этот вопрос на ближайшее заседание Политбюро.

Политбюро в принципе согласилось и передало вопрос на предварительную разработку в Оргбюро. 19 мая 1922 года Оргбюро выделило «Комиссию по пересмотру устава». Молотов был председателем, в нее входили и Каганович, и его заместитель Лисицын и Охлопков, и я в качестве секретаря.

С этого времени на год я вошел в орбиту Молотова.

С уставом пришлось возиться месяца два. Проект был разослан в местные организации с запросом их мнений, а в начале августа была созвана Всероссийская Партийная Конференция для принятия нового устава. Конференция длилась три-четыре дня. Молотов докладывал проект, делегаты высказывались. В конце концов была избрана окончательная редакционная комиссия под председательством того же Молотова, в которую вошли и Каганович, и некоторые руководители местных организаций, как Микоян (он был в это время секретарем Юго-Восточного Бюро ЦК), и я как член и секретарь комиссии. Отредактировали, и конференция новый устав окончательно приняла (впрочем, формально его еще после этого утвердил и ЦК)...

После истории с уставом ко мне присматриваются. До конца года я работаю еще с Кагановичем и Молотовым.

Лазарь Моисеевич Каганович замечателен тем, что был одним из двух-трех евреев, продолжавших оставаться у власти во все время сталинщины. При сталинском антисемитизме это было возможно только благодаря полному отречению Кагановича от всех своих родных, друзей и приятелей. Известен, например, факт, что когда сталинские чекисты подняли перед Сталиным дело о брате Кагановича, Михаиле Моисеевиче, министре авиационной промышленности, и Сталин спросил Лазаря Кагановича, что он об этом думает, то Лазарь Каганович, прекрасно знавший, что готовится чистое убийство без малейшего основания, ответил, что это дело «следственных органов» и его не касается. Перед арестом Михаил Каганович застрелился.

Лазарь Каганович, бросившись в революцию, по нуждам революционной работы с 1917 года переезжал с места на место. В Нижнем Новгороде он встретился с Молотовым, который выдвинул его на пост председателя Нижегородского Губисполкома, и эта встреча определила его карьеру. Правда, он еще кочевал, побывал в Воронеже, Средней Азии, наконец в ВЦСПС на профсоюзной работе. Отсюда Молотов в 1922 году берет его в заведующие Орготделом ЦК, и здесь начинается его быстрое восхождение.

Одно обстоятельство сыграло в этом немалую роль. В 1922 году Ленин на заседании Политбюро говорит, обращаясь к членам Политбюро: «Мы, товарищи, пятидесятилетние (он имеет в виду себя и Троцкого), вы, товарищи, сорокалетние (все остальные), нам надо готовить смену, тридцатилетних и двадцатилетних: выбрать и постепенно готовить к руководящей работе».

Пока в этот момент ограничились тридцатилетними. Наметили двух: Михайлова и Кагановича.

Михайлову было в это время 28 лет, он был кандидатом в члены ЦК и секретарем Московского Комитета партии; в 1923 году его избрали членом ЦК и сделали даже секретарем ЦК. Увы, это продолжалось недолго. Очень скоро выяснилось, что большие государственные дела Михайлову совершенно не под силу. Его постепенно оттеснили на меньшую работу. Потом он был руководителем строительства Днепрогэса. В 1937 году был расстрелян вместе с другими (он имел неосторожность в 1929 году быть за Бухарина). В общем, этот выбор для «смены» не удался.

Каганович был много способнее. Держась сначала при Молотове, он постепенно становится, наряду с Молотовым, одним из основных сталинцев. Сталин перебрасывает его из одного важнейшего места

партаппарата в другое. Секретарь ЦК Украины, секретарь ЦК ВКП, член Политбюро, первый секретарь МК, снова секретарь ЦК партии, если нужно, Наркомпуть, он выполняет все сталинские поручения. Если у него была вначале совесть и другие человеческие качества, то потом в порядке приспособления к сталинским требованиям все эти качества исчезли, и он стал, как и Молотов, стопроцентным сталинцем. Дальше он привык ко всему, и миллионы жертв его не трогали. Но характерно, что когда после смерти Сталина Хрущев, который при жизни Сталина тоже ко всему приспособлялся, вдруг встрепенулся и выступил с осуждением сталинщины, Каганович, Молотов и Маленков уже никакого другого режима, кроме сталинского (чтобы гайка была завинчена твердо, до отказа), не желали, справедливо полагая, что при режиме сталинского типа можно спать спокойно, и никакая опасность такому режиму не грозит; в то же время чем может кончиться хрущевская некоторая либерализация для их спокойных руководительских мест, да и для режима, еще неизвестно.

Во второй половине 1922 года я еще продолжал работать в ведомстве Кагановича. Молотов и Каганович начинают назначать меня секретарем разных комиссий ЦК. Как секретарь комиссий, я — находка и для того, и для другого. У меня способность быстро и точно формулировать. Каганович, живой и умный, все быстро схватывает, но литературным языком не владеет. Я для него очень ценен. Но еще более ценен в комиссиях я для Молотова.

Молотов — человек не блестящий: это чрезвычайно работоспособный бюрократ, работающий без перерыва с утра до ночи. Много времени ему приходится проводить на заседаниях комиссий. В комиссиях по сути дела к соглашениям приходят скоро, но затем начинается бесконечная возня с редактированием решений. Пробуют сформулировать пункт решения так — сыплются поправки, возражения; споры разгораются, в них теряют начало формулировок и совсем запутываются. На беду, Молотов, хорошо разбираясь в сути дел, с большим трудом ищет нужные формулы.

К счастью, я формулирую с большой легкостью. Я быстро нахожу нужную линию. Как только я вижу, что решение найдено, я поднимаю руку. Молотов сразу останавливает прения. «Слушаем». Я произношу нужную формулировку. Молотов хватается за нее: «Вот, вот, это как раз то, что нужно; сейчас же запишите, а не то забудете». Я его успокаиваю — не забуду. «Повторите еще раз». Повторяю. Вот — заседание кончено, и сколько времени выиграно. «Вы мне сберегаете массу времени, товарищ Бажанов»,— говорит Молотов. Теперь он будет меня сажать секретарем во все бесчисленные комиссии, где он председательствует...

СЕКРЕТАРЬ ОРГБЮРО

Я принимаю все большее участие в работе центрального партийного аппарата. Он имеет от меня все меньше секретов.

Каковы функции секретаря Оргбюро? Я секретарствую на заседаниях Оргбюро и на заседаниях Секретариата ЦК; кроме того, на заседаниях Совещания Заведующих Отделами ЦК, которое подготовляет материалы для заседания Секретариата ЦК; кроме того, на заседаниях разных комиссий ЦК. Наконец, я командую секретариатом (с маленькой буквы) Оргбюро, то есть канцелярией.

По уставу важность выборных центральных органов партии идет так: Секретариат (из 3-х секретарей ЦК), над ним — Оргбюро, над ним Политбюро. Секретариат ЦК — орган, находящийся в состоянии быстрой эволюции и, может быть, идущий гигантскими шагами к абсолютной власти в стране, но не столько сам по себе, как в лице своего генерального секретаря.

В 1917—1918—1919 годах секретарем ЦК, чисто техническим, была Стасова, а довольно рудиментарным аппаратом ЦК командовал Свердлов. После его смерти (в марте 1919 г.) и до марта 1921 года секретарями (полутехническими, полуответственными) были Серебряков и Крестинский. С марта 1921 года секретарем ЦК (уже имеющим название «ответственного») становится Молотов. Но в апреле 1922 года на пленуме ЦК избираются три секретаря ЦК: «генеральный секретарь» Сталин, 2-й секретарь Молотов и 3-й секретарь Михайлов (вскоре замененный Куйбышевым). С этого времени начинает заседать Секретариат.

Функции его плохо определены уставом. В то время как по уставу известно, что Политбюро создано для решения самых важных (политических) вопросов, а Оргбюро — для решения вопросов организационных, подразумевается, что Секретариат должен решать менее важные вопросы или подготовлять более важные для Оргбюро и Политбюро. Но, с одной стороны, это нигде не написано, а с другой стороны, в уставе хитро сказано, что «всякое решение Секретариата, если оно не опротестовано никем из членов Оргбюро, становится автоматически решением Оргбюро, а всякое решение Оргбюро, не опротестованное никем из членов Политбюро, становится решением Политбюро, то есть решением Центрального Комитета; всякий член ЦК может опротестовать решение Политбюро перед Пленумом ЦК, но это не приостанавливает его исполнения».

Другими словами, представим себе, что Секретариат берет на себя решение каких-нибудь чрезвычайно важных политических вопросов. С точки зрения внутрипартийной демократии и устава ничего возразить по этому поводу нельзя. Секретариат не узурпирует прав вышестоящей инстанции — она может всегда это решение изменить или отменить. Но если генеральный секретарь ЦК, как это произошло с 1926 года, уже держит всю власть в своих руках, он уже может не стесняясь командовать через Секретариат.

На самом деле это не произошло. До 1927—1928 гг. Политбюро и его члены еще имели достаточно веса, чтобы Секретариат это не пробовал делать, вступая в ненужный конфликт, а с 1929 года Политбюро было настолько в подчинении у Сталина, что ему не было никакой надобности пробовать править иначе, чем через Политбюро. А еще через несколько лет и Политбюро, и Секретариат превратились в простых исполнителей его приказов, и у власти был не тот, кто занимал крупнейший пост в иерархии, а тот, кто стоял ближе к Сталину: его секретарь весил больше в аппарате, чем председатель Совета Министров или любой член Политбюро.

Но сейчас мы в начале 1923 года. На заседаниях Секретариата председательствует 3-й секретарь ЦК Рудзутак, который уже успел заменить Куйбышева, перешедшего на должность Председателя ЦКК. На заседании присутствуют Сталин и Молотов — только секретари ЦК имеют право решающего голоса. С правом совещательного голоса присутствуют все заведующие отделами ЦК — Каганович, Сырцов, Смидович (женотдел) и другие (их немало: Управляющий Делами ЦК Ксенофонтов, зав. Финансовым Отделом Раскин, зав. Статистическим Отделом Смиттен, затем новые зав. отделами — Информационным, Печати и т. д.), а также главные помощники секретарей ЦК. Рудзутак председательствует хорошо и толково. Со мной он очень мил и кормит меня конфетами,— он бросил курить и взамен курения все время сосет конфеты.

На заседаниях Оргбюро председательствует Молотов. В Оргбюро входят три секретаря ЦК, заведующие главнейшими отделами ЦК Каганович и Сырцов, начальник ПУР (Политического Управления Реввоенсовета; ПУР имеет права Отдела ЦК), а кроме того, один-два члена ЦК, избираемых в Оргбюро персонально, чаще всего — секретарь ВЦСПС и первый секретарь МК.

Сталин и Молотов заинтересованы в том, чтобы состав Оргбюро был как можно более узок — только свои люди из партаппарата. Дело в том, что Оргбюро выполняет работу колоссальной важности для Сталина — оно подбирает и распределяет партийных работников: во-первых, вообще для всех ведомств, что сравнительно не важно, и, во-вторых, всех работников партаппарата — секретарей и главных работников губернских, областных и краевых партийных организаций, что чрезвычайно важно, так как завтра обеспечит Сталину большинство на съезде партии, а это — основное условие для завоевания власти. Работа эта идет самым энергичным темпом; удивительным образом Троцкий, Зиновьев и Каменев, плавающие в облаках высшей политики, не обращают на это особенного внимания. Важность сего поймут тогда, когда уже будет поздно.

Первое Оргбюро создано в марте 1919 года после VIII съезда партии. В него входили Сталин, Белобородов, Серебряков, Стасова, Крестинский. Как видно по его составу, оно должно было заниматься некоторой организацией технического аппарата партии и некоторым распределением ее сил. С тех пор все изменилось. С назначением Сталина генеральным секретарем Оргбюро становится его главным орудием для подбора своих людей и захвата, таким образом, всех партийных организаций на местах.

С Молотовым мы уже старые знакомые. Он мною очень доволен. По-прежнему он меня сажает секретарем во все комиссии ЦК. Это обеспечивает мое быстрое аппаратное просвещение...

Быстро просвещаюсь я и насчет работы органа «партийной совести» — Партколлегии ЦКК.

В стране существует порядок — все население бесправно и целиком находится в лапах ГПУ. Беспартийный гражданин в любой момент может быть арестован, сослан, приговорен ко многим годам заключения или расстрелян, просто по приговору какой-то анонимной «тройки» ГПУ. Но члена партии в 1923 году ГПУ арестовать еще не может (это придет только через лет восемь — десять). Если член партии проворовался, совершил убийство или совершил какое-то нарушение партийных законов, его сначала должна судить местная КК (Контрольная Комиссия), а для более видных членов партии — ЦКК, вернее, Партийная Коллегия ЦКК, то есть несколько членов ЦКК, выделенных для этой задачи. В руки суда или в лапы ГПУ попадает только коммунист, исключенный из партии Партколлегией. Перед Партколлегией коммунисты трепещут. Одна из наибольших угроз: «передать о вас дело в ЦКК».

На заседаниях партколлегии ряд старых комедиантов вроде Сольца творят суд и расправу, гремя фразами о высокой морали членов партии, и изображают из себя «совесть партии». На самом деле существует два порядка: один, когда дело идет о мелкой сошке и делах чисто уголовных (например, член партии просто и грубо проворовался), и тогда Сольцу нет надобности даже особенно играть комедию. Другой порядок — когда речь идет о членах партии покрупнее. Здесь существует уже никому не известный информационный аппарат ГПУ; действует он осторожно, при помощи и участии членов коллегии ГПУ Петерса, Лациса и Манцева, которые для нужды дела введены в число членов ЦКК. Если дело идет о члене партии — оппозиционере или каком-либо противнике сталинской группы, невидно и подпольно информация ГПУ — верная или специально придуманная для компрометации человека — доходит через Управляющего делами ЦК Ксенофонтова (старого чекиста и бывшего члена коллегии ВЧК) и его заместителя Бризановского (тоже чекиста) в секретариат Сталина, к его помощникам Каннеру и Товстухе. Затем так же тайно идет указание в Партколлегию, что делать: «исключить из партии», или «снять с ответственной работы», или «дать строгий выговор с предупреждением» и т. д. Уж дело Партколлегии придумать и обосновать правдоподобное обвинение. Это совсем не трудно: и греметь фразами о партийной морали, и придраться к любому пустяку,— написал, например, партиец статью в журнал, получил 30 рублей гонорара сверх партийного максимума — Сольц такую истерику разыгрывает по этому поводу, что твой Художественный театр. Одним словом, получив от Каннера директиву, Сольц или Ярославский будут валять дурака, возмущаться, как смел данный коммунист нарушить чистоту партийных риз, и вынесут приговор, который они получили от Каннера (о Каннере и секретариате Сталина мы еще поговорим).

Но в уставе есть пункт: решения контрольных комиссий должны быть согласованы с соответствующими партийными комитетами; решения ЦКК — с ЦК партии. Этому соответствует такая техника.

Когда заседание Оргбюро кончено и члены его расходятся, мы с Молотовым остаемся. Молотов просматривает протоколы ЦКК. Там идет длинный ряд решений о делах. Скажем, пункт: «Дело т. Иванова по таким-то обвинениям». Постановили: «т. Иванова из партии исключить» или «Запретить т. Иванову в течение трех лет вести ответственную работу». Молотов, который в курсе всех директив, которые даются партколлегии, ставит птичку. Я записываю в протокол Оргбюро: «Согласиться с решениями ЦКК по делу т. т. Иванова (протокол ЦКК от такого-то числа, пункт такой-то), Сидорова... и т. д. Но по иному пункту Молотов не согласен: ЦКК решило «объявить строгий выговор». Молотов вычеркивает и пишет: «Исключить из партии». Я пишу в протоколе Оргбюро: «По делу т. Иванова предложить ЦКК пересмотреть ее решение от такого-то числа за таким-то пунктом». Сольц, получив протокол, позвонит мне и спросит: «А какое решение?» Я ему скажу по телефону, что написал Молотов на их протоколе. И в ближайшем протоколе ЦКК будет сказано: «Пересмотрев свое решение от такого-то числа и учтя важность предъявленных обвинений, партколлегия ЦКК постановляет: т. Иванова из партии исключить». Понятно, Оргбюро (то есть Молотов) с этим решением согласится.

Моя канцелярия Оргбюро состоит из десятка сотрудников, чрезвычайно проверенных и преданных. Вся работа Оргбюро считается секретной (Политбюро — чрезвычайно секретной). Поэтому, чтобы секреты были известны как можно меньшему числу лиц, штаты минимальны. Этому соответствует сильная перегруженность сотрудников работой — практически они личной жизни не имеют: начинают работать в 8 часов утра, едят наскоро тут же и кое-как, заканчивают работу в час ночи. При этом все равно с работой не справляются — в бумажном море, в котором тонет Оргбюро, полная неразбериха, ничего найти нельзя, бумаги регистрируются по каким-то допотопным методам входящих и исходящих; когда секретарю ЦК нужна какая-либо справка или документ из архива, начинаются многочасовые поиски в архивном океане.

Я вижу, что эта организация ничего не стоит. Я ее всю ломаю, завожу несколько картотек с записью каждого документа по трем разным алфавитным индексам. Постепенно все приходит на свое место...

Последствия для персонала моей канцелярии совершенно неожиданные. Сначала они все энергично протестуют против моих реформ и жалуются секретарям ЦК, что работать со мной невозможно. Когда все же твердой рукой я все реформы провожу и ре-

зультаты налицо, протесты, по сути дела, умолкают. Но раньше весь день их работы терялся впустую — по долгим и бесплодным поискам. Теперь вся работа происходит быстро и точно. И ее оказывается гораздо меньше. Теперь сотрудники приходят в 9 часов, а в 5—6 часов все кончено. Теперь они располагают свободным временем и могут иметь личную жизнь. Довольны они? Наоборот. Раньше у них был в собственных глазах ореол мучеников, идейных людей, приносящих себя в жертву для партии. Теперь они — канцелярские служащие в хорошо работающем аппарате, и только. Я чувствую, что все они полны разочарования.

Я работаю в постоянном контакте с секретарями Молотова и уже также в некотором контакте с секретарями Сталина.

Во главе секретариата Молотова стоит его первый секретарь Васильевский. Это быстрый и энергичный человек, умный и деловой. Худой, худощавое умное лицо. Он организует всю работу Молотова, быстро и толково разбирается во всех делах. С Молотовым он на «ты» и пользуется его полным доверием. Не могу выяснить его прошлого. Кажется, он бывший офицер царского времени (примерно поручик). Сейчас же после Октябрьской революции был (большевистским) начальником штаба Московского военного округа. Когда я ухожу в 1926 году из ЦК, я теряю его следы, потом я никогда ничего о нем не слышал.

Второй помощник Молотова — Герман Тихомирнов. Он, собственно, является личным секретарем. Пороху он не выдумает, и я не раз удивляюсь, как Молотов управляется с таким личным секретарем. Но третий и четвертый помощники Молотова — Бородаевский и Белов — не лучше. Герман с Молотовым тоже на «ты», Молотов не в восторге от его работы, но его терпит. Года через 2—3 он назначит Тихомирнова заведовать Центральным партийным архивом при ЦК партии, но по части бумаг безобидных, так как все важнейшие документы находятся за сталинским секретариатом и сталинским секретарем Товстухой.

Работая с секретариатом Молотова, я все более в курсе дел партийной верхушки. Я начинаю понимать скрытую суть идущей борьбы за власть.

После революции и во время гражданской войны сотрудничество Ленина и Троцкого было превосходным. К концу гражданской войны (конец 1920 г.) страна и партия считают вождями революции Ленина и Троцкого, далеко впереди всех остальных партийных лидеров. Собственно говоря, войной руководил все время Ленин. Страна и партия это знают плохо и склонны приписывать победу главным образом Троцкому, организатору и главе Красной Армии...

В ЦК Ленин организует группу своих ближайших помощников из противников Троцкого. Наиболее ярые враги Троцкого — Зиновьев и Сталин. Зиновьев стал врагом Троцкого после осени 1919 года, когда происходило успешное наступление Юденича на Петроград. Зиновьев был в полной панике и совершенно утерял возможности чем-либо руководить; прибыл Троцкий, выправил положение, третировал Зиновьева с презрением — тут они стали врагами. Не менее ненавидит Троцкого Сталин. Во все время гражданской войны Сталин был членом Реввоенсовета разных армий и фронтов и был подчинен Троцкому. Троцкий требовал дисциплины, выполнения приказов, использования военных специалистов. Сталин опирался на местную недисциплинированную вольницу, все время не выполнял приказов военного центра, не терпел Троцкого как еврея. Ленину все время приходилось быть арбитром, и Троцкий резко нападал на Сталина.

Каменев, не имевший личных поводов неприязни к Троцкому, менее честолюбивый и менее склонный к интригам, примкнул к Зиновьеву и следовал за ним. Ленин высоко поднял всю группу. Не говоря уже о том, что Зиновьев был поставлен во главе Коминтерна (тогда Троцкий это принял спокойно, он был на важнейшем посту во главе армии во время гражданской войны), а Каменева Ленин сделал своим первым и главным помощником по Совнаркому и фактически поручил ему верховное руководство хозяйством страны (Совет Труда и Обороны), но когда на апрельском Пленуме ЦК 1922 года по идее Зиновьева Каменев предложил назначить Сталина Генеральным секретарем ЦК, то Ленин не возражал, хотя хорошо знал Сталина. Так что в марте — апреле 1922 года эта группа, не выходя из повиновения Ленину, обеспечивала ему большинство, а Троцкий перестал быть опасен.

Но 25 мая 1922 года произошло неожиданное событие, все изменившее,— первый удар Ленина. Ленин бывал не раз болен последние годы: в августе 1918 года он был ранен (покушение Фанни Каплан), в марте 1920 года был очень болен, с конца 1921 года и до конца марта 1922 года был болен и отошел от дел. Но затем поправился, 27 марта 1922 года сделал на съезде политический отчет ЦК, и все держал в руках. Удар 25 мая спутал все карты. И до октября 1922 года Ленин практически был не у дел, и заключение врачей (конечно, секретное, для членов Политбюро, а не для страны) было, что это начало конца. Уже после удара Зиновьев, Каменев и Сталин организуют «тройку». Главного соперника они видят в Троцком. Но они еще не предпринимают борьбы против него, потому что против ожидания в июне Ленин начал поправляться, поправлялся все больше, и с начала октября вернулся к работе... Во время этого возвращения он снова взял все в руки, разнес Сталина по поводу национальной политики... Также Ленин собирался разнести Сталина по поводу его конфликта (и его соратников Орджоникидзе и Дзержинского) с ЦК Грузии, но не успел. В октябре 1922 года Пленум ЦК без Ленина принял решения, ослабившие монополию внешней торговли. В декабре ... Ленин на новом Пленуме эти октябрьские решения отменил. Казалось, Ленин снова все держал в руках, и «тройка» снова вернулась на роль его приближенных помощников и исполнителей...

С января 1923 года тройка начинает осуществлять власть. Первые два месяца, еще опасаясь блока Троцкого с умирающим Лениным, но после мартовского удара Ленина больше не было, и тройка могла начать подготовку борьбы за удаление Троцкого. Но до лета тройка старалась только укрепить свои позиции.

Съезд партии состоялся 17—25 апреля 1923 года. Капитальным вопросом был, кто будет делать на съезде политический отчет ЦК — самый важный политический документ года. Его делал всегда Ленин. Тот, кто его сделает, будет рассматриваться партией как наследник Ленина.

На Политбюро Сталин предложил его прочесть Троцкому. Это было в манере Сталина. Он вел энергичную подспудную работу расстановки своих людей, но это даст ему большинство на съезде только года через два. Пока надо выиграть время и усыпить внимание Троцкого.

Троцкий с удивительной наивностью отказывается: он не хочет, чтобы партия думала, что он узурпирует место больного Ленина. Он, в свою очередь, предлагает, чтобы отчет читал генеральный секретарь ЦК Сталин. Представляю себе душевное состояние Зиновьева в этот момент. Но Сталин тоже отказывается — он прекрасно учитывает, что партия этого не поймет и не примет — Сталина вождем партии никто не считает. В конце концов не без добрых услуг Каменева читать политический доклад поручено Зиновьеву — он председатель Коминтерна, и если нужно кому-либо временно заменить Ленина по случаю его болезни, то удобнее всего ему. В апреле на съезде Зиновьев делает политический отчет.

В мае и июне тройка продолжает укреплять свои позиции. Зиновьева партия считает не так вождем, как номером первым. Каменев — и номер второй, и фактически заменяет Ленина как председателя Совнаркома и председателя СТО. Он же председательствует на заседаниях Политбюро. Сталин — номер третий, но его главная работа — подпольная, подготовка завтрашнего большинства. Каменев и Зиновьев об этой работе не думают — их первая забота, как политически дискредитировать и удалить от власти Троцкого.

Ленин вышел из строя, но секретариат его продолжает по инерции работать. Собственно, у Ленина две секретарши — Гляссер и Фотиева. Из остальных близких сотрудниц в последнее время болезни Володичева и Сара Флаксерман выполняли вместе с ним обязанности «дежурных секретарш», то есть дежурили, чтобы в любой момент быть в распоряжении Ленина, если он захочет продиктовать какое-нибудь письмо, распоряжение или статью. Сара Флаксерман переходит в Малый Совнарком (это своего рода комиссия, придающая нужную юридическую форму проектам декретов Совнаркома), становясь его секретарем, Фотиева, занимающая официальную должность секретаря Совнаркома СССР, продолжает работать с Каменевым. Она рассказывает Каменеву достаточно мелких секретов ленинского секретариата, чтобы продолжать сохранять свой пост. Впрочем, Каменев не Сталин, и мелочами ленинского быта не очень интересуется.

Но из двух секретарш Ленина главная и основная — Мария Игнатьевна Гляссер. Она секретарша Ленина по Политбюро. Лидия Фотиева — секретарша по Совнаркому. Вся Россия знает имя Фотиевой — она много лет подписывает с Лениным все декреты правительства. Никто не знает имени Гляссер — работа Политбюро совершенно секретна. Между тем все основное и самое важное происходит на Политбюро, и все важнейшие решения и постановления записывает на заседаниях Политбюро Гляссер; Совнарком затем только «оформляет в советском порядке», и Фотиева должна только следить за тем, чтобы декреты Совнаркома точно повторяли решения Политбюро, но не принимает того участия в их подготовке и формулировке, как Гляссер.

Гляссер секретарствует на всех заседаниях Политбюро, Пленумов ЦК и важнейших комиссий Политбюро. Это маленькая горбунья с умным и недобрым лицом. Секретарша она хорошая, женщина очень умная; сама, конечно, ничего не формулирует, но хорошо понимает все, что происходит в прениях Политбюро, то, что диктует Ленин, и записывает точно и быстро. Она хранит ленинский дух и, зная ленинскую вражду последних месяцев его жизни к бюрократическому сталинскому аппарату, не делает никаких попыток перейти к нему на службу. Сталин решает, что пора ее удалить и заменить своим человеком — пост секретаря Политбюро слишком важен — в нем сходятся все секреты партии и власти.

В конце июня 1923 года Сталин получает согласие Зиновьева и Каменева и снимает Гляссер с поста секретаря Политбюро. Но не так легко найти замену. Работа секретаря Политбюро требует многих качеств. Секретарствуя на заседании, он не только должен прекрасно понимать суть всех прений и всего, что происходит на Политбюро; он одновременно должен: 1) внимательно следить за прениями, 2) следить за тем, чтобы все члены Политбюро вовремя были обеспечены всеми нужными материалами, 3) руководить потоком вельмож, вызванных по каждому пункту повестки, 4) вмешиваться в прения всегда, когда происходит какая-нибудь ошибка, забывается, что раньше было уже решено по вопросу что-то иное, 5) делая все это, успевать записывать постановления, 6) быть памятью Политбюро, давая мгновенно все нужные справки.

Гляссер со всем этим справлялась. Сталин пробует заменить ее двумя своими секретарями — Назаретяном и Товстухой, надеясь, что вдвоем, разделяя работу, они смогут ее выполнить.

Увы, дело кончается полным провалом. Назаретян и Товстуха не могут сосредоточить свое внимание на всех задачах, не успевают, путаются, не схватывают, не понимают; работа Политбюро явно расстраивается. Члены Политбюро видят, что это провал, но еще молчат.

Наконец взрывается Троцкий. Поводом служит обсуждение ноты Наркоминдела английскому правительству. Проект ноты составил Троцкий, при обсуждении на Политбюро вносятся некоторые поправки. Секретари, не схватывая их сути, не вносят нужных изменений. После заседания приходится объезжать членов Политбюро, поправлять, согласовывать текст и так далее.

Троцкий пишет на следующем заседании Политбюро (эта бумажка у меня сохранилась — мне ее передал Назаретян):

«Только членам Политбюро. Т. Литвинов говорит, что секретари заседания *ничего не записывали* по вопросу о ноте. Это не годится. Надо обеспечить в дальнейшем более правильный порядок. Секретари должны были иметь перед глазами текст ноты (я послал) и отмечать. Иначе могут возникнуть недоразумения. Троцкий».

Зиновьев пишет на бумажке: «Нужно обзат. стенографа ГЗ»

Бухарин: «Присоединяюсь Н. Бух.»

Сталин, чрезвычайно недовольный неудачей, с обычной своей грубостью и недобросовестностью, пишет: *«Пустяки.* Секретари записали бы, если бы Троцкий и Чичерин не записывали сами. Наоборот, целесообразно, чтобы в видах конспирации по *таким* вопросам отдельных записей секретарей не было И Ст»

Томский: «Стенограф не нужен М Том»

Каменев: «Стенограф (коммунист, проверенный, в помощь секретарям заседания) — нужен Л Кам»

(то, что выделено в текстах, подчеркнуто самими Троцким и Сталиным).

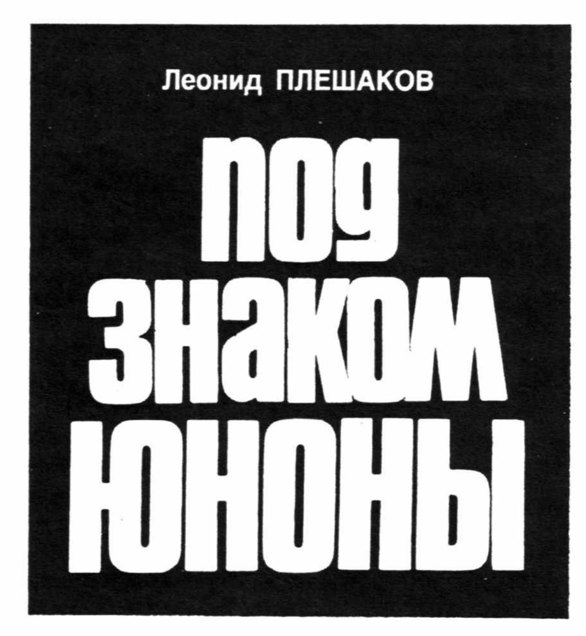
Почему я пишу, что Сталин явно недобросовестен? Он подчеркивает «по таким вопросам», как будто обсуждавшийся вопрос о ноте необычайно секретен. Между тем это обычная практика Политбюро, огромное большинство вопросов так же или еще более секретно; выделять вопросы, по которым нельзя доверять секретарям Политбюро, в их записях просто глупо и невозможно. Кстати, Троцкий пишет «только членам Политбюро», чтобы показать, что он с мнением нечлена Политбюро совершенно не считается. Сталин передает эту бумажку Назаретяну, которому она как раз не должна быть показана.

Сталину приходится все же отступить. Как было бы для него хорошо иметь секретарями Политбюро своих людей — Назаретяна и Товстуху. Увы, не выходит. Есть Бажанов, который превосходно справляется с обязанностями секретаря Оргбюро и, вероятно, хорошо справится с обязанностями секретаря Политбюро, но будет ли он своим человеком? Это вопрос. Надо рискнуть.

9 августа 1923 года Оргбюро ЦК постановляет: «Назначить помощником секретаря ЦК т. Сталина т. Бажанова с освобождением его от обязанностей секретаря Оргбюро». В постановлении Сталин ничего не говорит о моей работе секретарем Политбюро. Это обдуманно. Я назначаюсь его помощником. А назначение секретаря Политбюро — это его прерогатива: он будет назначать на этот пост своего помощника или кого найдет нужным (впоследствии — Маленкова, который и не скоро еще будет его помощником).

Продолжение следует.

Леонид ПЛЕШАКОВ

ПОД ЗНАКОМ ЮНОНЫ

В Москве произошло событие, которое, несмотря на скромное освещение нашими средствами массовой информации, во многих отношениях знаменательно: Главкосмос СССР, Лицензинторг и специально созданная британская компания «Антигуера лимитед» подписали соглашение о первой англо-советской космической экспедиции «Джюно», по которому между мартом и июлем 1991 года (англичане высказали предположение, что это произойдет в день тридцатой годовщины полета в космос Юрия Гагарина) гражданин Великобритании отправится в восьмисуточный полет на советском космическом корабле и орбитальной станции «Мир».

За тридцать два года, прошедших после запуска первого советского искусственного спутника Земли, за двадцать восемь лет, отделяющих нас от старта Юрия Гагарина, мы так привыкли к разного рода космическим экспериментам, что любое очередное достижение в этой области воспринимается нами как нечто само собой разумеющееся. Более того, сейчас, когда достижения космонавтики все активнее вторгаются в нашу повседневную жизнь, мы вдруг стали высказывать сомнения по поводу их эффективности и разумности, считая слишком дорогим удовольствием. Не раз подобные мысли звучали на предвыборных собраниях весной этого года, и даже на Съезде народных депутатов СССР. Англо-советское соглашение позволяет увидеть в этом деле новый аспект.

До этого международные космические полеты, проводившиеся в нашей стране, оплачивались правительствами заинтересованных стран или организациями по изучению космического пространства. Теперь же финансирование полета английского космонавта возьмут на себя британские и международные компании, связанные с СССР и Англией. Восьмисуточный полет обойдется им в 16 миллионов фунтов стерлингов. Оговорено, что на борту космического корабля, кроме космонавта, сможет разместиться от 100 до 300 килограммов полезного груза, из которых только 10 килограммов разрешено вернуть обратно на Землю.

Такой вот денежный расклад: каждый день пребывания британца на орбите обойдется в два миллиона фунтов стерлингов. А возвращаемый на Землю груз будет стоить во много раз дороже золота. При подписании соглашения начальник Главкосмоса А. Дунаев сказал, что получаемые с английской стороны деньги только-только восполнят наши затраты. Таким образом, это признание как бы косвенным путем показало, во что обходятся нашей стране космические исследования. Что и говорить, дороговато. Но вот присутствовавший на подписании министр торговли и промышленности Великобритании лорд Д. Янг сказал: «Для нас это будет историческое событие. Мы надеемся, что сотрудничество между нашими странами на море, на суше, в атмосфере продолжится теперь еще и в космосе». Надо полагать, министр правительства Маргарет Тэтчер деньги считать умеет и, говоря об историческом значении полета, имел в виду не только чисто престижные соображения.

На пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, которая состоялась сразу же после подписания соглашения, было рассказано, каким образом английская сторона надеется достичь наибольшей эффективности расходов на этот полет. Профессор Хайнц Вульф из университета Брюнель, что в графстве Миддлсекс, объяснил, что под его руководством создана комиссия, которая решит, какие эксперименты, предлагаемые промышленностью, университетами, исследовательскими учреждениями, будут приняты для проведения в космосе. В течение 30 лет полетов в космос, говорилось на пресс-конференции, всего лишь 1000 часов было затрачено на проведение научных экспериментов в состоянии невесомости (микрогравитации). Теперь экспедиция «Джюно» даст британским ученым широкие возможности углубить свои знания. Результаты экспериментов также могут помочь в открытии новых средств для лечения болезней или в разработке более усовершенствованных материалов или методов, которые могут быть использованы в промышленности.

Какие же конкретно эксперименты могут оказаться наиболее перспективными в ходе экспедиции с точки зрения англичан?

Оказывается, фармацевтическая промышленность с нетерпением ожидает получения протеиновых кристаллов, выращенных в условиях невесомости, так как земное притяжение ограничивает их рост и вызывает появление в них изъянов. Идеальные кристаллы необходимы для того, чтобы пролить свет на структуру многих протеинов, играющих важную роль в современных болезнях, включая СПИД.

Идеальные кристаллы силикона и арсенида галлия, выращенные в состоянии невесомости, представляют огромную важность для производства полупроводников для современного электронного оборудования.

В состоянии невесомости кости теряют минералы, поскольку они не подвержены больше воздействию гравитации. Исследования в области микрогравитации могут пролить свет на такие болезни, разрушающие кости, как остеопороз...

И так далее, и так далее — просто удивительно, какую огромную программу исследований запланировали англичане провести в восемь дней космического полета, какое количество новообразованных веществ хотят втиснуть в десять килограммов груза, возвращаемого на Землю! Они признают, что это потребует создания особо малогабаритного оборудования, которое должно быть простым в эксплуатации и достаточно прочным, чтобы выдержать фазу запуска корабля. Но даже эту техническую трудность они предполагают повернуть себе на пользу, разумно считая, что поиск в этой области продвинет вперед технологию производства малогабаритного оборудования.

Короче, из затраченных 16 миллионов фунтов они постараются выжать максимально возможное.

В этой связи хотелось бы высказать пожелание, чтобы и наши организации, имеющие отношение к нашим космическим программам, были столь же рачительны и скрупулезны в подсчетах расходуемых рублей. Однако от такой рекомендации я все-таки воздержусь. При всей нынешней гласности и отсутствии закрытых для нашей прессы тем мы все-таки не особенно хорошо информированы по поводу наших затрат на космос. Во что обходятся наши запуски и многомесячные кружения космонавтов на орбите? Сколько нам дают (и сколько берут) научные эксперименты, проводимые в невесомости, в каких областях промышленности и науки они внедряются, какой чистый доход приносят? Может быть, до нашей экономической эффективности англичанам еще шагать и шагать, а я хочу ставить их в пример. Лучше промолчу.

И если все же осмелюсь затронуть щекотливую денежную тему, то только потому, что даже начальник Главкосмоса товарищ А. Дунаев при подписании соглашения счел нужным поблагодарить англичан за «определенные уроки в коммерческой деятельности». Не знаю точно, что имел в виду наш представитель, но даже на сторонний взгляд журналиста было хорошо видно, что наши партнеры не только умеют считать свои деньги, но и не менее умело создают для этих денег обстановку, благоприятную для их успешного оборота. Об этом позволяют судить даже первые шаги совместного проекта.

Как уже говорилось, специально созданная компания «Антигуера лимитед» возглавит британскую часть предстоящей экспедиции. Находящийся в лондонском Сити Московский Народный банк предоставляет ей первоначальный капитал для организации маркетинга и привлечения спонсоров. Ведь именно за счет спонсоров, а также реализации услуг по сбыту, от рекламы, от продажи прав на трансляцию и места для полезного груза в корабле для научных экспериментов будут получены те самые 16 миллионов фунтов стерлингов, необходимых для оплаты полета английского космонавта.

Но даже при всей заманчивости мероприятия такие большие деньги собрать будет не так-то просто. И «Антигуера лимитед» привлекла в качестве своих консультантов три компании: «Саатчи энд Саатчи» (реклама), «Хоувард Мальборо» (финансирование за счет спонсоров) и «Гранард Роуланд» (связи с отдельными лицами и общественными организациями). В дополнение к этому фирма «Камерон, Маркби, Хьюитт» назначена юридическим советником, а фирма «Прайс вотерхауз» будет заниматься вопросами корпоративной структуры и финансирования.

Как видим, предусмотрено практически все, с чем придется столкнуться при осуществлении совместной космической экспедиции, и для разрешения возникающих по ходу дела проблем подобраны опытные помощники. Об уровне профессиональной подготовки этой «сборной команды» можно судить хотя бы по опыту работы фирмы «Саатчи энд Саатчи», которая, ко всему прочему, специализируется на проведении избирательных кампаний видных британских политических деятелей. Как правило, ее «подопечные» выходили победителями из самых сложных выборных ристалищ.

Вообще коммерческая сторона проекта «Джюно» решена в рамках традиционного маркетинга, то есть системы мероприятий, осуществляемых крупными капиталистическими компаниями по изучению рынка и активному воздействию на потребительский спрос с целью расширения сбыта производимых ими товаров. Наверное, кого-то покоробит такое сочетание: «наши» ракеты, пилотируемые орбитальные станции и рядом «их» реклама как двигатель торговли.

А что делать, если известный призыв «Учитесь торговать» за долгие прошедшие десятилетия толком нами так и не освоен, не двинулся дальше абстрактного лозунга, отчего даже самые выдающиеся наши достижения не могут быть использованы для нашего же блага с максимально возможной выгодой.

Теперь вот англичане, наши новые партнеры в космической области, поделились своим опытом в сфере торговли и рекламы. Внешне все выглядело просто и элегантно. Состоявшаяся в пресс-центре МИД СССР сразу после подписания соглашения пресс-конференция для советских и иностранных журналистов напрямую транслировалась на Великобританию. Вел ее Малькольм Маги-Браун, старший менеджер Московского Народного банка. Рядом с ним в президиуме сидели советские и английские специалисты, которые могли ответить на любой вопрос, связанный с предстоящей экспедицией. При этом большинство вопросов задавалось оттуда, из-за Ла-Манша. Главный был: кто полетит? Оказывается, потенциальным кандидатом может быть любой мужчина или женщина в возрасте от 21 до 40 лет. Было бы здоровье. Из числа претендентов к ноябрю этого года будет отобрано два человека, которые в ноябре этого года отправятся в Центр подготовки космонавтов имени Гагарина. Отбором космонавтов (англичане называют их на свой манер — астронавтами) будет руководить вице-маршал королевских ВВС (по-нашему, генерал-майор) Питер Хоувард, кавалер ордена Бани 3-й степени, кавалер ордена Британской империи 4-й степени, действительный член Королевского колледжа врачей... и так далее и так далее — короче, человек в этом деле опытный. Приедет в Великобританию и наш специалист из нашего Центра подготовки, тоже, как понимаем, в вопросах космических полетов компетентный. Вот они-то вместе с другими членами отборочной комиссии обузят широкий поток претендентов на полет. Кроме возраста и здоровья, кандидаты пройдут отбор еще по таким критериям: образование, умственное развитие, научные знания и способность к языкам.

Так что первоначальный список из (как предполагают) трехсот кандидатов, допущенных к последнему туру, будет сокращен до двух, которые будут изучать русский язык уже в ходе подготовки в Советском Союзе. Надо полагать, случайности не предвидятся. Собственно говоря, иначе и не должно быть: 16 миллионов фунтов стерлингов — слишком солидная сумма, ее можно доверить только самым достойным.

И все-таки... В ходе первой недели после пресс-конференции рекламные объявления фирмы «Саатчи энд Саатчи» решили публиковать в центральных газетах, деловых и научных журналах Великобритании под заголовком: «Требуется астронавт. Опыт не обязателен». Что, естественно, увеличит число претендентов.

Вечером, после подписания соглашения, я спросил у Александра Степановича Маслова, председателя правления Московского Народного банка, который прилетел на подписание из Лондона, как отреагировала добрая старая Англия на телепередачу из Москвы.

— Небывалый успех! Мне передали по телексу, что к нам в Моснарбанк непрерывно звонят по телефону: столько желающих отправиться на советской ракете в космос.

И еще. Джюно — по-английски Юнона, древнеримская царица богов, жена Юпитера. Как сказал Малькольм Маги-Браун, ее имя дано проекту не случайно: Юнона — покровительница брачного союза и рождения. Так что пусть теперь покровительствует рождающемуся англо-советскому союзу в космосе.

Символом экспедиции «Джюно» стал летящий гусь. И тоже неспроста.

— Летящий гусь олицетворяет полет. К тому же к нам, на Британские острова, гуси по осени прилетают с вашего Севера, из Сибири. Так что и тут есть определенная символика. Ну а, кроме всего, англичане очень любят эту сильную, красивую и умную птицу. Даже выбором символа мы хотели бы привлечь внимание к предстоящему полету.

Захват заложников —
все чаще и чаще в последнее время
слышим мы эти слова.
И лишь только происходит беда,
в транспортные самолеты садятся
ребята в камуфляжных комбинезонах
и краповых беретах. Это спецназ.
Ребята, которые их спасут.

СПЕЦНАЗ

Дмитрий ЛИХАНОВ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

омандировка. Миша Комиссаров: «Утром дали сигнал, что нужно лететь на операцию. Прилетели мы на Урал часов в семь вечера. Темнеть начинало. Зона строгого режима. Зеки захватили заложников: капитана и трех женщин. Зекам этим было лет по двадцать с небольшим. Но здоровые. Под два метра, под метр девяносто. Да к тому же вооружены заточенными пиками. И вот они объявили, что, если через полтора часа их требования не будут удовлетворены, они начнут резать заложников. То есть у нас было всего полтора часа. И было нас тринадцать человек. Подготовили оружие, имитацию, боеприпасы. Генерал то и дело подходит, все спрашивает, готовы мы или нет. Майор какой-то подбегает: «Ребята, вам не страшно?» Но когда я сам полез, сердце вот так: «тук-тук-тук». У нас бронежилеты. Грудь и спину закрывают. А ребра, руки, лицо, ноги открыты. Еще сфера на голове.

Пошли на штурм. Заложили в стену заряд. Взорвали. На меня крыша упала. Контузило немного. Солнечный шар перед глазами поплыл. Первая группа по коридору побежала и сразу свалила двоих. Побежали дальше. Начали выбивать двери. Бросили гранаты «Заря». Слышим в одной из камер женские крики. Вломились. Зеки сидят, дрожат. Женщины кричат: «Не трогайте их!» Ну как не тронуть. Конечно, тронули. Капитан-то сидел уже весь порезанный. Потом офицеры подходили, спрашивали: «Ребята, сколько вам за это платят?» «Семь рублей в месяц»,— отвечаем».

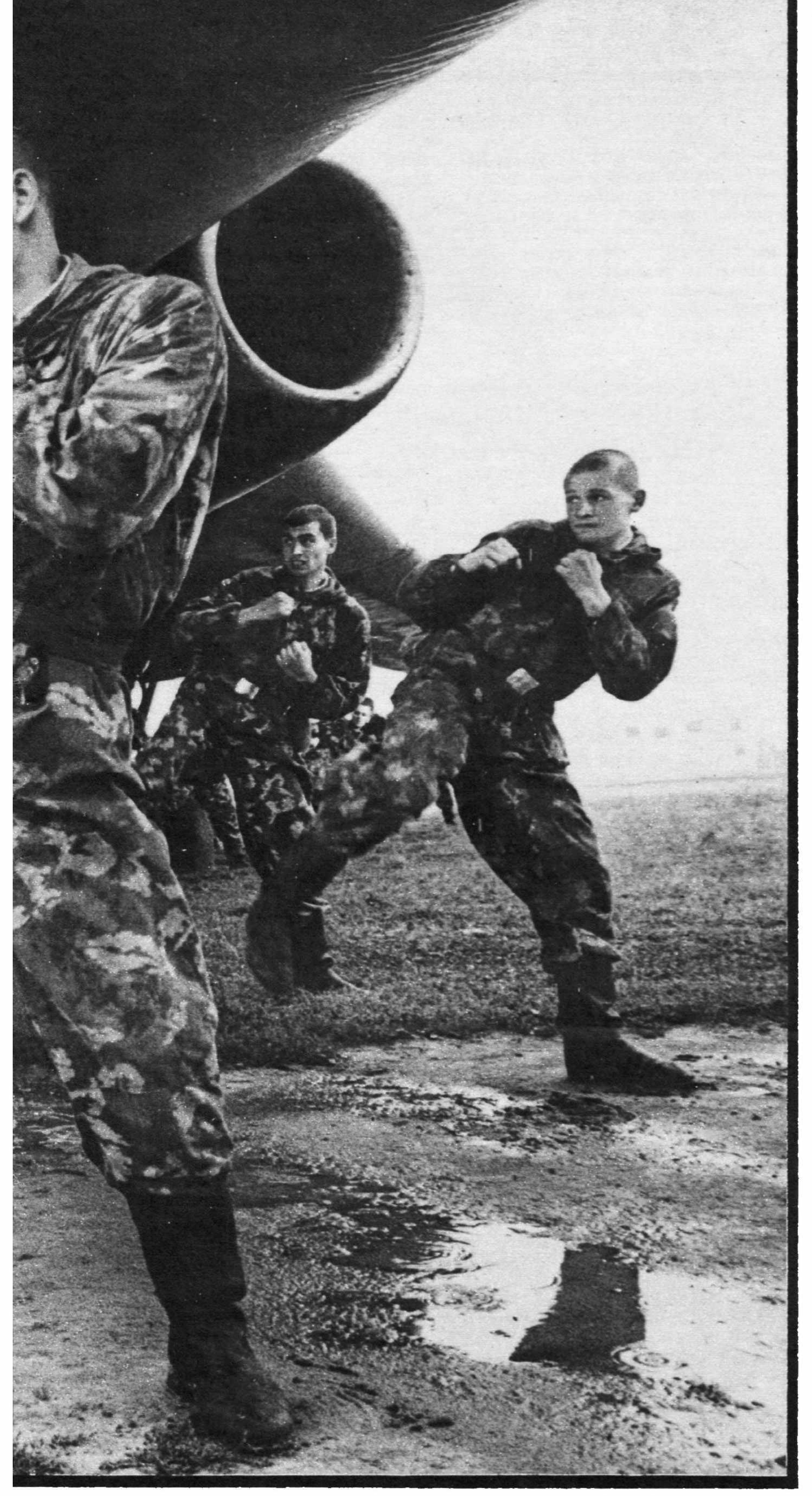
Краповые береты. «Только прямо,— сказал майор,— и не вздумай шарахаться по сторонам. Там такие заряды, стальные рельсы разносит в куски».

Заряды и в самом деле оказались что надо. Они жахали то слева, то справа, то где-то впереди. Пучили землю. Секли лицо и потный комбинезон мелким песчаным крошевом. И если бы не белый пластиковый шлем, мозги бы перетрясло, как в шейкере для взбивания коктейлей.

Мы валились в узкую щель окопа, задыхаясь от долгого бега, отхаркивая перемешанную с пороховой гарью пыль и бессильно матерясь; падали и давили без разбора друг друга тяжелыми ботинками, коленями, прикладами автоматов и только потом тыкались мордой во влажный песок. Тем, кто упал сюда первым, здорово повезло. Целых двадцать секунд они могли никуда не бежать, ни о чем не думать.

А потом — снова вперед, разбрызгивая пот и сделавшуюся клейкой слюну, по колено в жидкой грязи, падая и из последних сил хватаясь за мокрые комбинезоны товарищей, с «калашниковым» наперевес, с ненавистью и плывущим перед глазами зеленым маревом нетоптаной травы, со сдавленным криком: «спецназ»!»

Сергей Лысюк. Тридцать пять лет. Командир учебной роты специального назначения: «Рота наша была сформирована в семьдесят восьмом году. Первого января. Точнее, тридцать первого декабря семьдесят седьмого. Первым командиром роты был капитан Мальцев. Сформировали нас по приказу министра внутренних дел. Главная задача — борьба с особо дерзкими преступными проявлениями. Тогда это еще не называлось терроризмом. В преддверии Московской Олимпиады в МВД был обобщен опыт проведения Олимпийских игр, в частности в Мюнхене, во время которых террористами была захвачена делегация Израиля, и полицейские службы действовали не на должном уровне. После того случая в ФРГ была создана группа ГСГ9, в Финляндии — полицейская группа «Медведь», активизировалась деятельность антитеррористической группы «Дельта». Чтобы обеспечить безопасность Московской Олимпиады, была создана наша рота по борьбе с терроризмом.

К восьмидесятому году мы были уже готовы.

А в восемьдесят втором году, кажется, была наша первая операция по освобождению заложников. Это было в Сарапуле. Двое преступников захватили в школе детей и выдвинули требование улететь за границу. Мы загрузились в самолет. Прилетели в Ижевск. Там пересели в автобусы и поехали к месту. С нами действовало другое подразделение. Ну, короче, после проведенных переговоров преступники детей отпустили.

Сам я пришел в роту ровно через месяц после того, как ее сформировали. Сначала был командиром учебного взвода, преподавателем спецдисциплин. Два года стоял в строю вместе с солдатами. Потом разрабатывали методику, кое-что перенимали из зарубежного опыта борьбы с терроризмом. Комроты стал в восемьдесят шестом. Участвовал почти во всех спецоперациях. Имею пятнадцать швов. Позвоночник немного травмирован. Получаю триста сорок пять чистыми. Две трети жизни провожу на работе. У меня жена и двое детей: Виталий и Ольга. Но сыну моя профессия не по душе. Он увлекается музыкой. А что касается ритуала вручения крапового берета, то мы придумали его потому, что у человека должно быть хоть что-то святое, то, за что можно держаться».

Краповые береты. Сбросив на землю автоматы и пластиковые шлемы, они теперь стояли перед майором плечом к плечу. По ботинкам стекала вода и болотная жижа.

Но они, выдержавшие рукопашные бои, семикилометровый марш-бросок, огненно-штурмовую полосу, теперь, казалось, даже не чувствовали усталости. Только ждали, что скажет майор.

— Поздравляю,— произнес майор, чуть помедлив,— все вы прошли это испытание. И теперь я могу вручить вам краповые береты.

Вадим Кухар. Двадцать три года. Инструктор. Прапорщик учебной роты специального назначения: «Эта форма для меня значит очень многое. Вот иногда ребята из других подразделений называют наш берет кепкой. Это обидно, и поэтому приходится их ставить на место. Хотя они-то не знают, что нашу форму нужно заслужить. Вот молодые ребята через два месяца будут сдавать экзамен на право ношения комбинезона и только через полгода завоевывать право носить краповый берет».

Краповые береты.«Мне стало известно,— сказал майор время спустя,— что один из вас совершил проступок, несовместимый со званием бойца спецназа. И хотя он сдал сегодняшний экзамен, я лишаю его права носить краповый берет. Шаг вперед».

Солдат чуть не плакал. Он уже прошел несколько спецопераций. Он уже нюхал запах теплой крови и ходил по лезвию бритвы. Он сдал в конце концов этот экзамен, к которому готовился и который ждал целых полгода, и вот теперь, после того когда он, быть может, впервые почувствовал себя настоящим мужчиной, его лишают этого чувства. Ему, наверное, хотелось сейчас умереть, подорваться где-нибудь на огненно-штурмовой полосе, лишь бы не испытывать позора. И изгнанным не быть.

Сергей Лысюк: «Что он натворил? Толкнул другого солдата. По нашим правилам мы должны были вообще убрать его из роты. Ведь мы увольняем даже за мелкий обман. Почему? Очень просто. Представь себе: нечестный, способный на подлость человек, получив у нас соответствующую подготовку, научившись освобождать заложников в здании или в самолете, сам стал террористом. Это будет враг, которого нельзя взять. Поэтому мы и не должны делать таких врагов. Наши люди должны быть честными и добрыми. Должны помогать, а не вредить людям. От этого и жесткость».

Взвод. Прапорщик Кухар в пятнистых камуфляжных штанах и обтягивающей мускулы майке стоит за деревом и, прицелившись из «калашникова», лупит по третьему взводу. Третий взвод бежит вяло: падает на землю и снова поднимается с земли. За спиной автомат или гранатомет. На плече — противогаз. На боку — штык-нож. А на голове, как дурацкая погремушка, болтается тяжеленная сфера с титановыми пластинами. Взвод устал. И прапорщик Кухар то и дело нажимает на спусковой крючок. Пф-пф-пф — стреляет прапорщик Кухар сухими губами.

— Многих убил?

— Почти всех.

— И ты бы поехал с ними в командировку?

— Сейчас нет. Но месяца через два наверняка. Тогда они уже станут бойцами.

Мимо прополз «убитый». Через разодранные хэбэ виднелись синие трусы.

Офицеры. Прапорщик Юрий Ваганов. Двадцать два года: «Когда солдат к нам приходит, мы его здорово проверяем. Он должен пробежать километр за три минуты. Перекувырнуться. Двадцать раз вперед и столько же назад. После этого смотрим вестибулярный аппарат. Должен шестьдесят раз отжаться от пола. Поспарринговать в боксерских перчатках. Два поединка по две минуты. Когда мы с Алексеем были в Баку, чтобы побыстрее проснуться, отжимались. Сорок раз отожмешься, ручками встряхнешь. И еще сорок раз. И так по пять подходов».

Вадим Кухар: «Курс на выживание — это очень просто. Приезжаем в лес. Солдаты сами ставят себе палатки, сами пищу готовят. Ночью начинаем обстреливать лагерь холостыми, бросаем взрывпакеты. И так всю ночь. Атака, отражение, двадцать минут спят, и все по новой. Три дня живут в напряжении. Некоторые не выдерживают. Таких мы сразу отсеиваем. Потом объявляем шестидесятикилометровый марш-бросок. Желающие — шаг вперед. Когда приезжаем из леса, нужно пройти рукопашный бой. Двое солдат против инструктора. Бывает, разобьешь ему нос или губу, он бросает перчатки и уходит. Такой тоже не будет служить в нашей роте.

Мы набираем в роту каждый раз человек сто и половину из них после этих испытаний отсеиваем. Может быть, это и жестко, но мы должны сделать так, чтобы в экстремальной ситуации с ним ничего не случилось, чтобы в случае чего все они остались живы».

Капитан Сергей Житихин. Двадцать семь лет: «Курс психологической подготовки включает в себя, например, присутствие на вскрытии трупов. И вот весь состав роты ездил в институт Склифосовского на это дело. Трупы там вскрывали полностью. Солдаты смотрели. Чтобы привычка была. Потом спускались в холодильник. Тоже смотрели. Потом вышли, с ребятами поговорили. Все-таки неприятно. Был человек. Тут, на улице, его родственники стоят. Плачут люди, им тяжело. Второй раз я бы туда не пошел. Хотя в командировках, конечно, тоже приходилось видеть трупы. Обгоревшие, изуродованные. А потом ты там сам ходишь какой-то взвинченный. Ведь в любой момент можешь оказаться на его месте. Так что просто не обращаешь внимания. Честно говоря, не до того».

Старший лейтенант Олег Полыскалов. Двадцать четыре года: «Почему у нас нет «дедовщины»? У нас просто есть стимул служить. Узнать свои реальные физические возможности. Уметь постоять за себя и за своих близких. В линейных подразделениях чему учится солдат два года? Шагать? А сила всегда была в почете. У нас черную работу делают и молодые, и старые без разницы. Они ведь и под пули идут рядом. И я с ними тоже иду. Ведь если завтра приказ, то мы должны быть уверены в том, что рядом с тобой человек надежный».

Раньше, говорят, жили от парада к параду. Теперь — от тревоги к тревоге. Это нормально. Теперь наших ребят из роты спецназа будят не страшные сны, не истошные команды стриженого дневального, а чье-то доподлинное горе. Именно оно, нежданное, заставляет наших ребят брать в руки братец-автоматец, прыгать в холодное брюхо транспортного самолета и лететь к кому-нибудь на помощь. Что там произойдет — неизвестно, но мы-то знаем, что летим туда, где другим не справиться, туда, где может пролезть, проползти и защитить только один спецназ. И чтобы защитить себя и других, даже в короткие недели от тревоги к тревоге, все равно нужно быть наготове, не дать расслабиться мышцам, заржаветь штык-ножу, душе измельчать. Иначе ты труп. Это точно.

А я надеялся, надеялся и ждал, что мне пофартит, что-нибудь случится, и тогда ребята возьмут с собой в командировку. Но они уехали без меня.

И тогда мне стало обидно. Не за себя. За них. Ведь это дико, думал я, противоестественно. Уже нет Афгана, но чьи-то дети, девятнадцатилетние мальчики, вновь напяливают маскхалаты, берут оружие и летят под пули, «заточки», ножи. Их матери и отцы уже научились читать между газетных строк нонпарелью, куда послали их сыновей. И все ли из них живы? О ранениях узнают позже — из писем и телеграмм. Им тяжело, понятное дело: ведь сходить в спецназовскую командировку — все равно что съездить на войну. Но ради чего?! — спрашиваю я себя,— зачем это надо рисковать жизнями одних ради жизней других? И чья жизнь дороже? И есть ли ей цена? И почему в конце концов кто-то из них — Мишка Комиссаров или Игорь Седлак — должен целиться в кого-то через снайперский прицел, а если отдадут приказ, не смазать. Ведь если смажешь, тебя-то точно разнесут на куски из охотничьего ру-

жья. Такие же, как и сам ты, молодые ребята.

Офицеры — дело понятное — получают за это деньги. Но солдатики-то ради чего? Имеет ли право государство вот так распоряжаться жизнью своих детей? Ведь через полтора года — «гражданка», и бронежилет приснится разве что в дурном сне.

— Салага ты,— сказал лейтенант и вернул обратно тлеющую сигаретку,— ведь должен кто-то делать и эту работу, должен кто-то вас защищать.

Командировка. Игорь Седлак: «Было ли мне страшно? Не знаю. Я об этом просто не думал. Тем более что за первые дни мы такого насмотрелись... Тогда нам нужно было вывозить турок-месхетинцев в лагерь для беженцев. Сначала женщин и детей. Люди в крови. Обгорелые, избитые. И вот по дороге наши автобусы забросали камнями. Мы закрывали женщин и детей щитами, но все равно отовсюду летели камни и битое стекло. Раскалывались щиты. Ужасно было смотреть на это. Все автобусы были в крови. А когда привозили их в лагерь, то встречали перекошенные злобой лица. И крики: «Мы отомстим».

Вадим Кухар: «Было ли у меня желание кого-то убить? Ну как сказать? Ситуации бывали разные. Обещали за ноги меня повесить, голову отрезать. Кирпичи бросали. Поначалу больно все это видеть. Очень хотелось это подавить. Но команды не было. И через пару дней привыкаешь. Потому что понимаешь: это провокация. Ну а когда внагляк с ножом бросались, то, конечно, бывало, заденешь. Не без этого. Или ты, или тебя. А так, обиды какой-то нету».

Сергей Житихин: «Вот нашему подразделению поставлена задача вывезти турок-месхетинцев из здания обкома партии в лагерь для беженцев. Ты думаешь, это просто так вывозится? Нет. На дороге заслоны. От нас требуют отдать всех турок на расправу. Что мы должны делать? Отдать турок? Советских людей отдать на расправу советским людям? Пусть сами разбираются? Ты никогда не задумывался? А я в последнее время часто. Ну почему я, советский солдат в Советской стране, должен ночью куда-то вывозить советских граждан? Почему мне кричат: «Зачем ты сюда приехал, фашист?!» И в этих условиях я должен в первую очередь отвечать за жизни тех, кого вывожу, во вторую очередь, к сожалению,— за жизнь своего солдата и в третью, если получится, за свою?

Решение конфликта стенкой на стенку подходит только для дикарей. А мы должны сделать так, чтобы они друг друга не перерезали».

Старший лейтенант Анатолий Куликов. Двадцать пять лет: «Ты знаешь, чтобы понять, почему мне нравится такая работа, нужно видеть этих людей. Этих заложников, которые стояли на грани смерти. Надо видеть их глаза. Иначе не понять».

Желтый автобус спецназа долго фырчит выхлопной трубой, наконец двигатель набирает обороты и, громыхая железом, тащит к закопченному, наполовину развалившемуся зданию с выцветшей надписью «Гостиница «Волна».

Здесь нас ждет обед, семь бутылок молока и часовой расслабон. Можно даже вздремнуть. Голову на одно сиденье. Ноги — на другое. Задницу — в проход. Вон, как Мишка. Но разве спецназ даст уснуть? Во время обеда спецназ травит байки. Спецназовские, конечно.

«Что плохо? Если я уезжаю в командировку, то за это мне ничего не идет. Моя зарплата сто восемьдесят рублей. Тридцать пайковых я там проел. Командировочных выплатят рублей пятьдесят. Надо одеваться, хочется куда-то сходить. Я ведь еще молодой. А на сберкнижке — тридцатка. У солдат и того хуже».

«Есть тут, в дивизии, один товарищ. Знаете, какая у него любимая поговорка: «Солдат без бирки не солдат». Другой товарищ как-то поднял нас ночью и велел убирать до семи утра снег. А у нас ребята дружные, до четырех управились. Нет, говорит, вы до семи тут еще побудьте. Ну зачем это все, зачем?

Вообще нас раньше часто на хозработы посылали. Вагоны разгружать или убирать картошку. Но после событий в Сухуми нам стал покровительствовать командующий, и, слава богу, теперь не посылают вообще.

А так, бывало, частенько слышишь: «Ну и что с того, что вы спецназ. Во время войны будете стоять в цепи». Правильно, нужда заставит, будем. Но ведь спецназ предназначен совсем для иного.

За такую работу, которую мы на спецоперациях делаем, нужно платить минимум пятьсот. А спецназ сделать профессиональным».

«Помнишь захват заложников в Семипалатинске? Там пошли непрофессионалы. И чем это закончилось? Убили майора, ранили капитана, пострадали заложники. Они просто не знали, как действовать в этой ситуации, не умели. И поэтому так получилось. А ведь в этом деле тоже нужны профессионалы. Актер перед спектаклем пять — десять раз выходит на сцену. Так же и мы».

Пятьсот? Даже мало. Пробыв в спецназе всего неделю, поползав на брюхе и даже не узнав, чем пахнет командировка, я бы не пошел и за тысячу. А каково майору Лысюку два года натаскивать профессионалов, а потом прости прощай? Каково штопать прогнившие фалы и молить бога, чтобы не позволил навернуться с пятого этажа? Каково прапорщику Вадику Кухару жить на такую зарплату? А другим солдатам и офицерам? Каково им ломиться на пулю и знать при этом, что всем, ну всем абсолютно, кроме друзей и близких, все равно, мертвый ты или живой? Всем нужна твоя сила, твой краповый берет, но не судьба. На судьбу вот так...

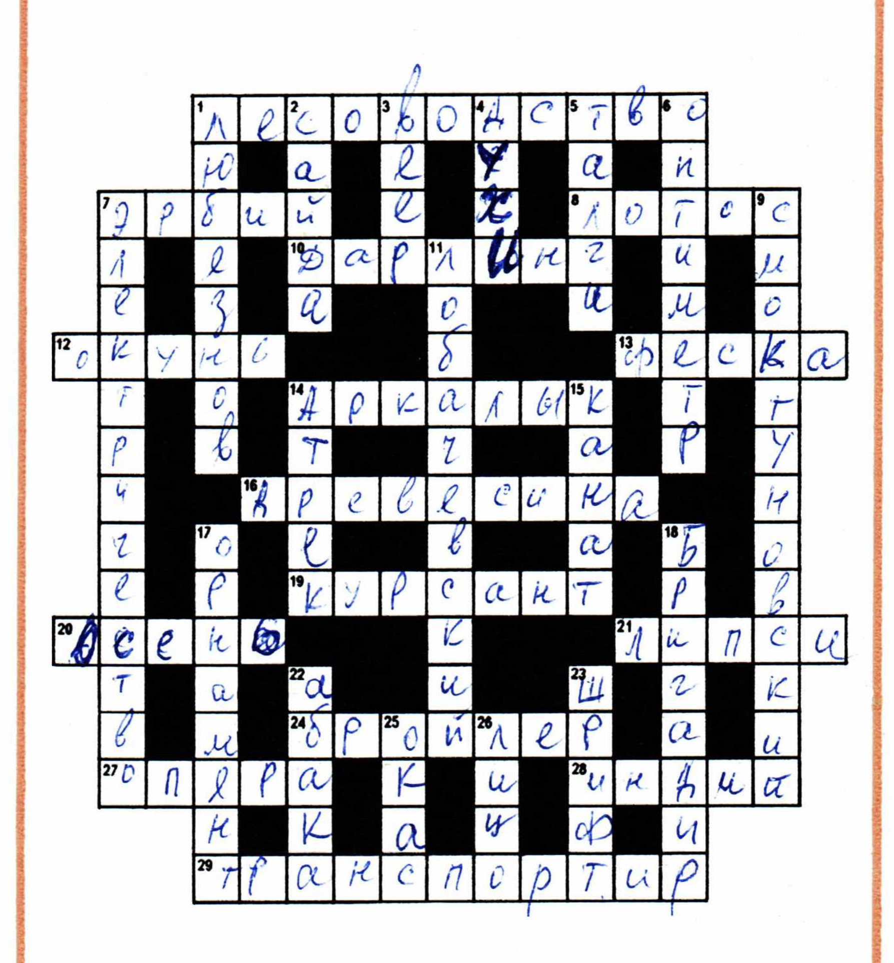
Но наплевать, спецназ никогда никому не отказывал. Он всегда там, где нужна его помощь. И поэтому все они, ребята из спецназа, достойны наконец человеческой жизни. Ведь от них зависят жизни каждого из нас.

В портмоне комроты Сергея Лысюка — маленькая фотография Че Гевары. Я знаю, что такая же фотокарточка есть и у других офицеров. И в комнате отдыха, где они гоняют вечерами чаи. Эрнесто Че Гевара — герой роты спецназа. День его памяти отмечается каждый год.

Дорогой пыльной под командой старшины,
Вернувшись из похода,
В казарме ночью молодые видят сны — усталая спецрота.
Пройдет, коль надо, через горы и снега,
Сквозь топи и болота,
Пройдет, коль надо, даже к черту на рога.
На то она, на то она, на то она спецрота.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Отрасль растениеводства. 7. Химический элемент, металл. 8. Южное земноводное травянистое растение с крупными цветками. 10. Река в Австралии. 12. Пресноводная промысловая рыба. 13. Мужская шапочка из фетра или шерсти в форме усеченного конуса. 14. Город в Казахстане. 16. Лесоматериалы. 19. Воспитанник военного училища. 20. Время года. 21. Современный бальный танец. 24. Цыпленок, выращиваемый на мясо. 27. Музыкально-драматическое произведение для исполнения в театре. 28. Химический элемент, легкоплавкий металл. 29. Чертежный прибор.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Народный артист СССР, выступавший в Малом театре. 2. Промысловая рыба семейства тресковых. 3. Небольшое опахало. 4. Ароматичное парфюмерное средство. 5. Курорт в Дагестане. 6. Прибор для точных линейных измерений. 7. Форма энергии. 9. Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 11. Русский математик, создатель неевклидовой геометрии. 14. Река в Иране и СССР. 15. Гибкое изделие из стальных, синтетических, растительных волокон. 17. Художественное украшение из ритмически чередующихся элементов. 18. Комедия Д. И. Фонвизина. 22. Растение рода банан, манильская пенька. 23. Комплект типографских литер. 25. Живописец и график, народный художник СССР. 26. Грамматическая категория глагола.

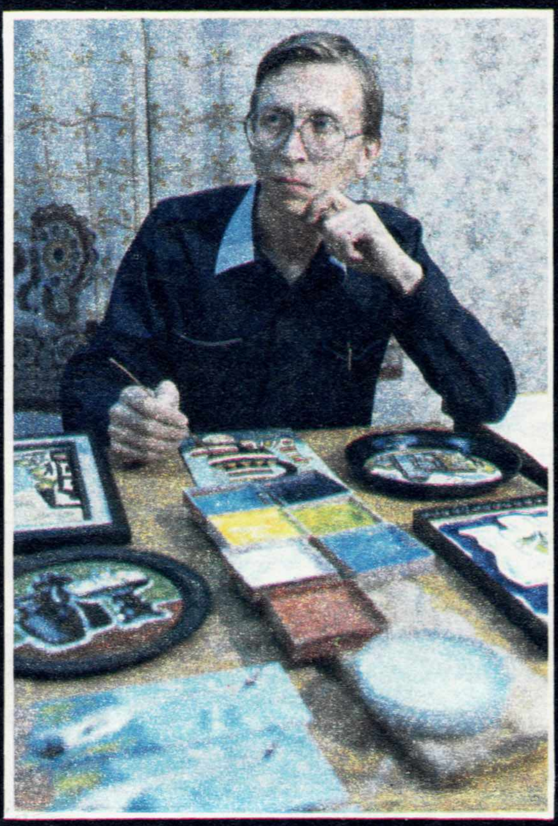
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Версаль». 8. Дисплей. 9. Коломна. 11. Пушнина. 12. Глобус. 13. Порыв. 15. «Гаянэ». 16. Коллективизм. 18. Журналистика. 21. Варна. 23. Адрес. 25. Сварка. 27. Кантата. 28. Автокод. 29. Палитра. 30. Пирогов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Сенокос». 2. Всходы. 3. Шланг. 4. Минус. 5. Японка. 6. Теснина. 10. Альтернатива. 11. Публицистика. 14. Валторна. 15. Глиптика. 16. Кряж. 17. Мама. 19. Сарафан. 20. «Ледоход». 22. Натрий. 24. Дронов. 25. Стерх. 26. Авгит.

МОСКОВСКИЕ ЭМАЛИ

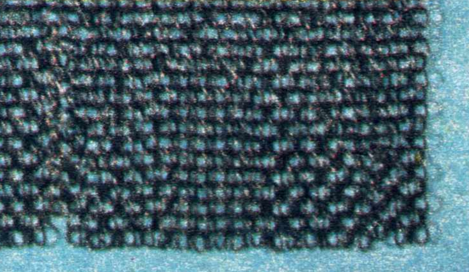
«Русский сувенир» — московское предприятие — напрямик соединяет наше прошлое с будущим. Эмали столичных мастеров дают право так утверждать.

На каждое изделие — от эскиза до образца — требуется 50—60 дней. Тираж — до 500 экземпляров. Обычно же обходятся 100—150 штуками. Случаются, однако, вещицы и вовсе уникальные, авторские, предел — пять экземпляров. Такие особо ценятся коллекционерами.

Открыли для себя эмали «Русского сувенира» и закупщики из фирм США, Канады, Японии... Кто против, чтобы превосходные плакетки объявились в заграничных домах и музеях, но не окажется ли, что через год-второй не будет на московских прилавках «Крутицкого терема», «Арбатских переулков», «Кремлевских башен» не в оголтело-кооперативной трактовке, а в бережном, отличном исполнении мастеров «Русского сувенира»? Возможности же у предприятия более чем скромны: в тесноте, в обветшалости приходится работать. Может, кто из Моссовета заглянет сюда, поможет?

Сначала — словом, а затем — и делом...

К. КОСТИН
Фото М. САВИНА

40 коп.
Индекс 70663

